

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

№ 25
1984 (I)

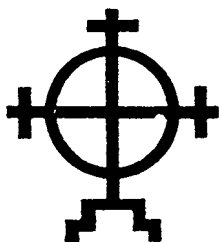
1984 (I) Выходит ежеквартально

№ 25

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1984 (I) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 25

THE RUSSIAN RENASCENCE

Редакция: К. И. Киселева, Т. А. Родзянко (секретарь редакции), З. В. Трифунович, М. А. Холодная (заместитель редактора).

Члены редакционного совещания: прот. А. Лебедев (США), прот. А. Трубников (Франция), прот. В. Потапов (США), дьякон Н. Семенов (Франция), В. И. Алексеев (США), Е. А. Вагин (Италия), Ю. Л. Джапаридзе (США), З. Е. Залеская (Франция), Ю. П. Залеский (Франция), Е. Н. Казанская (Австралия), А. Е. Климов (США), Р. В. Плегнев (Канада), Н. П. Полторацкий (США), Г. А. Рар (ФРГ), Н. Г. Семенова (Франция), А. Н. Федоров (Франция).

Ответственный редактор № 25-го — В. И. Алексеев.

Рукописи просьба присылать напечатанные на машинке на одной стороне листа и через два интервала. Непринятые рукописи не возвращаются. Статьи, помещенные в журнале, не обязательно выражают мнения и взгляды редакции, считающей, что тема Возрождения России должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

Писать по делам журнала и посылать рукописи по адресу издательства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Адрес издательства:

Rev. A. KISELEV

**1000th Anniversary Committee, 322 West 108th Street,
New York, N.Y. 10025, USA. tel.: (212) 663-9093**

Copyright by the Preparatory Committee for the One Thousandth Anniversary of the Baptism of Russia, 322 West 108 St., New York, N.Y. 10025, USA.

*Обложка работы художника А. В. Русака
Крест из церкви свв. Апостолов Петра и Павла в
Кожевниках (Новгород) 1406 год.*

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историческою неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США — Американско-русское просветительное Общество «Родина» — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей — Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека — Гарнизон 297 им. ген. Турчинова — Западно-Американская и Сан-Францисская Епархия — Кадетское Объединение — Комитет защиты гонимых православных христиан — Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе — Конгресс русских американцев — Национальная Организация Витязей — Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) — Организация Российских юных разведчиков — Западно-Американский отдел ОРЮР/НОРС — Общество «Отрада» — Обще-Монархическое Объединение в Монреале — Общество «Икона» в Париже — Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской — «Православное дело» — Русско-американское просветительное общество в Детройте — Российский Имперский Союз-Орден — Русский центр в Сан-Франциско — Св. Серафимовский Фонд — Северо-американский отдел Русского Общевоинского Союза — Ставропигиальный Св. Троицкий Монастырь (Джорданвилль) — Союз русских инженеров — Союз ревнителей памяти Императора Николая II — Российское национальное объединение в Германии — Братство Святого Креста в Австралии — Общество Галлиполийцев в Лос-Анжелесе — Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция — Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США — Фонд Царя-Мученика — Православное братство всех Святых, США — Восточно-Американская и Ньюйоркская Епархия — Владимирское братство, США — «Русский очаг», Аргентина — Женский благотворительный комитет — Толстовский Фонд.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Мы, православные русские люди, в преддверии тысячелетия нашего крещения мыслим о русском возрождении, как о вступлении на путь, приводящий к традиции, которая вся, от начала до конца, зиждется в этих, заливающих радостью нового, чистого, сияющего бытия, словах — Христос Воскресе!

Ощущение этой радости есть ответ на наше человеческое взыскание. "Ищите и дастся вам" — сказано нам. Поиски радости пасхальной есть дело всей жизни человека.

Ликует душа и изливается словами: *"Воскресения день! Просветимся, люди! Пасха Господня, пасха! Ибо от смерти к жизни и от земли на небо Христос Бог привел нас, поющих (песнь) победную"*.

— *Христос воскрес из мертвых.* —

И вот то же самое, о чем говорили мы выше, говорится и св. Иоанном Дамаскиным в написанном им каноне св. Пасхи: *"Очистим чувства и узрим... Христа..."*

"Ныне все наполнилось светом..."

"Вчера я погребался с Тобою, Христе (изживал, умерщвлял мои грехи), сегодня восстаю с Тобой, Сам Ты прославь меня с Тобой, Спаситель, в Царствии Твоем". (Потому и восстаю — возрождаюсь, что с помощью Божией спихнул с себя давивший меня камень грехов).

В заключительной части канона трижды поется: *"Воскресение Христово видевшие..."* Ибо в этот день, действительно, все любящие Христа увидели и видят Его воскресение: одни телесными очами, другие очами веры.

Богослужение св. Пасхи, как и каждое богослужение, есть путеводитель, руководитель наш ко спасению. Дай, милостивый Господь, воскресший Спаситель человеческого рода, чтобы все и каждый увидел и уверовал! Чтобы народ наш, поистине народ многострадальный, встал, пошел и дошел до своего возрождения и едиными устами воспел: *"Воскресение Христово видевшие (увидев) поклонимся святому Господу Иисусу, единому безгрешному"*.

Буди! Буди!

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Иван Лукаш

МОСКВА ЦАРЕЙ

*Меня, о солнце, воскреси.
И дай мне на Святой Руси
Увидеть хоть одну денницу.*

Кн. Одоевский

На сыропустной неделе, в последнее воскресенье перед масленицей, на Москве совершалось действие Страшного Суда.

Действом открывались дни московского великого покаяния и милосердия, благостыни, добра.

Красота Московии и, может быть, вся красота, сила и свет русского духа, какой еще дышит в нас, — все от тех дней удивительной благости Москвы, больше трех веков тому назад...

В воскресенье перед масленицей Патриарх Московский с сонмом священства, под пение стихир, совершал таинственное действие Страшного Суда.

На площади, за алтарем Успенского собора, ставился образ Страшного Суда.

Смолкало пение, все опускались на колени. Один Патриарх подходил к образу в своей темно-лиловой мантии и белом клобуке. Полотенцем Патриарх утирал образ.

Для нас, потомков, уже невнятно и странно то, что было понятно предкам, как Патриарх, на деннице, в молчании всея Москвы, утирал образ Страшного Суда, чтобы перед каждой душой яснее проступил, открылся, грядущий Суд Божий.

И до того, как Патриарх утирал полотенцем образ, московский Царь уже начинал дни покаяния и милости.

Часа за три до света, Государь по спящей, темной Москве, тихо обходил, пеший, московские темницы, остроги, богадельни, где лежали раненые, и сиротские дома.

Там Государь из своих рук раздавал милостыню и даровал освобождение.

Так было почти четыреста лет назад в той Московии, которую кто только не ленился называть варварской, заушать и поносить. Но, если сравнить ту древнюю страну отцов, с тем, что творится в теперешнем трупном царстве, — та Москва, четырехсотлетняя, давняя, где сам Государь странствовал по нищим, сырым и страждущим, покажется потомку Царством Небесным...

В день действия Страшного Суда, в государевом дворце, в Золотой и Столовой палатах, накрывали еще громадные столы.

Государь звал к себе в гости всю московскую нищую братию.

Совершенно удивительна высота человеческого христианского образа Московии в тех трапезах нищих с самим Государем.

Такой милосердный обиход установился на Москве после смутных времен. Страна отцов как будто уже тогда находила чудесное и необыкновенное разрешение всех общественных противоречий, устанавливала удивительное царство мира и справедливости со своим Государем и Патриархом, Земским собором и обиходом добродетели. Нельзя забывать, что каждое деяние Государя повторял, по мере своих сил, каждый московский человек...

И как передать этот удивительный образ Московии, когда в тумане, нанесенном с улиц, в тряпье и гноище, рваная, нищая, лапотная Москва в кафта-

нишках на ветру, дрожащая, со слезящимися глазами, гремящая костями на тележках, с пением стихов вся шла в царские палаты, озираясь на роспись стен, на золотые и синие, многочтимые ангельские силы и воинства, и рассаживалась за убранные столы...

А к нищей братии всяя Руси выходил сам Государь в золотой шапке с играющими алмазами, в сафьяновых сапогах, унизанных жемчугами, — как небесное видение, и садился с нищими за один стол.

Так было. Так из года в год свершалось в Москве. Именно так создавался дух Святой Руси.

И был в том залог, свет преображения необыкновенного, какое несла в себе Московия, и, может быть, донесла бы и довершила, если бы ее нетерпеливый и бурный сын, гигант с трясущейся головой, в жажде могущества, не погнался бы за немецким барабанным боем, лаврами, громом пушек и фейерверками с горящими вензелями.

Обход Царем темниц и острогов, и царские трапезы с нищими были не "буквой" — это было самое глубокое, таинственное дыхание Московии — Царства Милосердия — и свидетельство тому хотя бы, что в Золотой палате с царем делили хлеб не какие-нибудь десятки принаряженных попрошайек, а к Царю в гости приходила воистину вся нищая Москва.

И в 1664 году, например, за столом царя Алексея Михайловича сидело с ним больше тысячи московских нищих.

Так начинались прощенные дни Великого Поста.

Государь просил прощения у Патриарха, у Царицы. Прощались с Царицей ее верховные боярыни, мамы, казначеи, постельницы, мастерицы. Государь в Архангельском и Благовещенском соборах просил прощения у гробов своих родителей.

В те дни, когда Москва просила прощения друг у друга и у отцов своих, Государь прощал и освобождал колодников, "которые, в каких делах сидят многие лета".

В прощенные дни Царем прощались их старые вины. Тянулись дни Великого поста.

Наша деревенская, наша истовая страна отцов со всех краев посылала к государеву двору из монастырей ржаной хлеб, капусту, монастырский квас.

При царе Алексее Михайловиче особенно славился печением хлеба и пенными квасами монастырь Антония Синайского под Холмогорами. Со всей простодушной наивностью посылали своим государям в Москву квашеную капустку, ржаной хлебушко, да пшеничничек Коломна и Можайск, Устье Борисоглебское, и Никола Угрешский, и Звенигород.

А на Благовещение патриархом совершался чин преломления хлебов.

За Всенощной в Благовещенском соборе Патриарх благословлял и преломлял благодарные хлеба, а с ними разливал по кубкам вино.

Укруги хлеба, ломти калачей и кубки вина раздавались за всенощной всему народу. Первый же округ хлеба, ломоть калача и первый кубок получал из рук Патриарха краса-Государь.

На Благовещение Государь во второй раз созывал к себе за стол московскую нищую братию, сирот и калек. Это была благовещенская трапеза.

От 1664 года сохранилась запись столового счета. Какую же, действительно, сказочную, великолепную уху варили царевы повара и поварихи для его нищих гостей в громадных царских котлах. Для ухи было куплено двадцать три щуки, каждая "в три чети длиной", а на три чети — это аршин с лишним. Язей же,

карасей и окуней рассольных, "было просто бессчетно"...

Так начиналась благодетельная московская посещением темниц и острогов, освобождением колодников в прощенные дни, трапезой для нищих братии — сыропустной и благовещенской. И свершалось так из года в год. На том и стояло Царство Московское.

Подходило, между тем, Вербное Воскресенье.

В неделю ваий свершалось шествие на осляти.

Это было всенародное зрелище смирения Царя. Патриарх олицетворял образ Христа, Москва, как новый Иерусалим, встречала Его "осанной", а московский царь, пеший вел под уздцы белого Христова коня.

Русская жажда преображения всего земного в небесное и воплощения небесного в земном, была в таком сочетании Патриарха на белом коне и пешего Царя перед ним...

Иностранцы Маржерет, Бер, Гаклюйт, Олеарий, с одинаковым изумлением описывают величие этого шествия.

Из Успенского собора выносили высокую, украшенную вербу. Под нею, с пением стихир, шло пять отроков в белых одеждах. За вербой начиналось шествие больше чем тысячи отроков, в белых одеждах, с горящими свечами. Это было белое шествие.

Потом несли хоругви и образа. Это было золотое шествие: золотые хоругви, священство в золотых и цветных парчевых ризах. За священством, в золотой парче, в алмазах и жемчугах, шло пешим боярство.

Белое и золотое шествие внезапно прерывалось красным: снова шли отроки, но уже в красных одеждах. Они замечательно назывались на Москве — пламенниками.

Пламенники сбрасывали с себя красные одеяния,

расстилали их перед белым конем.

Перед конем шел Государь. Он вел за уздцы белого коня. Конь был весь покрыт ослепительно белым сукном и его голова была в московском белом капуре.

Царь вел коня под уздцы. На коне — Патриарх. В его левой руке окованное золотом Евангелие, правой он благословлял московский народ.

Шествие двигалось за Спасские ворота до Покрова, к Василию Блаженному.

Хрустальные кресты и рапиды несли московские протоиереи.

За протоиереями шли московские соборные ключары. За ключарями в цветных ризах, — духовенство вся Москвы.

На Лобном месте Патриарх сходил с белого коня и подавал Государю палестинскую пальмовую ветвь и русскую вербу.

*О, Боже мой, кто будет нами править!
О, горе нам.*

Пушкин.

Сколько бы веков ни протекло и как бы ни был отдален потомок, навсегда затаилась в нем память о милосердном свете древнего Московского Царства.

Милостыня нищей братии, посещение острогов, темниц, освобождение заключеников, прощение вин перед лицом всепрощающего Господа, — так каждый год, от века в век, покуда стояло Московское царство, — волнами света поднималось, разливалось его милосердие.

Немеркнущий свет Московии, — милостивый свет, — одна из самых таинственных и прекрасных частиц

русской души. Мы гордо любим гром Полтавы, но и за громом империи мы всегда чувствуем свет тишайший, необыкновенный, незаходимый свет Царства Московского, чудесного, невнятного и умолкшего, как молитва...

Царь на Страстной Неделе опять посещал заключенников и освобождал колодников. Страстное освобождение было вторым по счету после прощенных дней поста.

— Ежегодно в Великую Пятницу, — записывает англичанин Коллис, — Царь посещает ночью все тюрьмы, разговаривает с колодниками, прощает преступников...

Страстная ночь. На высоком Кремле перекликаются стрельцы, ночная сторожевая стрела: "Славен город Москва, славен город Ростов, Суздаль, Архангельск"... Ночная стрела помянет все города Московской державы, Дома Пресвятой Богородицы.

На улицах тишина. Москва курится ночным паром. Едва светится кафтан Государя. Он идет с боярами от заставы к заставе. Он идет в тюрьмы.

В Страстную Ночь в острогах теплились свечи. Все было прибрано. Там и злодей на цепи, вклепанной в стену, надевал заветную чистую рубаху, и под недужным вором постилали солому. В темницах, куда и свет не западал никогда, горели свечи, как в церкви. Колодники ждали красу-государя.

Каким ужасающим обманом, каким иудиним предательством, покажутся все эти демократии, революции, коммунизмы, чем загнали христианский народ на пытки без вины и на страдания без милости, если вспомнить только, как четыреста лет назад, в Московии, сам царь сходил в тюрьмы и разговаривал с колодниками, и прощал, и освобождал...

Государь был как бы воплощением самого Милостивого Спаса. Гремя цепями, к нему тянули руки, на него смотрели глаза, отвыкшие от света и, может быть, горячо молился разбойник: "Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое".

В Страстную Ночь, самую таинственную и прекрасную ночь Москвы, когда Спаситель испускал на Кресте дух, московский Царь как бы принимал на себя Его земное служение, творил Его дело: сам Царь среди колодников в темнице...

На Страстной Неделе 1655 года, дворцовый писец бесхитростно записывает:

"В первом часу пополночи изволил великий Государь идти в земской двор и в больницу, и в Аглицкой и тюремный дворы, и у Спасских ворот, в застенки, жаловал своим государевым жалованием и милостынею иже из своих государских рук. А жаловал безщотно".

Теперь, в Страстную Пятницу, в глухонемой Москве, где человек замучен беспощадно, только могущественные видения милосердия московских царей прошли по душам, только провеяла снова немая память о Руси Святой, Руси человеческой...

Милость и освобождение в прощенные дни.

Милость и освобождение в страстные дни.

А третья великая милость и освобождение совершались на самое Воскресенье Христово, в Святую Ночь. Три раза в год, в три Божьих дня, даровал Государь людям милость Божьей свободы.

Заутрени. Сохранилась совершенно живая запись шествия к Заутрене царицы в весеннем сумраке московских древних улиц.

Золоченую карету царицы везли десять белых лошадей. За каретой верхами скакали царицыны

боярышни. Они были в белоснежных круглых шляпах, подбитых розовой фатой, со шляп спускались на плечи желтые ленты с кистями. Лица верховых боярышень были покрыты сквозящими фатами. Все они были в сафьяновых желтых сапожках.

Впереди поезда стрельцы несли тяжелые ослопные свечи, а за царицной золотой каретой шли старики-бояре, по трое в ряд, все в золотой парче.

На Заутрене, в огне свечей обрачатых, витых такими мастерами живописного дела, как Леонтий Чулков, свечей зеленых и красных, переливались блеском парча и золото тяжелой чеканки. В этом горячем и живом шевелении, когда так неузнаваемы, светлы и нежны все лица, Заутреня была, как само золотое небо, сошедшее на землю.

И от Заутрени Царь снова шел к заключенным.

В Святую Ночь в Москве, затихшей в последние мгновения перед воскресенским перезвоном, царское шествие, смиренное, пешее, было как бы шествием самого воскресшего Христа.

Весь год, в милосердном круге, совершалось одно мистическое действие царского служения, и вершиной его было шествие в Пасхальную Ночь ко всем труждающимся и обремененным.

Царь первый приносил им весть:

— Христос Воскресе...

И может ли представить потомок, в каком тихом восторге, каким светлым гулом, — ликованием человеческим, — отвечали Царю московские темницы:

— Во-истину...

В такие мгновения и утверждалась навеки Святая Русь. И все, что есть в нас прекрасного, истинного, живого, — все свет тех московских времен, Москвы Христовой победы, Москвы Воскресшего Господа.

А в первый день Пасхи Государь дарил освобожденных и помилованных, жаловал нищих у Спасских ворот и обходил по всей Москве раненых и пленных.

При царе Алексее Михайловиче пленных держали на Аглицком дворе. Какой свет святой, человеческий, разлит в каждом слове простой и точной записи о посещении Государем московских пленных в 1664 году, больше трех веков назад:

”Изволил великий государь жаловать пленных поляков, немцев и черкес, и колодников на Аглицком дворе, чекменями, шубами, рубашками, портами, и угощать их, а яств изволил жаловать лучших: баранины, ветчины, каш, круп грешневых, пироги с яйцы и мясом, калачей двуденежных, вина и медов”.

Другая запись дополняет:

”В 1664 год великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея великия и малыя и белыя Руссии самодержец, изволил ходить на большой тюремный и на Аглицкой дворы и жаловал своим государевым жалованием — милостынею, из своих государских рук, на тюремном дворе тюремных сидельцев, а на Аглицком дворе полоняников, поляков, немец и черкас. А роздано в избах: в Опальной — 98 человек по рублю, в Барышкине — 98, в Заводной — 17, Холопией — 68, Сибирке — 79, Разбойной — 160, Татарке — 87, Женской — 27”...

Всюду сам Государь, всюду его милость, свет, прощение, и в самых тайных застенках, — в Опальной, в Разбойной, и в Сибирке, и в Татарке...

А на Аглицком дворе, где сам Государь разговлялся с пленниками, их содержалось тогда больше четырехсот душ.

После Заутрени, Царь жаловал еще Москву велико-

денским красным яичком. Царь раздавал яйца куриные, гусиные, точеные деревянные, росписные по золоту и в яркие краски, в узор и в цветные травы, а в травах птицы, звери, люди...

Наши праотичи-москвичи дарили друг другу целые ящички пасхальных яиц, — ящички слюдяные, как отмечает одна запись, в них по сорок яиц, писаных по золоту разными красками, а писал московский живописец Иван Салтанов.

Пасхальные яйца точились токарями и расписывались травщиками Оружейной Палаты Троице-Сергиева.

Троицкие токаря и травщики о посылке пасхальных яиц так бьют челом Государю:

”Богомольцы из Живоначальной Троицы Сергиева монастыря, архимандрит Феодосий, келарь Леонтий с братией, челом Алексею Михайловичу бьют: прислал к нам, богомольцам твоим, из Оружейныя Палаты, сто яиц деревянных, точеных, да золота сусального*, да красок бакану, да яри веницейской, а велено написать яйца по золоту розными цветами и красками Троицким травщикам, добрым письмом травы, а в травах писать птицы и звери против прежнего. И мы, богомольцы твои, написав, послали тебе, великому государю, в апреле 21 день в Москве”.

Царь христосовался после Заутрени со всеми, подавал пасхальное яйцо и жаловал к руке. Яйца разносили на деревянных блюдах, обитых либо серебром, либо бархатом.

За одну только Заутреню Государь жаловал Москве до сорока тысяч великоденских яиц...

Празднование Пасхи, радости воскрешения и

*листового.

оправдания жизни, начиналось с того, что Патриарх посылал Царице в подарок целый мех меду.

Боярыни большие и малые, привозили к царице перепечи-куличи. Со вся Руси, на возах, везли Государыне духовитые куличи. За день их привозили по много сотен...

Всюду пиры, всюду игрицы, домрачей, бахари, качели. А над Москвою трезвон.

Из сытенных, кормовых и хлебных кладовых, из погребов и ледников, выносили на разговены фряжские пития: романей, алканы и ренские. А из пивоварен, квасоварен и браговарен московских выносили меды, красные и белые, малиновые, яблочные, вишневые, смородинные, воды гвоздичные и пенное пиво.

Веселыми ногами в трезвоне, радовалась Москва Пасхе.

И ее радость донесена до наших душ, и пройдет от нас во все века, покуда есть на свете русское имя...

БЛАГОДАТЬ СВЯТОГО ОГНЯ

О святом огне слыхала давно я, и с детства мечтала попасть в Иерусалим, чтобы самой на него посмотреть. Приходится подчеркнуть, что это было не столько из-за искреннего благочестия, сколько из-за искреннего и простого любопытства. Моя мама рассказывала нам, что говорят, что чудес больше нет, а вот у нас православных на Св. Земле каждый год в субботу перед Пасхой сходит Святой Огонь с неба — и не просто сходит, но что весь собор сразу им наполняется и что этот огонь людей не обжигает. "Как это — весь храм наполняется огнем?" "Все стоят с новыми свечами и ждут. Когда является огонь, все свечи зажигаются". "Значит, все его в один момент получают?" "Кто получает, а кому передают. Вобщем, это патриарх молится, и он-то должен получить, а все остальные как придется". "Гораздо более интересно огонь получить с неба, чем от кого-то. Ведь если это просто передача, что тут особенного?"

Этим разговор кончился. С тех пор у меня появилась мысль попасть когда-нибудь на Св. Землю и там самой посмотреть. В принципе, я была вполне готова верить в чудеса, я даже этого хотела — но мне трудно было признать, как истину то, чего сама никогда не ощутила. Я хочу верить, мама, но совесть мне просто не позволяет.

Весной 1983 года сбылась моя мечта — провести весь Великий Пост в монастыре, а также сподобиться быть в Великую Субботу у Гроба Господня на сошествии Св. Огня. Не буду сейчас входить в детали жизни в монастыре; скажу пока только, что для каждого православного необходим хотя бы временный опыт такой жизни, чтобы понять, что монашеская жизнь не экзотика или ка-

кой-то странный, сверхъестественный подвиг: мы все призваны быть аскетами, все должны созидать нашу внутреннюю духовную жизнь. Самое удивительное и, надо сказать, приятное открытие для меня было именно отсутствие всяких миражей; Святая Земля замечательна тем, что святость здесь реальна, очевидна и полна здравого смысла.

Вне Св. Земли об осязаемости благодати мало говорится. Жаль. До жизни в Иерусалиме, смысл прошения — "ниспосли благодать Святого Духа Твоего на нас" — до меня не доходил. Благодать была желанная, но незнакомая абстрактность. Несмотря на свою жизнь в семье священника, я благодати, как реальности, не знала; вернее, я о ней никогда не думала.

Что же дала мне Св. Земля? Благодаря наставникам (частично из-за того, что они говорили, но в основном из-за того, кем они были), до меня стало доходить, что благодать можно узнать, определить, и потом, когда ее больше не чувствуешь, опять о ниспослании ее молиться. Само слово открывает свое значение: *благодать* — она благая, и она дается. *Благая*, потому что, как и все приятные ощущения, испытав раз, будешь всегда стараться его вернуть. *Дать* — потому что не сами ее достигаем, и получаем не по достоинству, а по неисповедимому промыслу Божию. На вопрос, почему благодать от нас отнимается, о. Иоасаф (проживающий в Иерусалиме больше 20-ти лет) объяснил, что это для того, чтобы показать нам, какая серо-вялая жизнь без нее.

Меня просили написать о сошествии св. Огня, но, между прочим, это явление в самом Иерусалиме называется просто "Благодать". Например, одна инокиня говорит другой: "А на Благодать завтра собираешься?" "Не знаю, толпы, а служб сколько еще остается".

Покойная игуменья Варвара говорила, что за все годы своего пребывания в Св. Земле она была на Благо-

дати только раз. Вот почему: "Нельзя, чтобы такое чудо сделалось обычным".

С каждой неделей великого поста, я больше и больше прислушивалась к рассказам об Огне. "Я стояла прямо перед кувуклией*, с дипломатами, — говорила сестра Нонна, — полицейский меня поднял туда, наверно из-за глазок голубых, — продолжала она, улыбаясь. — Стою и молюсь: покажи мне, Господи, знак какой-нибудь. И вдруг вижу: зажглась, сама зажглась одна из лампад над Гробом! После этого я в Гефсимании и осталась".

"Я не хожу больше на Благодать, — таинственно шепчет мать Афанасья, — столько возни, людей, давка. Но каждый год в полдень, вот-вот наступает время — и я здесь в келье замираю — а что если не будет? — и дышу быстро, и жарко — и вдруг — колокола! Звон 'до нашей Елеонской горы долетает! И опять возможно делается жить — ожидать еще год".

А у меня лично не так. Жила в Гефсимании весь Великий Пост, с масленицы еще. Хотя сестры в Гефсимании и предупреждали, что в Великую Пятницу именно в этой, Гефсиманской, обители бывает невозможно тяжелое состояние духа, я все же не ожидала того, что пришлось пережить. Действительно, настроение делается темным и ужасным. Начинается это еще накануне.

Все, принадлежащие к Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, собираются в Гефсимании на Великий и Святый Четверг и начинается наш "крестный путь". Идем от Гефсимании до Судных Врат с остановкой в темнице.

*Кувуклия — это часовня над Гробом Господним, состоящая из двух приделов — Придел Ангела, где находится камень, на котором сидел ангел, благовестивший Воскресение Христово; — и сам Гроб Господень. Кувуклия находится под крышей храма Воскресения Христова.

Процессия длится почти полчаса; все время поем "Егда славниі ученицы"*. Отец Антоний сказал слово и все по очереди поклонились Месту, где никто из присутствующих в то время там мужчин не заступился за Спасителя и Он был окончательно предан на распятие. В эту ночь просто ложиться, читать правило и спать, невозможно. Христос не только среди нас, но мы Его предали и Он теперь распят. Его страдания ощущаются так остро, что и думать о своих грехах, и о чем-то личном совестно. Можно лишь двигаться, как будто под водой, и надеяться на наступающую благодать.

Одна из любимых служб нашей семьи всегда была литургия Великой Субботы. На приходах на эту службу мало кто приходит. Собираемся на клиросе семьей — поем, читаем паремии и ликуем: "Господа пойте и перевозносите во вся веки!".

Здесь, на Святой Земле, все было иначе.

Добрались мы ко Гробу Господню только в полдень. Для обеспечения порядка, чтобы пустили в Храм в день сошествия Святого Огня, надо за несколько дней до этого явиться к Патриарху Иерусалимскому и получить от него письменное разрешение — билеты. О. Антоний нам уже достал билеты и мы (мой кузен Ваня Семянко, Саша

* ТРОПАРЬ ВЕЛИКОГО ЧЕТВЕРГА И ПЯТНИЦЫ.

Егда славниі ученицы на умовеніи вечери просвьщахуся, тогда Иуда злочестивый, сребролюбіемъ недуговавъ, омрачашеся и беззаконнымъ судіямъ Тебе, Праведнаго Судію, предаеть. Виждь, имѣнній рачителю, сихъ ради удавленіе употребивша: бѣжи несытыя души, Учителю такая дерзнувшія. — Иже о всѣхъ Благий, Господи, слава Тебѣ.

Русский перевод: Когда славные ученики после умовения ног на Вечери просветились, тогда Иуда нечестивый, зараженный сребролюбием, омрачился, и вот Тебя, праведного Судію, предает судьям беззаконным. Смотри, собиратель именій, на того, кто удавился из-за них; избегай жадности — вот на что дерзнула она в отношении к Учителю. — Милостивый ко всем, Господи, слава Тебе!

Охотников и я), подойдя к Храму Воскресения Господня, невольно остановились — вся площадь перед Храмом была набита народом, а внутри, уже и говорить нечего. Благочестивые паломники киприоты там ждали еще с утра; эти морщинистые, смуглые лица в черном, представляли собой неподвижную стену. "Представь себя Моисеем в Чермном Море", — шепнул Ваня, и мы тронулись.

Бывают моменты, когда отчаяние и полная сосредоточенность сливаются в одно. Это был такой момент. Идея-фикс: добраться до кувуклии, а там будет видно. И так, нахально проталкиваясь между старушками и их рослыми сыновьями (которые роптали и проклинали меня греческим хором), я очутилась у цели. Полиция давно поставила барьеры; за ними каждая нация уже стояла в ожидании, плечом к плечу. Оставаться вне ограждений было немислимо: нас строго предупреждали, что до крестного хода пройдет полиция и дубинами, если надо, путь очистит. Вернуться к толпе, мною только что распиханной, было немислимо. И вдруг вижу, что у румын барьер не совсем прикреплен к колонне... Мне удастся втиснуть одну ногу... Благодарю Бога, что незнание румынского языка дает мне возможность не реагировать на справедливое возмущение. Когда, наконец, надо мною сжалилась рядом стоящая монахиня, втиснувшая меня за барьер тем, что делала вид, что левое колено не знает куда правое изгибается, двоюродный брат попал в мое поле зрения, и мы невольно перекликнулись. Услышав русский язык, румыны были готовы вышвырнуть меня, как нежеланный элемент, но я обеими руками обхватила колонну и упорно отказывалась признать их право на это. В таком положении я приспособилась и начала ожидать Благодать.

Духовенство вышло из храма крестным ходом. Греки, архиепископы в пурпуровом бархате, торже-

ственно поют тропари, а арабские ребята сидят друг у друга на плечах, скача и играя вокруг Гроба, хлопают в ладоши и перекрикиваются любезностями вроде "Я, Я, Иса-ала", т. е. "Да, да, Христос Господь", "Христос воскрес и евреи воют", и пр. От парализованной женщины, которая рядом со мной лежит в специальном стуле, ни звука: она движет лишь губами и смотрит вдаль. Почти все держат пучок своих "тридцать три" — столько же тоненьких бело-голубых свечей.

Начинают осмотр Патриарха — нет ли у него спичек или чего-либо зажигающегося. Без облачения и митры, в одном подризнике, он входит один в придел Гроба Господня. Во всех углах этого громадного каменного храма вдруг водворяется напряженная тишина. Слышно только жужжание фотоаппаратов и чей-то кашель. Паломники, собравшись от конец земли, доходят до конца своего долгого бдения.

Я думаю о жутком настроении последних суток, о сегодняшней нахальности, и понимаю, что ничего не заслуживаю. Но теперь только одна мысль; одна, но зато повторяется без конца: "Господи, послы благодать Твою на помощь мне да прослаблю имя Твое святое".

Со всех сторон старые камни, тёмные платья и застывшие в напряжении лица. Неужели Огня не будет? Нет, что-то обязательно будет! Если здесь благодать чувствуется чуть ли не каждый день, то тем более сегодня. Опять: "Господи, послы благодать Твою на помощь мне" и вдруг, как-бы в ответ, мысль: "Господь благодать и славу даст". От этого ответа мне делается радостно и я готова смеяться. Смотрю то на лампы, то на вершину потолка, чтобы не пропустить появление Огня. Вдруг, ураган крика и шумный шелест и треск свечей. Мгновенное недоумение: как, когда? Справа пробежала группа арабских детей с зажженными свечами. Мне трудно поверить, что чудо уже совершилось. Вокруг меня и плачут, и

поют, а парализованная женщина от радости с сыном танцует. Одна я стою ошеломленная. Когда мне кто-то передал Огонь, в смятении, я даже забыла попробовать омыть себя Им.

И вот что самое странное — никакого разочарования я не чувствовала. Как появился огонь, я и не видела, но на душе было тихое, тихое спокойствие и мир. Не чувствовала я себя обманутой, мне не было досадно, и я благодарила Бога за это.

Все отдельные чувства слились, когда я начала идти обратно от Гроба в Гефсиманцю. Узкие улочки старого города всё ещё были полны людьми. Двигаться вперед было невозможно: даже если бы попыталась стоять на месте, потоки людей качали и бросали во все стороны. С ними бороться теперь не было ни настроения, ни сил. Усталость от бессонницы и переживания последних дней давали себя знать. Голова кружилась, — чувствуя ко всему и голод, еле хватило у меня сил зайти в ближайшую забегаловку, в которой попросила сэндвич с фалафелем и сок.

Обыкновенно, когда я в таком изможденном состоянии, мне трудно и к самым близким относиться по-человечески. — "Дайте чего-то выпить, поесть и, ради Бога, оставьте меня в покое". — Прислонившись к стене, я не выпускала стакана из руки и смотрела на толпу через открытую дверь, как рабочий глядит на телевизор после длинной смены.

Вдруг, несмотря на всю усталость, я заметила кого-то другого. Около меня сидел странник — грек монах. Он бережно остерегая свой огонек, жевал свой хлеб без всякого питья. Каждый, кто пробовал острый фалафель, знает страшную жажду, которая при этом появляется. У странника на питье денег не хватало. Первый раз в моей жизни мысль: "Что бы на моем месте сделал Христос?" естественно пришла в голову, без всякого старания и

расчета с моей стороны. Все заботы и усталость исчезли; забыв *свои* ощущения, не думая ни о чем другом, я моментально встала с высокого стула и заказала старичку бутылочку сока. Монах принял ее с некоторым удивлением и выпил залпом. Потом встал, простился, и храня свою свечу благодатного Огня, исчез в толпе.

Я осталась и долго смотрела в его сторону. Ощущение благодати передать трудно; каждый ощущает ее по-своему. Чем больше я пытаюсь объяснить благодатное ощущение, тем труднее это делается. Почему, например, этот странник на меня произвел такое сильное впечатление? По своему характеру и под впечатлением всего пережитого, я могла бы даже не обратить никакого внимания на него. Но счастье, которое я почувствовала, неожиданно оказав ему любовь, послужило как выражение благодати, коснувшейся всех нас, сподобившихся там присутствовать.

Из-за этого, облик странника остается со мною и до сегодняшнего дня, как увеличительное стекло, помогающее увидеть невидимое.

« Зарубежная Русь »

Ежемесячный журнал — общественно-литературный орган русской национальной и православной мысли.

**12-ый год издания. Годовая подписка
— 18 долларов.**

**Адрес : Russia Abroad Publ., P.O. Box 19225,
Washington, D.C. 20036, USA
Редактор А.А. Соллогуб**

ПИСАНКИ

Во многих семьях в прежнее время, да и сейчас, принято было художественно раскрашивать яйца в приготовлении к празднику Пасхи. Такие художественно раскрашенные яйца называются писанками в отличие от обыкновенных крашеных яиц, которые называются крашенками. Несмотря на то, что все знают и многие имеют эти писанки, большинство не знает символического значения разных цветов и рисунков на них.

Некоторые источники указывают, что художественное раскрашивание яиц практиковалось в очень древние времена, еще до христианской эры. Первоначально писанки были гораздо проще, чем сейчас; например, употреблялось только два цвета и сами рисунки были много проще. С появлением большего числа подходящих красильных веществ, появилось и большее разнообразие и сложность рисунков и узоров на писанках. До широкого употребления и применения искусственных химических красителей, краски для писанок готовились домашним способом, кипячением или вываркой разных растительных веществ до получения желаемого цвета. Часто прибавлялся уксус для усиления цвета, что, впрочем, практикуется и сейчас.

Все цвета, применяемые для раскраски, как писанок, так и пасхальных яиц, имеют символическое значение. Символика эта рознилась в зависимости от местности. Белый цвет в большинстве случаев означал чистоту. Поэтому почти в каждой писанке имеется хотя бы малая доля белого цвета. Иногда уже готовая писанка

отбеливается так, чтобы общий фон получался белым. Для отбеливания в старину применялся сок кислой капусты (рассол), а теперь применяют слабый раствор белила "Хлорокс". Желтый цвет чаще всего обозначал успешный урожай и мудрость. Красителем для желтого цвета служили отвары сухой луковой оболочки, коры яблони, шелухи гречихи или цветка высушенной сирени. Зеленая краска изготовлялась из отвара ржи, пшеницы, а также из многочисленных трав и листьев. Зеленый цвет символизировал весну, возрождение природы, свежесть и молодость, и являлся также древним олицетворением невинности. Красный цвет, пожалуй, всегда был и есть самым любимым цветом для окраски как обычных пасхальных яиц, так и писанок. Он обозначает солнце, радость жизни, счастье и надежду. Основой для красной краски служили соки малины и свеклы, шиповник и оболочка красного лука.

В отличие от обыкновенных пасхальных яиц, которых мы никогда не видим окрашенных в черный цвет, в художественных писанках черный — один из самых распространенных цветов. Он чаще всего употребляется для общего фона писанки. Основой черной краски служили прежде всего сажа, а также отвары дубовой коры и ореховой скорлупы. Черный цвет олицетворял темную ночь, духов и потусторонние силы.

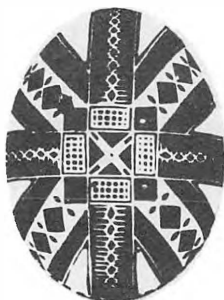
Одни из менее всего употребляемых красок в писанках, это синяя и лиловая. Возможно это потому, что до появления химических красителей эти краски было вероятно труднее изготовлять домашним способом. Синий цвет обозначал безоблачное небо, свежий воздух и хорошее здоровье, а лиловый был знаком доверия, уважения и царского достоинства.

Разные узоры и изображения на писанках имеют не менее важное значение и символизм, чем краски. Этих символов и узоров имеется очень много, поэтому мы

здесь перечислим только некоторые из них. Одним из самых древних символов-изображений является солнце, которое в языческие времена почиталось божеством у многих племен и народов. Солнце изображается разными способами, прежде всего в виде простого круга или круга с лучами, а также в виде цветка и спиральных линий, которые обозначали свет и тепло солнечных лучей. По значению изображений на писанках за солнцем следуют звёзды, которые с древнейших времен обозначали всевозможный успех и удачу. Звёзды рисуются чаще всего четырёх, шести или восьмиконечные потому, что такие легче всего было изображать на овальной поверхности яйца, а также потому, что кратное число лучей считалось хорошим предзнаменованием. После крещения Руси, очень распространенными изображениями на писанках становятся крест, буквы "Х. В." и иногда храмы.

Из других предметов часто изображаются разные земные плоды, цветы, птицы, рыбы и животные. Примерами таких являются колосья пшеницы, горошек, виноград, яблоки, вишни и даже огурцы. Все эти плоды означают обильный урожай. Иногда некоторые плоды изображаются настолько стилизовано, что неопытному глазу трудно в них распознать тот или иной фрукт или плод. Изображение различных цветов всегда служило символом красоты. Изображение рыбы восходит к древнейшему символу христиан. Из птиц чаще всего встречаются на писанках петухи и голуби; из животных чаще всего видим оленей, лошадей и ягнят, которые все означают богатство и зажиточность. Из других рисунков и изображений мы видим круг (вечность), сетчатую клетку (сети в честь рыбаков-апостолов), треугольники (в честь Св. Троицы) и лестницы, изображаемые в виде множества черточек, которые символизируют восхождение на небо.

В этой статье мы не коснулись самой техники и метода росписи писанок, но следует заметить, что даже несложная писанка занимает по меньшей мере около двух часов работы, а более сложные и изящные образцы берут от шести до восьми часов искусственного труда. В заключение скажем, что роспись пасхальных писанок являлась одним из примеров подлинно народного искусства на Руси, особенно на Украине, а также и в некоторых других славянских странах. Искусство это было доступно всем, даже в самых отдаленных и глухих деревнях и селах. Часто можно было видеть подлинные шедевры писанок даже в бедных семьях, где бывали настоящие художницы — виртуозы этого искусства.

Преосвященный Алипий
Епископ Кливлендский

ОСНОВЫ ИКОНОГРАФИИ

В основе иконописания лежит воплощение Второго Лица Св. Троицы — Господа нашего Иисуса Христа. Поскольку Господь принял плоть, был видим как человек, то Его, конечно, можно и изображать. Если бы в то время существовала фотография, то несомненно были бы сохранены фотографические изображения Его, как сохранилось Его учение в письменах.

Иконопись отражает и прославляет идею воплощения Бога во плоти. Но она имеет значение не только прославить идею воплощения, но также и значение иллюстрации, т. е. то, что сказано словами, передать в образе.

Бог был видим людьми по воплощении. Но что мы можем сказать о видениях пророков? Некоторые пророки в видениях видели Бога: "А над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем", (Иез. 1, 26; Иез. 8, 2; Исайи 6, 1). Все пророчества главным образом относились к грядущему спасению человечества через явление Бога во плоти. Пророки предсказывали то, что будет; но для Бога оно уже имело значение бытия, так как у Бога нет ни будущего, ни прошедшего, а только настоящее, или лучше сказать, понятие времени не приложимо к Богу, а потому идея воплощения существовала у Бога извечно.

Эти предсказания о грядущем воплощении были выражены не только в пророчествах; они часто были

выражены целыми действиями или эпизодами из жизни благочестивых людей. Заклание ветхозаветного пасхального агнца, да и вообще ветхозаветное жертвоприношение, были прообразом искупительной жертвы Спасителя — Его распятия. Принесение в жертву Исаака выражало ту же идею, а то, что он не был заклан и остался жив, указывает на воскресение. Трехдневное пребывание пр. Ионы во чреве китовом указывает на трехдневное пребывание Спасителя во гробе, и т. д. Существенно эти образы исходили из идеи воплощения, но назначение их было иллюстрационное, т. е. повествование в образах. Почему пророчества были выражены не только словами, но и видениями в образах и прообразами? Я думаю потому, что впечатление через видение глаз сильнее, чем через понимание умом. Поэтому-то телевизия забивает книгу. Так уж человеческая природа создана, что воспринимаемое через глаза действует сильнее и скорее на человека. Св. Ириней Лионский так говорил о видении Бога: "Итак, пророки предвозвещали, что Бог будет видим людьми, как и Господь говорит: 'блаженны чистые сердцем, ибо они увидят Бога' (Мф. 5, 8). По величию же Его и дивной славе, 'никто, увидев Бога, жив будет' (Исх. 33, 20), ибо Отец непостижим; но по любви и благоволению к людям, а также по Своему всемогуществу, Он любящим Его дарует и это, т. е. видеть Бога, что и предсказывали пророки. Ибо 'невозможное у людей возможно у Бога' (Лк. 18, 27). Человек сам по себе не видит Бога; но Он, когда хочет, бывает видим людьми, которыми видим быть хочет, когда и как Он хочет. Ибо Бог всемогущ: тогда Он был видим пророчески через Духа, видим (и теперь) через Сына по усыновлению и будет видим отечески в царствии небесном, так как Дух prepares человека к Сыну Божию, а Сын приводит к Отцу, Отец же дарует нетление в жизнь вечную,

которая для всякого происходит от видения Отца” (Против ересей, стр. 476, кн. 4, гл. 20, 5).

Относительно того, что пр. Исаия видел Бога (Ис. 6, 1), св. Иоанн Евангелист говорит, что он видел Сына Божия (Ин. 12, 41), а апост. Павел указывает на участие в этом видении Духа Святого (Деян. 28, 25), так что Исаия видел Сына пророчески через Духа Святого.

На каком основании можно изображать ангелов? Прежде всего на том, что Бог повелел устроить двух херувимов на ковчеге завета и херувимов шитьем на завесах. Они были символами присутствия силы Божией в храме.

Ангелы часто являлись людям в человеческом образе, чаще всего в образе прекрасного юноши. Ангелы — бесплотные духи, но когда они являются людям, то принимают телесный вид, чтобы люди могли их видеть, как об этом говорится в книге Товита: “Все дни я был видим вами, но я не ел и не пил, а только взорам вашим представлялось это” (Тов. 12, 19). Иоанн Дамаскин допускает мысль, что “бестелесным и невещественным называется ангел только по сравнению с нами. Ибо в сравнении с Богом, Единым несравнимым, все оказывается грубым и вещественным; одно Божество всецело невещественно и бестелесно”. Эта некая “телесность” заключается в их ограниченности, они не вездесущи и не всезнающи. Человеческий ум тоже ограничен, так как не может думать о нескольких предметах в одно и то же время, однако мне трудно в нем признать какую-то телесность. Ангелы еще называются “умными силами”, т. е. каждый из них чистый ум, более совершенный, чем человеческий. Говорить о том, что они имеют некое тонкое тело, и это является основанием или разрешением для их изображения, было бы слишком большой натяжкой. Если признать такую телесность в ангелах,

то придется возобновить средневековый спор — “сколько ангелов помещается на кончике иголки?”

Явление ангелов имеет значение “сообщения”: ангел приносит какую-нибудь весть не только словами, но и своим видом. В этом сверхъестественном сообщении та же идея, что и в иллюстрации, разница только в том, что в первом случае сообщает Бог через видение ангелов, а во втором — человек через образ.

Господь наш Иисус Христос дал нам полноту знания о Боге, насколько это может быть понятно для человека и может быть спасительно для него. Господь открыл нам, что Бог троичен в лицах. В книгах Ветхого Завета есть только некоторые намеки на троичность, которые становятся понятными лишь с точки зрения Нового Завета.

По еванг. Иоанну, Творцом мира было 2-е Лицо Св. Троицы: “Вся Тем быша” (Ин. 1, 3; а также Еф. 1, 21; Кол. 1, 16). Если Сын Божий был Творцом мира, то Он является и Промыслителем его и в надлежащее время принял плоть человеческую, чтобы таким образом завершить дело спасения человека; поэтому все действия и явления Бога в Ветхом Завете св. отцы относят ко 2-му Лицу Св. Троицы — Сыну Божию. Св. Иринея: “Именно Сын Божий повсюду рассеян в его (Моисея) Писаниях, то как беседующий с Авраамом, когда имел вкушать у него пищу, то с Ноем, давая ему измерения (ковчега), то как ищущий Адама, то наводящий суд на Содомлян, то как являющийся и показывающий Иакову путь, то говорит с Моисеем из купины. Даже невозможно перечислить случаи, в которых Моисей изображает Сына Божия” (“Против ересей”, стр. 434). Бог Отец благословляет, Бог Сын действует, Бог Дух Святой совершает. Как отразилось действие промысла Божия в иконографии?

Изображение Господа Иисуса Христа, Сына

(Иллюстр. 1.)

Творение мира, 12 в. Соборъ св. Марка, Венеція.

Божия, когда это касается Нового Завета, имеет определенный, выработанный многовековой традицией, тип изображения, будет ли это в виде младенца, отрока, или "мужа совершенна". Что же касается изображений Бога в темах Ветхого Завета, то тут получается сложнее. По-видимому, возможны в данном случае две концепции: или с точки зрения Нового Завета, и тогда все действия и явления относятся ко 2-му Лицу Св. Троицы; или с точки зрения Ветхого Завета, и тогда явления и действия будут относиться к Единому Богу без определения лица. В зависимости от этого, по-видимому, и разрешалась проблема изображения. В храме св. Марка (Венеция, 13-й в.), на мозаиках, изображающих творение мира. Творец, Сын Божий, изображен в виде юноши с крестом в руке и на нимбе (см. иллюст. 1). В виде юноши "Спась Эммануиль", наверное, потому, чтобы отличалось от новозаветного изображения, ведь действие было до воплощения. В Дечанском монастыре (Сербия, 1335-50 гг.), на фресках, изображающих сотворение Адама и Евы, Сын Божий изображен в новозаветном виде (см. иллюст. 2). В изображении "Моисей получает заповеди на Синае", в церкви св. Виталия (Равенна, 6-й в.), из облаков протянута рука со свернутым свитком, который принимает Моисей. На миниатюре (из псалтыри 13-го в.) Сын Божий в новозаветном виде подает скрижали Моисею (иллюстр. 3). В дечанском монастыре (1335-50 гг.), на фреске изображающей крещение, в небесах изображена благословляющая рука.

Св. Ириней Лионский так говорит об откровении и явлении Бога: "И чрез самое Слово, сделавшееся видимым и осязаемым, Отец являлся. Хотя не все одинаково веровали, но все видели в Сыне Отца, ибо Отец есть невидимое Сына, а Сын есть видимое Отца" (кн. 4, гл. 6, 5). Такова концепция была свойственна древним

(Иллюстр. 2.)

*Твореніе Адама и Евы, 1335-1350 г.
Дечанскій монастырь, Сербія.*

(Иллюстр. 3.) *Моисей принимает скрижали, Псалтырь 13 в.
Ватиканская библиотека, Римъ.*

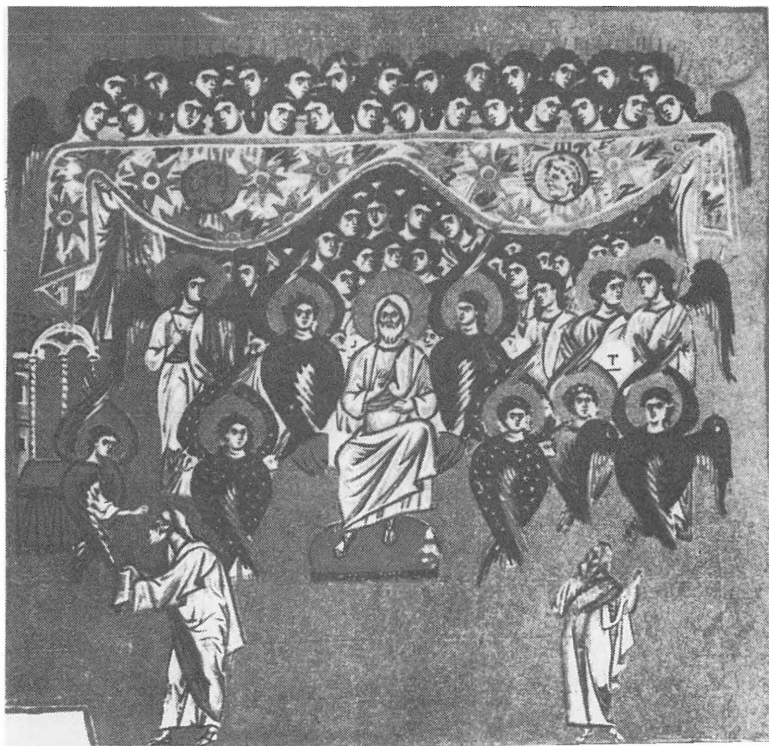
иконописцам, а потому мы нигде не видим изображения Бога Отца. Впрочем, встречается изображение Господа иногда и в виде старца, напр., иллюстрация в рукописи на проповедь о Божией Матери Иакова Коккиновафоса, 12 в. (Национальная библиотека, Париж, см. иллюстр. 4).

Изображение Господа в виде старца основано на видении пророка Даниила: "Зрях дондеже престолы поставишася, и Ветхий деньми седе, и одежда Его бела аки снег, и власы главы Его аки волна чиста"... (Дан. 7, 9).

Св. Иоанн Богослов в своем видении относительно последних судеб мира (Апокалипсис) видел Господа Иисуса в подобном же образе: "И обратившись, увидел семь золотых светильников, и посреди семи светильников подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного поясом: глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег"...(Апок. 1, 13-14).

Древние иконописцы под образом старца подразумевали Господа Иисуса Христа, а потому на нимбе писали крест, как на обычных изображениях Иисуса Христа, с надписью: ІС ХС, Ветхий Деньми. На фресках церкви Спаса Нередицы, 12 в. (во время 2-й Мировой войны была почти разрушена, и позже восстановлена, но фрески, возможно, почти погибли), есть изображение Господа в виде старца, тип лика уже хорошо разработанный, что указывает на то, что он уже имеет традицию; позже (14 в.) этот тип лика стали употреблять для изображения Бога Отца в композициях "Отечества" или Св. Троицы. На фреске стоит надпись: ІС ХС ВЕТХІЙ ДНЕМЪ (Ветхий деньми), на нимбе крест, как у Спасителя (см. иллюстр. 5).

В своем исследовании "Большой Московский Собор и Образ Бога Отца" Л. Успенский приводит

(Иллюстр. 4.)

*Видѣніе пророку Исаіи. Рукопись 12 в.
Національная бібліотека, Парижъ.*

(Иллюстр. 5.)

*Іисусъ Христось, Ветхій деньми, 12 в.
Церковь Спаса Нередицы (близь Новгородѣ).*

следующее толкование: "Итак, 'Сын достиг славы Отца', по слову св. Кирилла, значит, что Сын в восприятии Им человечестве достиг славы Отца, от которой, по Божеству Своему, не отлучался, и видение Даниила представляет собою провидение двух состояний одного и того же Христа: униженного в воплощении (Сын человеческий) и в славе Его Божества, как Судии второго пришествия (Ветхий деньми). Именно так православная Церковь и понимает это видение двух лиц: 'Мысленно научашеся Даниил, Человеколюбче, Твоим тайнам; на облаце бо яко Сына Тя человека грядуща, языков всех яко Судию и Царя, зряще ума чистотою' (Служба 17 дек., память Даниила и трех отроков, канон, п. 5-я). Поэтому, повторяет Большой Московский Собор, в пророчестве Даниила "не о Отце разумеется, но о Сыне, Иже будет во второе Его пришествие судити всякого языка страшным судом" (Вестник Русского З. — Евр. Патр. Экзархата, № 78-79, 1972).

Такое толкование, конечно, соответствует духу древности, и, возможно, единственно правильное; но это толкование едва улавливается: "с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему"(Дан. 7, 13), так как этот текст воспринимается как повествующий о двух лицах (а не о двух образах одного лица), а потому легко соскальзывает на толкование более конкретное, т. е. под Ветхим деньми подразумевается Бог Отец, тем более, что некоторые св. отцы так толковали. Приведем для примера. У св. Ипполита Рим.: "Итак, познайте же вы, благоговейно приходящие к Богу, Того, о Котором древле Моисей свидетельствовал народу, Который явился на горе, Которого предвозвестили пророки и Которого видел во образе человека блаженный Даниил, говоря о Нем: 'Видех во сне нощию, и се на облацех небесных, яко *Сын человек* идый бяше, и даже до

Ветхого деньми дойде, и пред Него приведесе: и Тому дадесе власть, и честь, и царство, и вси людие, племена и языцы Тому поработают: власть Его — власть вечная, яже не преидет, и царство Его не рассыплется' (Дан. 7, 13-14). *Ветхим деньми* (пророк) называет здесь не иного кого, как Самого Владыку, Господа и Бога всяческих и *Отца* Самого Христа, Который изветшевает дни, но Сам не стареется ни от влияния дней, ни от влияния времени, и о Котором сказано выше: 'престоли поставишася, и Ветхий деньми седе, и одежда Его бела аки снег, и власы главы Его аки волна чиста, престол Его пламень огненный, колеса Его огонь палящ. Река огненная течаше, исходящи пред Ним: тысяща тысящ служаху Ему, и тьмы темь предстояху Ему: судище седе, и книги отверзошася' (Дан, 7, 9-10). К Сему-то и был приведен Сын человеческий, сидящий на облаках и несомый архангелами, дабы воспринять от Него всю власть, силу, могущество и царство..." (Творения св. Ипполита, еп. Римского, кн. IV, О видении пр. Даниила, стр. 120-1, Казань, 1898 г.). У св. Иоанна Златоустого: "Как называется 'Ветхий деньми' Тот, Кто существует прежде всех веков? ...Как же Он облечен в человеческую одежду, и огонь не истреблял её? ...'И се, яко Сын человек идый бяше, и даже до Ветхаго деньми дойде'. Отсюда видно, что Они имеют равную честь... Посмотри, как (Сын человеческий) получил и власть суда... Видишь ли равночестность Его с Отцом? ... Он имел власть и прежде и тогда принял ту самую, которую имел. В каком смысле ты разумеешь волосы у Отца и прочее, в таком разумеи и это" (VI том, кн. 2-я, стр. 530-31, С.-Петербург. 1900 г.). У св. Кирилла Александрийского: "Итак что же значит: 'до Ветхаго деньми дойде'? Очевидно, Сын достиг славы Отца" (Творения св. Отцов, 57-й т., 8-я ч., стр. 531, Москва, 1890).

Сильный аргумент против изображения Бога Отца

заключается в текстах Св. Писания: "Бога никтоже виде нигдеже" (Иоан, 1, 18); "Видевый Мене, виде Отца" (Иоан. 14, 9), что выражено также у св. Ириней Лионского: "Сын есть видимое Отца".

Но если принять толкование выше приведенных св. отцов, что "Ветхий деньми" есть Бог Отец, то нет ли здесь противоречия? Мне кажется, что нет. Невидимость и непознаваемость относится к Божеству, тогда как образ есть только символ, а не попытка определить или отождествить с чем-то видимым. Философ Н. Лосский рассуждает об этом так: "Можно ли допустить, чтобы в сознание человека вступал Сам Господь Бог в определенном, ограниченном образе? На этот вопрос ответить можно так. Сверхличный аспект Бога не мешает Ему иметь вместе с тем и личный аспект, даже быть триединством Лиц; точно также и сверхобразность Бога не исключает доступности для Него образа или, вернее, любых образов, обладающих, конечно, высшею степенью совершенства" ("Чувственная, Интеллектуальная и Мистическая Интуиция", стр. 209, YMCA PRESS, Paris 1938).

Обязательно ли сфера бытия и сфера образов должна соответствовать природно, т. е. изображать можно лишь то, что имеет телесность? Принятие на себя образа несколько не означает отношения к телесности. Когда архангел Рафаил сопровождал в пути Товию, он не "материализовался" на это время, а Товию только "представлялось это" (Тов. 12, 19), т. е. он видел через воображение, хотя ему казалось, что он видел глазами. Потому-то и получается: когда бывает кому-либо видение от Бога, то только он видит, а другие присутствующие не видят. Когда св. Иоанн Богослов видел апокалиптические события, сменяющиеся пред его глазами, природа о. Патмоса вокруг него была совершенно спокойна. Это был язык образов,

имеющих значение сообщения очень важных событий — судеб последних времен. У философа Н. Лосского в той же книге есть интересные рассуждения о видениях, стр. 204-211.

Конечно, Бог Высшее Существо, Неописанное, Неопределимое, Невидимое; но все-таки мы пытаемся в наших человеческих понятиях дать какое-то определение, в терминах положительных: Высший Разум, Благой, Милосердный, Вездесущий, Всемогуший и т. д., и в терминах отрицательных: Безначальный, Неизменный, Непостижимый и т. д.

Если мы имеем понятия о Боге на языке словесных определений, то почему мы не можем выразить то же самое на языке образов.

Поэзия и литература пользуются образами для выражения любой сферы бытия, не только видимой, но и невидимой. Почему же религиозное художество не может иметь на это права? Аллегии часто в художестве передают такие отвлеченные понятия как печаль, сребролюбие, милосердие, горе и т. д. Аллегория применялась и в иконописи, например, в иконе "Собор Пр. Богородицы" псковского письма, XIV в.: земля и пустыня в виде женщин ("земля — вертеп, пустыня — ясли"). На древних византийских изображениях крещения Господня в водах Иордана часто изображен обернувшийся старик с кувшином, из которого льется вода — это аллегория Иордана: "Иордан возвратится вспять". Особенно обильны аллегориями миниатюры; на миниатюре "Переход евреев через Чермное море" ночь, пустыня и море имеют аллегии. (см. иллюстр. 6, Давид с мудростию и пророчеством).

Итак, основанием для изображения может быть не только идея воплощения, но также и идея сообщения, т. е. иллюстрации. Основанием для изображения ангелов не может быть отношение их к какой-то телес-

(Иллюстр. 6.)

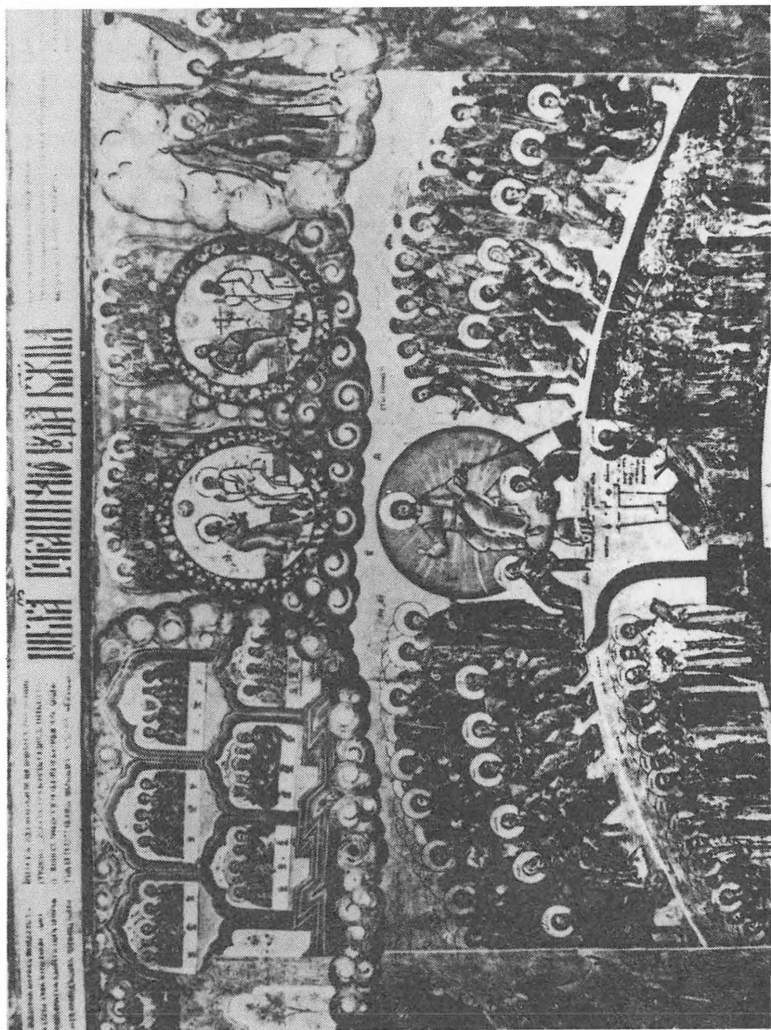
*Давидъ съ мудростію и пророчествомъ.
Псалтырь 13 в., Ватиканская бібліотека, Римъ.*

ности, а только идея сообщения. Эта же идея сообщения, по-видимому, лежала в основе повеления Моисею сделать изображения херувимов в ветхозаветном храме. Основанием для изображения Духа Святого также является идея сообщения, и в зависимости от значения сообщения Дух Святой принимал образ или голубя (при Крещении), или огненных языков (при Сошествии Св. Духа на апостолов), или облака (при Преображении). Основанием для изображения Бога Отца в виде старца послужило соответствующее толкование видения пророка Даниила, а также идея сообщения.

Мне приходилось слышать, что изображение Св. Троицы в лицах может дать неправильное представление об отношениях Лиц Св. Троицы, т. е. изображение Отца в виде старца и Сына 33-х лет, указывает на подчиненность, как во времени, так и в других отношениях. Но сам Господь избрал этот образ сравнения, взятый из жизни людей и как понятный для них; но не для того, чтобы показать подчинение, а для того, чтобы показать рождение и отношение любви, тут же подчеркивая Свое равенство с Отцом.

Лично я предпочитаю придерживаться древней традиции, но не вижу ничего предосудительного и в новой традиции, допускающей в некоторых композициях изображение Бога Отца.

В каких случаях можно применять изображение Бога Отца? В композициях "Новозаветной Троицы", "Отечества"; в композициях Страшного Суда, в этих композициях иногда даже воспроизводится видение пророка Даниила: Сын берет благословение у Отца судить народы (см. иллюстр. № 7, Н. П. Кондаков, "Русская Икона", ч. 2-я, стр. 368, Прага 1933 г.); в композициях, где представлено участие всей Троицы: крещение распятие и т. д.

(Иллюстр. 7.)

Фрагментъ Страшнаго Суда.

Какие изображения Господа допустимы в композициях на ветхозаветные темы? Как мы уже указали вначале, все случаи явления Бога в Ветхом Завете, по толкованию св. отцов, относятся ко 2-му Лицу Св. Троицы. На древних композициях были следующие изображения: Спас Эммануил — в виде Отрока с крестом в руке ("Вот Отрок Мой", Ис. 42, 1) или младенца ("Се Дева во чреве примет", Ис. 7, 14), в виде Ангела ("Великого Совета Ангел", Ис. 9, 6; Быт. 18, 10; 22, 12) или просто употребляется новозаветный образ Спасителя. В соборе св. Марка в Венеции Бог-Творец мира изображен в виде Спаса Эммануила Отрока. Изображение в виде Ангела мы видим в "Ветхозаветной Троице" и в "Софии — Премудрости Божией". В виде новозаветного образа в ветхозаветных темах — в Дечанском монастыре в Сербии. На древних изображениях часто можно видеть только благословляющую Десницу.

Композиция Св. Троицы в лицах первоначально появилась на Западе. В латинской псалтыри, написанной золотыми буквами по лазоревому фону, — Psautier de Peterborough, 1299 г. есть изображение "Новозаветной Троицы". Эта страничка помещена в книге "Miniatures medievales de la Librairie de Bourgogne au cabinet des manuscrits de la bibliotheque royale de Belgique", Geneve, 1959.

На Западе же первоначально начали употреблять для ветхозаветных тем образ Господа в виде старца, все действия, по-видимому, в этих темах приписывая Богу Отцу. Этот способ изображения в ветхозаветных темах с тем же значением потом перешел и на Восток, в частности, в Россию. Поскольку это глубоко вошло в жизнь, можно принять это, так как подобное встречалось и на востоке (см. миниатюру "Видение пр. Исаии", 12 в., № 4), но с другим значением; как мы указали в

начале статьи, может быть два подхода: или с точки зрения Ветхого Завета, и тогда это будет изображение Единого Бога без определения Лица; или с точки зрения Нового Завета — тогда это будет 2-е Лицо Св. Троицы, что будет равно значению древней практики, когда при изображении писали: ІС ХС Ветхий деньми. Обычно изображение Бога Отца сопровождается надписью: Господь Саваоф, что в переводе значит "Господь воинств". Поскольку все явления Бога в Ветхом Завете относятся ко 2-му Лицу Св. Троицы, то и это имя скорее относится к Нему. Известное изображение Спасителя Рублева "Спас в силах", иллюстрирующее видение пророка Иезекииля, по-видимому, есть ни что иное, как перевод имени "Господь Саваоф".

В Греческой Церкви нет чина освящения икон — икона ставится на престол (если позволяют размеры) на служение литургии, после него она уже считается освященной. В Русской же Церкви есть чин освящения. Освящение по существу есть посвящение, т. е. через молитву мы вводим духовную связь между первообразом, т. е. святым, и образом, тем более, что мы не знаем, как выглядели святые древнего периода, когда не было портретов или фотографий. Хотя портретность в иконах не нужна, но некоторое сходство, если мы имеем фотографию, я полагаю, желательно.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС*

Не есть ли национальная сила самая могущественная и самая опасная из мировых сил? Не ею ли, как рычагом, легко поднимались народы на самые невероятные свершения?

Нас этот вопрос прежде всего интересует в его приложении к России. Нужен он нам, полезен ли, выводит ли на правильную дорогу, или отводит в сторону, вредит, от нужного отвлекает нас с нашей национальной приверженностью?

О национальном вопросе мы обыкновенно говорим запальчиво, что мешает не только его правильно понять, но и заметить, что в этих спорах мы часто говорим о разном, несоизмеримом, что только еще больше запутывает этот важный вопрос. Потому я хотел бы говорить о национальном вопросе не со всеми, кто желал бы говорить на эту тему, но исключительно с христианами, притом православными, и не с русскими "в прошлом", а с теми, кто любит Россию и, несмотря ни на что, духовно принадлежит ей.

Теперь обратимся к этому избранному кругу людей. Избранному не в смысле возвеличения одних и унижения других, а в смысле отбора по принадлежности к определенным верованиям и взглядам. Но и это еще не все. Мы должны условиться и положить один краеугольный камень или принцип, без единомыслия в котором мы опять были бы лишены надежды на успешный подход к рассмотрению национального вопроса. Это, вероятно, еще сузит наш круг.

Необходима иерархическая шкала ценностей: Бог,

*Лекция, прочитанная на съезде Русской Православной Общественности, 1983 г.

Родина. И не только их таковая последовательность, но и обязательное наличие того и другого. Исповедание Бога не умаляет ценности Родины. Наоборот. *Только* через Бога может осмысляться непреходящая ценность Родины. Неверующий патриот такая же нелепица, недодуманность, как и патриотически настроенный космополит.

”Христос требует жертвы, — писал Г. П. Федотов — самым дорогим и священным, что есть у человека: отцом и матерью, следовательно и родиной. Так как Он есть вечная жизнь, то ничто живое в Нем не погибает. Он вернет человеку мать и отца, вернет и родину, но вернет иными, для иной, более чистой любви. Любовь во Христе есть любовь к идеальному образу любимого лица. Она не исключает и плотской теплоты, и служения целостному душевно-телесному существу, но она подчиняет все низшее, хотя бы и оправданное, хотя бы и прекрасное, духовному образу” (Проф. Г. П. Федотов, ”Новый Град”, № 6, 1933 г, стр. 7).

Потому так любима и драгоценна Родина, потому что она — как алтарь, на котором происходит священнодействие. Место, где мой народ христианизируется, воцерковляется, достигает полноты того, чем он может быть, полноты своего идеального ”духовного образа”.

Всякое иное распределение этой шкалы ценностей ведет к ошибкам, искажениям и катастрофам. От правильного взаимоотношения двух слагаемых — Бог и Родина — происходит священное чувство, именуемое патриотизмом, на котором произрастает все, что есть в мире прочного, ибо оно укоренено в вечном. Но это не есть самозамкнутость, эгоцентричность, самопревозношение.

По убеждению Достоевского, всечеловечность есть глубоко-народное свойство, уходящее в самые недра народного мироощущения, свойство нам органическое.

Русская литература *осознала*, а не *сочинила* это свойство.

”Мы не считаем национальность последним словом и последнею целью человечества, — утверждала русская литература устами Достоевского. — Только общечеловечность может жить полною жизнью. Но общечеловечность не иначе достигается, как упором в свою национальность каждого народа”.

Где же черпает свою силу наша русская национальность? (Русская — в смысле общерусская, которая шире понятий ”великорусский”, ”малорусский” (”украинский” и ”белорусский”). Источником ее силы является православие, конкретно олицетворяемое Православной Церковью Христовой. Еще так недавно русский человек на вопрос о его национальности отвечал ”православный”.

Откуда это у нас? От тех времен, когда люди жили ”по старине”. Когда понимали прогресс не как погоню за новым, небывалым, т. ск. по горизонтальной линии, а понимали по линии вертикальной, все глубже, все подлиннее. Говоря о росте древней Москвы, академ. Д. С. Лихачев пишет, что ”...подъем всех духовных сил русского общества идет под знаком возрождения традиций времени национальной независимости — Владимирской и Киевской Руси XI-XIII веков... Мысль обращается к независимому прошлому с желанием увидеть в нем будущее” (Лихачев, стр. 11, ”Памятники литературы древней Руси”). Вот где истоки силы подлинного и чистого национального чувства!

В одном из замечательных шедевров письменности Киевской Руси ”Слове о погибели Русьския Земли” говорится:

”Всего еси исполнена

Земля Русьская — о православная вера христианская!..”

Вот к таким истокам возвращается Русь конца XIV и начала XV в., пережив страшное лихолетие татарского ига.

Проф. кн. Н. С. Трубецкой, говоря о будущем России, пишет: "Будущая русская культура должна стать в идеале *оцерковленной* сверху донизу. Православие должно проникнуть не только в народный быт, но и во все части здания русской культуры, вплоть до высших вершин этого здания. Только тогда отдельный русский человек будет находить в русской культуре полное успокоение и удовлетворение для всех самых глубоких потребностей своего духа, и только тогда русская культура будет сверху донизу *единой* системой, несмотря на внешнюю свою краевую и племенную дифференцированность"... Это может произойти (и это произойдет!) силою Церкви, единственной, которая способна вернуть России лик *Св. Руси*.

Почему именно Церковь? Потому, что нет более древнего источника регуляции жизни, указывающего, что назвать черным, что белым, установившего заветы, заповеди, законы. Только Она имеет несравненный опыт овладения тем, что врождено в человеке, что в нем неискоренимо.

К таким неискоренимым реальностям относится и национальный вопрос. Вопрос этот — универсальный факт, ибо просто напросто в природе нет людей вне национальности; мы с этим чувством и в этой реальности рождаемся. "Христианство зовет к братству народов, как и к братству людей. Но братство народов предполагает существование народов, национальных личностей, как братство людей предполагает существование людей"... ("Философия неравенства", Н. Бердяев).

Есть некоторая аналогия между национальным и половым чувством. Если о последнем в классических рассуждениях говорится, что оно дано для того, чтобы

не прекратился человеческий род, то несмотря на законность такого определения, я однако сомневаюсь, что кто-либо зачинал дитя из боязни за судьбу человеческого рода. Как в половом чувстве нас влечет половой инстинкт вообще и в частности любовь к одному единственному человеку, так подобное же происходит и с чувством национальным. "В национальности жизнь противится смерти, которой интернационализм угрожает всем народам... Революционный интернационализм истребляет прошлое наций и не хочет допустить их до собственного их будущего". (Там же).

Однако, чувство национальное, патриотизм основан не только на чувстве необходимости защиты своего родного мирка-родины, но на любви, на том горячем, огненном чувстве, которое заливает всего тебя, и нет жертвы, какую бы ты ни принес за край родной, за землю отцов...

И умер он ... как умирают,
молодым
лицом вперед, обнявши землю,
которой мы не отдадим.

Как же нам определить понятие того, той земли, за которую умираем, ее обняв, нации нашей, лик России? "Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков. Падение, оскудение одной эпохи — пусть нашей эпохи — только гримаса, на мгновение искажившая прекрасное лицо, если будущее (вновь) сомкнется с прошлым в живую цепь... В годину величайших всенародных унижений мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы: лицо России" (Г. Федотов).

"Русская нация есть мощный, многонародный организм, носящий в себе благородное и святое при-

звание — явить собой лик христианского по духу и православного по стилю государства, т. е. максимально воплотить в человеческом общежитии правду Христову”... (А. В. Карташев).

Выражаясь реальным языком, ...”*кровное* родство является ядром нации” (Ю. Марголин), которое связывает ”единство исторической судьбы (Бердяев) и, хотя, как пишет кн. Трубецкой, ”Христианство выше рас и культур, но не упраздняет ни их многообразия, ни своеобразия”. ”Родина — это не очертание на карте... географическую карту любить нельзя, но можно любить родник и тропинку, тихое озеро и родной дом, друзей и родных, учителей и наставников... паровоз, подъемный кран безусловно полезны, но любить их нельзя. А Покров на Нерли любить можно, а ”Василия Блаженного”, Московский кремль, песни, стихи Пушкина, романы Толстого любить можно. Будем же собирать по крохам, по камешку все, что можно любить и что в целом будет составлять нашу любовь к Родине (В. Солоухин ”Время собирать камни”).

К сожалению, немало таких, которые не хотят признать за нами прав на это. Н. А. Бердяев писал: ”Вы готовы были признать национальное бытие и права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать”.

В заключение этих определений нашей русской нации, приведем еще слова Г. П. Федотова: ”Язык не есть просто орудие, средство обмена мыслей... язык есть имя нации, как особое духовно-кровное единство, создающее свою культуру, т. е. царство идеальных ценностей...” Повторим: национальное чувство не искоренимо!

Но, однако, оно должно быть контролируемо. Так же как любой злак, цветок, плодовое дерево, если за

ним нет соответственного ухода, то оно дичает. Одичавшее национальное чувство может переродиться в шовинизм, болезнь скверную и даже омерзительную. Еще раз вернемся к уже упомянутой аналогии. От половой распущенности и извращенности гибли древние культуры. Не зря строгая регуляция полового поведения характерна не только для христианства, но и для всех развитых религий древности.

Недавно я где-то прочитал: "Это только снаружи кажется СССР, а копнешь глубже, — Россия". Очень правильное наблюдение, если его приложить к нашему рассуждению. Ну, а если Россию копнуть глубже? Там будет Мать — сыра земля. Кто-нибудь испугается и скажет — ведь это язычество! Ничуть. Апостолом Павлом сказано, что "не знающие закона, естеством законное творят". Не знающие какого закона? Закона христианского, в Новом Завете данного. Вот наши предки-язычники не знали этого закона, а действовали, прислушиваясь к голосу "естества". А что такое "естество", нам станет понятно, если вспомним слова блаж. Августина, сказавшего, что "душа человека по природе своей — христианка". Вот эта христианка-душа, живущая в некрещенном теле и непросвещенном сознании нашего предка-славянина и учила его почитать Мать — сыру землю, в которую хоронил он своих предков и в которую ложился сам. Они не знали того, что открылось их потомкам в Евангельском Законе, не знали о жизни вечной, но "естество" подсказывало им беречь останки, беречь память предков. Как это переключается с фразой, сказанной одним современным нашим писателем: "Любовь к родине — это есть любовь сына к камню, положенному отцом".

Мы обманываемся, когда думаем, что то, что составляет ядро, первооснову человека, лежащую где-

то в глубинах человеческой личности, можно так вот, играючи, путем рассуждения перевоспитать, "коршунов" в "голубей" превратить.

Патриотизм, любовь к корням своей нации не уничтожать (прежде всего потому, что подобная попытка — напрасный труд), а сублимировать надо, — из низших форм его понимания поднимать к высшим, одухотворенным.

Нам необходимо понять и принять, что то, о чем мы сейчас говорим — национальный вопрос, родина, патриотизм — это путь нашей жизни, форма нашего творчества, выполнение первой, самой ранней заповеди, данной Богом на заре человеческого бытия: возделывать и хранить землю. Не искание счастья и удовлетворений в жизни есть подлинный путь человека, а уразумение христианского патриотизма, как пути. Только он в конечном счете приведет к братству всего человечества, к единству разделенной христианской Церкви. Патриотизм, как и св. вода, может быть "на всякую пользу изряден".

Но это возможно, если дело начинать не с конца, а с начала. Не с экуменизма, в сегодняшнем его понимании, когда в разъединенных частях церкви немало собралось трухи, подмешанной к истине. Когда там будут только частицы чистого металла без примеси, тогда для соединения с магнитом — Церковью не окажется никаких препятствий. Нации объединять надо не с мирового правительства, которому ни одно из соправительств и национальностей ни на грош не верит. Пока в силе действительность, говорящая, что "язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли", объединение человечества останется мечтой.

Вернемся к словам русского пророка Ф. М. Достоевского: "...общечеловечность не иначе достигается, как упором в свою национальность". "В малом был еси

верен, над многим ты поставлю. Вниди в радость Господа своего". Другого пути нет. Путь к великому лежит через малое, ко всечеловеческому через национальное.

В заключительной части своего сообщения я хочу хотя бы совсем бегло коснуться некоторых высказываний выдающихся и, даже больше, исключительных трех русских людей: Хомякова, Федорова, Лихачева.

У нас только что была издана книга "Православие, самодержавие, народность". Автор этой книги Хомяков, но не знаменитый Алексей Степанович, а его сын, Димитрий Алексеевич. Книга эта показывает, что 19-ый век — это не только время подготовки и начала нашей отечественной катастрофы, но и время нашего национального пробуждения. Представление "птенцов гнезда Петрова" о том, что, по выражению одного из наших императоров, "русский народ — это масса, из которой можно что угодно сделать беспрепятственно", оздоравлилось пробуждающимся национальным самосознанием.

"Никогда не был так обострен спрос на народность", читаем мы в книге Хомякова, "как теперь, и это после того, что память о народности почти испарилась в 18-ом веке". "Одним из самых крупных примеров устойчивости народности", читаем мы дальше, "является народ еврейский: он живет рассеянным по всему лицу земного шара и, кажется он более других народов должен бы быть склонным утрачивать свою национальность. Однако, наоборот сему. Евреи не только остаются таковыми везде, но восприятие инородцами хотя малейшей примеси еврейства вносит во все нисходящие поколения еврейские черты, хорошие или худые, но почти неизгладимые".

"Наш современный социализм ... отвергает народность. Но основатели социализма, конечно, были

националисты, ибо были евреи; а таковые, говоря против национализма, всегда работают в пользу господства единого ими признаваемого народа — Израеля”.

Да, народность, национальное чувство, любовь к родине, неискоренимы. Это потому, что, как пишет Хомяков, ”хранительницами народности всегда были и будут народные массы”. Автор считает, что наше понимание своей народности переходит рациональные границы и постигается скорее нашим чувством. Он считает, что сопоставлением трех начал — Православие, Самодержавие, Народность — мы постигаем то глубинное и самобытное, чем крепки наш народ и его государственность.

Однако, не все так думали. Был в те годы человек, значение которого растет с годами и имеет большое влияние на происходящее в наши дни. Звали его Н. Ф. Федоров. В журнале ”Русское Обозрение” за 1895 г. в статье ”О русском самодержавии” приводятся слова известного славянофила А. С. Хомякова (отца): ”Когда... русский народ общим советом избрал Михаила Романова своим наследственным государем, народ вручил своему избраннику всю власть, коею был облечен сам во всех ее видах”.

”Таково высокое происхождение Императорской власти! — восклицает Федоров — происхождение власти от народа, по Хомякову, выше происхождения ее от Бога! Кто узнает в этих словах славянофила, признающего Православие, Самодержавие и Народность, — в этих словах так ясна радость нашедшего в своей истории что-то подобное Западу; а между тем такое (его) понятие призвания Михаила Феодоровича противоречит и православию и самодержавию, несогласно и с понятием русского народа, который не признает за собой права давать власть, а Богу припи-

сывает это право... Народ не выбрал, а принудил Михаила Феодоровича, несовершеннолетнего сына страдальца за русскую землю, бывшего во время избрания сына у поляков, — народ принудил Михаила Феодоровича вступить на царство угрозой гнева Божия...”

По представлению людей славянофильского мышления православие и самодержавие вскармливают то высокое народное самосознание, которое подымается до возможности быть источником власти. По мнению же других, сила монархического принципа именно в понимании источника власти находит свое наиболее яркое выражение: Бог дарует, а не народ избирает царя. Но из этого вытекает самый трудный момент для принятия монархии: этому богодарованному царю, какой бы он ни был, нужно оказывать абсолютное повиновение, ибо “сердце царя в руке Господа” (Пр. 21, 1).

Как бы ни разрешался этот большой и сложный вопрос, который имеет лишь косвенное отношение к сегодняшней теме, но в нашем вековом опыте народ всегда являлся активной и обязательной составной частью того, что относится к его судьбам.

В начале 19 века, настоящей русской стариной почитали век Екатерины. В 15 веке, освободившись от татар, мы свои подлинные истоки видели в 11-13 веках. А теперь?

Тепер, устами современного нам великого русского патриота, академика Д. С. Лихачева, проникновенного знатока нашего прошлого, мы говорим о былом понимании культуры нашей нации, как о сокрытом на дне озера Светлый Яр, недостижимом для нас сегодня “грех ради наших”. “Это сокровище, — пишет Лихачев, — как бы незримое, плохо понятое и плохо изученное, не поддающееся измерению нашими

европейскими мерами высоты культуры и не подчиняющееся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть настоящая культура” (Новый Мир, 1980, № 3, стр. 33).

Откуда у нас эти легендарные, граничащие с мистическими откровениями, истоки? Они в том даре Неба, которым обогатил наш народ, нашу землю, родину нашу, Царь Небесный. Тот дар, который мы теряем, которому неверны, о котором забываем, но который неисторгаем из нашего существа, несмотря на все грехи наши.

В лице предков наших мы некогда услышали ”звуки небес”, и в скольких бы поколениях ни продолжался наш народ, через что бы он только ни прошел, отголосок этой святой песни остался в нас, ”без слов, но живой”. Тот, кому это знакомо, кто тоскует об этом — тот русский патриот.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

В. И. Алексеев

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ РАСПАДА КИЕВСКОЙ РУСИ

Когда возникает вопрос не только о духовной, но и о государственной роли Православной Церкви в России, то обычно вспоминают о Преподобном Сергии Радонежском и о Куликовской битве, о Патриархе Гермогене и Смутном времени. Действительно, в обоих случаях мы видим наиболее яркие и драматические примеры участия Церкви и ее святителей в спасении государства и народа в наиболее критические моменты русской истории. Однако, нельзя забывать и менее яркой, не столь драматической, но в целом не менее важной роли Церкви в борьбе за сохранение единства русского государства на протяжении буквально всей истории России, в частности, а, может быть, лучше сказать в особенности, во время распада Киевской Руси и татарского разгрома. В ряде статей, опубликованных в ном. 11-18 "Русского Возрождения" за 1980-1982 гг., подобная же роль Русской Православной Церкви была показана на примере ее мгновенного возрождения и деятельности в исключительно сложных и противоречивых условиях немецкой оккупации значительной территории России во время Второй мировой войны. В данной статье попробуем вспомнить о времени, отстоящем от нас на многие столетия, когда под давлением сначала половцев, а потом татар Киевская Русь, распавшаяся на отдельные княжества, могла перестать существовать как русское государство, а народ, ее населяющий, мог просто погибнуть.

Трудно в настоящее время гадать, что бы было, если бы полчища Батыя встретили на Русской равнине не разрозненные дружины многочисленных князей, а объединенное войско всей земли, какое умели собирать первые киевские князья, но факт остается фактом: раздробленность тогдашней Руси неимоверно облегчила задачу завоевателей. Раздробленность эта, как и всякое историческое явление подобного масштаба, была, конечно, явлением сложным, связанным и с экономикой, и с географией, и с рядом других факторов; но для нас важно подчеркнуть, что идея единства княжеского рода Рюриковичей, в целом владевшего всей русской землей, с одной стороны оставалась бы символом этого единства, с другой стороны, постоянное увеличение количества членов этого рода и губительный порядок наследования вели к все большему и большему раздроблению государства на все более и более мелкие княжества. Тягостно читать о постоянных ссорах и непрерывных междоусобиях наследников Рюрика, бесконечно разоряющих княжества своих ближайших родственников, сжигающих города соперников и перегоняющих несчастное население на свою, увы, очень часто, временную территорию. Это, не говоря уже о призыве на помощь половцев, поляков, венгров и других временных союзников, вернее постоянных врагов, приходивших, чтобы просто пограбить и поразбойничать. В этом, почти непрекращающемся хаосе войн и усобиц, единственным настоящим символом единства православной Руси оставалась Церковь, находившаяся под властью одного Митрополита Киевского и Всея Руси. Именно поэтому сохранение единой русской митрополии, так же как и географическое место нахождения центра последней, должно было играть и сыграло решающую роль в медленном и необычайно трудном процессе вос-

становления единого сильного государства. Надо поражаться правильности исторической интуиции возглавителей Русской Православной Церкви, по большей части греков по национальности, нашедших, по-видимому, единственно правильный путь решения этого запутанного вопроса.

Интересно, что первая попытка нарушения единства митрополии исходила из Руси северной от князя Андрея Боголюбского, главного создателя мощи Северной Руси, послужившей основой нового объединения. Но прежде чем перейти к самой истории, попробуем уяснить себе принципиальную историю вопроса, а для этого воспользуемся мыслями наших крупнейших историков Русской Церкви. Для настоящей статьи главным образом были использованы труды трех историков. В хронологическом порядке первым назовем Митрополита Макария Булгакова. Интересующий нас период описан Митрополитом в томах 3-ем и 4-ом его "Истории Русской Церкви". Первые три тома этой истории Митрополит написал в 1853-1857 гг., остальные 9 томов писал, начиная с 1866 г. по год своей смерти в 1882 г. Том 3-ий был опубликован в 1857 г., том 4-ый в 1866 г.¹ Последний из крупных историков Русской Церкви, профессор А. В. Карташев, писавший уже в эмиграции, называет труд Митрополита Макария монументальным, пока еще непревзойденным по фактической полноте, хотя и недостаточно критическим в отношении собранного материала, а также слишком апологетическим. Все эти замечания Карташев относит собственно только к первым трем томам, считая дальнейшие тома написанными очень хорошо, а весь труд в целом непревзойденным.²

1. А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви (Париж: YMCA-Press, 1959). Том 1, стр. 3.

2. Там же, стр. 29.

”История Русской Церкви” академика Е. Е. Голубинского писалась с 1880-го по 1901 г. с большим перерывом, связанным с убийством императора Александра II и наступившей затем реакцией. Если труд Митрополита Макария Карташев считает слишком апологетичным, то академика Голубинского можно упрекнуть в излишнем скептицизме, может быть даже во влиянии на него психологии, типичной для шестидесятых годов прошлого столетия. Даже Карташев, явно симпатизирующий почтенному академику, признает, что ”Вообще публицистический элемент, к соблазну некоторых, отличает это ученое произведение”³. Наконец, сам А. В. Карташев, профессор духовной академии в Париже, последний обер-прокурор и первый министр исповеданий Временного правительства, является блестящим представителем российского либерализма и человеком вполне эрудированным для написания ”Очерков по истории Русской Церкви”, хронологически последнего фундаментального труда в этой области, опубликованного в Париже в 1959 г.

Для настоящей статьи некоторая разница в интерпретации событий тремя эрудированными историками дает хорошую возможность не только для лишней проверки излагаемого материала, но и для высказывания собственных скромных суждений. Об остальных, использованных в статье материалах, будет упомянуто в своем месте. Итак, переходим к изложению и разбору некоторых мыслей и суждений перечисленных авторов, касающихся, если можно так выразиться, теоретической стороны затрагиваемого в данной статье вопроса.

В главе 3-ей первой половины 1-го тома, озаглавленной ”Управление”, Голубинский пишет:

3. Там же, стр. 33.

Церковное управление слагается, если можно так выразиться, из двух элементов — из того, что есть в нем богоучрежденного, и того, что есть в нем обыкновенного, человеческого.⁴

Богоучрежденным Голубинский считает "каждое отдельное христианское общество, большое или малое...", которое "должно только иметь свою иерархию, состоящую из епископа, пресвитеров и дьяконов, все же остальное в нем, составляющее систему так называемой административной централизации, есть происхождения столько же человеческого, как все вообще человеческое..."⁵ В примечании к той же странице Голубинский разъясняет, что в первое время каждая отдельная община, имевшая свою особую церковь, даже ограниченная одной деревней "представляла из себя полную частную церковь — имела *своего епископа* (подчеркнуто нами — В. А.).

Признаемся, что к нашему удовлетворению сам Голубинский не ограничивается только вышеприведенными высказываниями, а признает, что "так как люди, по своей природе несовершенны... то богоучрежденное в церкви скоро потребовалось дополнить человеческим... ввести в ней систему подчинения и административной централизации".⁶ Считая, таким образом, церкви отдельных народов учреждением человеческим, Голубинский, однако, полагает, что "ни одна частная церковь не имеет права посягать на подчинение себе другой такой же",⁷ а, стало быть, и "частная церковь

4. Е. Голубинский. История русской церкви (Москва: Университетская типография, 1901). Том 1: Первая половина тома, стр. 256. Цитируется по авторизованной перепечатке (Ann Arbor, Mich. % University Microfilms, 1964).

5. Там же, стр. 257-258.

6. Там же, стр. 258.

7. Там же, стр. 159.

Греческая имела совершенно такое же право подчинить себе частную церковь русскую, какое право имело бы государство Греческое подчинить себе государство Русское”⁸. Выказав такое радикальное мнение с точки зрения права, Голубинский оговаривается ”для некоторых читателей”, что право и польза суть вещи совсем различные, и с точки зрения пользы высказывает мысль о выгоде для раздробленного княжескими усобицами русского государства наличия митрополитов греков, подчиненных к тому же греческому патриарху, находившемуся вне непосредственной зависимости от враждующих между собою русских князей. Надо заметить, что эту свою мысль сам автор считал оригинальной и, очевидно, ожидал возражений. Вот как он ее формулирует:

Не только либералы, которые eo ipso обязаны быть о деле самого худого мнения, но даже и консерваторы, которые весьма бы не желали говорить о Греках слишком не хорошо, находят себя вынужденными сознаться, что господство их у нас не может быть признано для нас благом. Вопреки тем и другим и рискуя прослыть за слишком большого оригинала, мы того мнения, что господство Греков не было для нас большим и решительным злом ни в каком отношении и что, наоборот, в некоторых отношениях оно было положительным и величайшим благом.⁹

Затем следуют четыре полных страницы защиты митрополитов греков, очень характерной для психологии автора и, возможно, его времени, и делается вывод, ”что мы не только должны примириться с совершенно ни на каком праве не основанном притязанием Греков подчинять себе в церковном отношении другие православные народы, но и благодарить Бога, что они имели

8. Там же.

9. Там же, стр. 318-319.

подобное притязание”.¹⁰ Подчеркнем еще раз, что Голубинский все время связывает свою точку зрения с фактом непрерывных княжеских усобиц, характерных для времени распада Киевской Руси, когда ”на престоле великокняжеском сменяли враг врага”¹¹ и ”эта смена врагов врагами на престоле великокняжеском какие могла бы иметь последствия для митрополии, в случае если бы митрополиты наши ставимы были у нас дома?”¹²

К той же теме Голубинский возвращается снова в разделе 6-ом той же 3-ей главы ”Управление”, когда пишет об отношении власти церковной к государству. В этом разделе мы читаем:

Много выше мы говорили, что не только для церкви, но и для государства было истинным счастьем то, что в период домонгольский митрополитами у нас были не природные Русские, а присланные из Константинополя Греки. Не связанные личными обязательствами и чуждые личных отношений, митрополиты Греки вели себя истинными пастырями, как представители христианской правды и христианского мира. Но митрополиты из природных Русских были бы сторонниками князей, их поставлявших. Следовательно, они не унимали бы князей от кровопролитья, а помогали бы им в этих последних.¹³

Таким образом, мысль Голубинского в конечном итоге проста: у Русской Православной Церкви с самого начала была возможность автокефалии, создания своей русской иерархии, но этого не произошло, и то, что не произошло было большим благом, спасшим Русскую

10. Там же, чтр. 323.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же, стр. 550. Что касается возможной помощи князьям в кровопролитии, похоже, что Голубинский и переборщил.

Православную Церковь от неизбежного раскола после падения Киевской Руси.

Карташев, давая вообще весьма положительный отзыв о Голубинском, что было уже отмечено выше, особенно хвалит академика за то, что "Выражая мысль о принципиальном праве русской церкви устраивать свое управление независимо от греков... и даже предполагая изначальную автокефалию русской церкви... он, однако, не увлекается, как иные, этой патриотической идеей... а господство у нас в период удельный митрополитов — греков признает положительным и великим благом".¹⁴

Поясним, что предположение об изначальной автокефалии Русской Церкви собственно впервые высказал профессор М. Ф. Приселков ("Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси") еще в 1913 г., предполагая, что Русь приняла православие сперва при помощи болгар и подчинилась грекам только при Ярославе Мудром. Теория эта имеет свои за и против, принята не всеми историками, а разбор и изложение ее увели бы нас в сторону от нашей темы. Поэтому мы не будем на ней останавливаться.

Обратимся теперь непосредственно к фактам, хотя бы к краткому изложению их, могущему ясно показать сложность и запутанность положения, перед которым оказалась церковная иерархия в интересующее нас время.

Начнем с описания достаточно прискорбного случая из истории самой иерархии, могущего быть великолепным примером справедливости мнений Голубинского и Карташева, только что изложенных нами выше.

14. А. В. Карташев, стр. 32-33.

Около середины 12-го столетия Киев был ареной борьбы двух княжеских линий: мономаховичей и ольговичей. Митрополит Михаил, грек по национальности, которого профессор Карташев называет доблестным, старался примирить враждующие стороны, из-за чего еще в 1134 г. будучи случайно в Новгороде и протестуя против войны мстиславовичей с их дядей, знаменитым Юрием Долгоруким, был посажен за это в заключение, из которого впоследствии освобожден после поражения не послушавшихся его князей. В 1136 г. в подобных же обстоятельствах Митрополит Михаил ходил с крестом между двумя враждебными ратями и примирил их крестным целованием. Аналогичный случай произошел и в 1140 г. На беду Митрополита, в 1146 г. Киев захватил один из князей, считавших себя обиженным Митрополитом — князь Изяслав Мстиславич. После этого, по не выясненной причине, Митрополит не оказывается в Киеве. По мнению Карташева, тут могли быть замешаны и неурядицы греческие, потребовавшие присутствия Митрополита в Византии. Уезжая, Митрополит запретил кому-либо служить в свое отсутствие в Св. Софии киевской, чем, очевидно, подчеркивал свое право митрополита и епархиального архиерея Киевского. Карташев справедливо предполагает, что Митрополит предвидел возможность посягательства князя — противника на свою власть. Действительно, Изяслав собрал собор 6-ти епископов и, пользуясь отсутствием Митрополита Михаила, настоял на избрании нового митрополита, игнорируя греков — русского ученого монаха, вполне достойного человека, знаменитого Климента Смолячича. Три епископа в знак протеста не принимали участия в соборе. Знаменательно, что особенным противником избрания был не грек, а русский, влиятельный Архиепископ Новгородский Нифонт, по данным Карташева, киевля-

нин, долго живший на греческом востоке и знаток канонов. Изяслав вызвал Архиепископа Нифонта в Киев и заключил в Киево-Печерский монастырь, откуда его в следующем, 1148 г., освободил князь Юрий Долгорукий, выгнавший Изяслава из Киева. Новый Митрополит Климент бежал вместе с Изяславом во Владимир Волынский. Вскоре кн. Изяслав и Митрополит Климент снова вернули себе Киев. В 1155 г. Изяслав умер, и Киев достался его брату Ростиславу, которого в том же году изгнал Юрий Долгорукий. Юрий на этот раз получил из Греции нового митрополита — грека Константина. Митрополит Константин перепоставил киевское духовенство, оставив в покое только дьяконов, а епископы, участники посвящения Климента были постепенно лишены своих кафедр и заменены греками. Юрий Долгорукий умер в 1158 г. и Киев достался сыновьям Изяслава уже в 1159 г. Сыновья Изяслава пригласили править Киевом своего дядю, известного уже нам Ростислава. Теперь Ростислав понял ошибку, допущенную при избрании Митрополита Климента, "зане (Митрополит Климент) не взя благословения от Святыя Софии и от Патриарха", но должен был считаться и с отрицательным отношением к греческому Митрополиту Константину старшего сына Изяслава Мстислава. После княжеских пререканий решено было просить у греков нового митрополита, тем более что ни Митрополита Климента, ни Митрополита Константина не было в этот момент в Киеве. В 1159 г. Митрополит Константин умер. В 1161 г. Ростислав пригласил из Константинополя нового Митрополита Федора, который умер в 1163 г. Через два года греки прислали нового митрополита, Иоанна IV, но за это время князья уже решили восстановить всеми уважаемого Митрополита Климента, согласившегося принять благословение от

Константинополя. Одновременно суздальский князь, знаменитый Андрей Боголюбский, надумал получить себе отдельного митрополита, для чего послал послов в Константинополь. Послы прибыли уже после назначения греками Митрополита Иоанна IV. Карташев отмечает пропуск в летописях, падающий на описываемые годы, по его мнению объясняющийся нежеланием летописцев слишком углубляться в неприятный для русской церкви конфликт. Зато летописи отметили приезд из Греции, помимо нового митрополита, и посла от императора. Усилия греков, наконец, увенчались успехом и в 1164 г., после семнадцати лет смуты, положение было урегулировано, как видим, при прямом вмешательстве греков. Таким образом, именно греки спасли на этот раз единство русской митрополии, едва не нарушенное одним из главных создателей Северной Руси, Андреем Боголюбским, очевидно не сознававшим, насколько единство митрополии будет важно для его детища, Северной Руси и будущего объединения остатков разгромленной Киевской Руси вокруг своей северной окраины.

Теперь обратимся еще к третьему из крупных историков Русской Церкви, Митрополиту Макарию, предшественнику и Голубинского, и Карташева. Изложим вкратце и его точку зрения. Прежде всего хочется сделать маленькое отступление. При сопоставлении самой манеры изложения событий тремя историками поражает эпическое спокойствие Митрополита Макария, напоминающее спокойствие пушкинского летописца. Во вступлении к третьему тому своей истории Митрополит Макарий сопоставляет отсутствие драматических событий при поставлении первого русского Митрополита Илариона при Ярославе Мудром собором русских епископов с драматичностью событий, связанных с избранием Климента

Смолячича аналогичным собором. Митрополит Макарий писал до появления теории Приселкова, широко использованной Карташевым, поэтому просто не ставил вопроса о возможности болгарского влияния на церковные события в России. Зато Митрополит Макарий подтверждает мнение Голубинского и Карташева о том, что, согласно с древними канонами, у Русской Православной Церкви было право избирать для себя первосвященителя. По мнению Митрополита Макария, русские не воспользовались этим правом, т. к. "Русские, по недавности своего обращения к вере, еще не привыкли считать необходимостью избрание и поставление своего митрополита константинопольским патриархом, а с другой, — константинопольские патриархи еще окончательно не решили, как смотреть на русскую Церковь, и не предоставят ли ей самой, согласно с древними канонами, права избирать для себя первосвященителя"¹⁵, чем, очевидно, Митрополит Макарий и объясняет возможность избрания Митрополита Илариона без каких-либо потрясений. Позднее, через 150 лет, по мнению Митрополита Макария, привычка к подчинению грекам уже настолько вкоренилась, что нашлись и русские епископы, которые называли аналогичное избрание Климента Смолячича незаконным. Победе греков в вопросе о подчинении Русской Православной Церкви грекам в связи с избранием митрополитом Климента, Митрополит Макарий не дает ни положительной, ни отрицательной оценки, предпочитая просто излагать события, происходившие в условиях продолжающейся гражданской жизни

15. Митрополит Макарий. История русской церкви. Изд. 3-е (Санктпетербург: Тип. Р. Голике, 1888). Том 3, стр. 5-6. Цитируется по авторизованной перепечатке (Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1965).

Удельного периода "с его кровавыми междоусобиями"¹⁶.

Что касается наиболее интересного для настоящей статьи вопроса о важности сохранения единой русской митрополии для объединения русского государства и народа, и роли в этом греков, то Митрополит Макарий только приводит полностью важнейший исторический документ, освещающий этот вопрос — грамоту царьградского Патриарха Луки к князю Андрею Боголюбскому в ответ на ходатайство последнего о поставлении для Северной Руси особого, независимого от Киева митрополита. Воздав должное трудам князя по укреплению православия в Северной Руси и строительству великолепных храмов во Владимире, Патриарх категорически отказывает Андрею Боголюбскому в его просьбе. Первым основанием отказа является то, что город Владимир "не иная страны есть ни области таковой град... но тое же самое земли и области есть, в ней (же) суть прадеди твои были; и ты сам обладаеши ею ныне, в ней же едина епископя была издавна, и един епископ во всей земли той"¹⁷.

Это был отказ на отделение Владимира от Суздаля, предварительного мероприятия для учреждения новой митрополии во Владимире. Что же касалось непосредственно учреждения новой митрополии, то Патриарх писал: "Ставим же по временом священным Митрополитом всея Руси, еже есть от нас святыя и великия церкве, ставим и посылаем тамо; а не можем мы того сотворити (т. е. создать новую митрополию — В. А.)... Правила убо святых Апостол и Божественных отец каяждо митрополия и епископя цели и не пору-

16. Там же, стр. 7.

17. Там же (в части приложений: "Грамота царьградского патриарха Луки Хрисоверга к Андрею Боголюбскому"), стр. 298.

шимо своя держати оправдания повелели, и никто же от святых может Божественных и священнных преступити правил, аще не странен от Бога хошет быти"¹⁸.

Таким образом, на все просьбы Андрея Боголюбского был получен отрицательный ответ, основанный, как мы понимаем приводимые выдержки из документа, на принципе утверждения единой митрополии для всея Руси и нежелании создавать даже новые епархии для удовлетворения личных амбиций отдельных русских князей. Если за этими установками и стояли какие-либо эгоистические интересы самих греков, объективно они так или иначе спасали удельную Русь от не только политического, но и от духовного распада.

Митрополит Кирилл (1249-1281 гг.)

Защитив единство русской митрополии, митрополиты, подчиненные греческому патриарху, начиная с правления Митрополита Иоанна IV в 1164 г. до самого монгольского нашествия, управляли без особых потрясений. Митрополит Макарий, правда, отмечает попытку князя Андрея Боголюбского, в связи с делом Епископа Федора, в 1168 году снова поднять вопрос об избрании митрополита собором русских епископов, т. е. об автокефалии, но этот эпизод не отразился на порядке управления и судьбах русской митрополии, а потому мы не будем на нем и останавливаться. Нашествие татар действительно создало большой кризис в русской митрополии, а русское государство поставило на грань гибели. Кризис этот совпал снова с выдвижением митрополита из русских. Вот как профессор Карташев излагает события.

В 1237 г., в самый год нашествия татар, из Греции

18. Там же, стр. 298-299.

прибыл новый митрополит, Иосиф. Как известно, татары разгромили Киев в 1240 г. По-видимому, еще до этого трагического события Митрополит, по выражению Карташева, "удалился во-свояси", и русская митрополия осталась без возглавления до тех пор, пока южно-русский князь, знаменитый Даниил Галицкий, не занялся вопросом о назначении нового митрополита. Тут мы подошли к очень важному вопросу, вопросу о роли Южной Руси в борьбе за единство русской митрополии и русского государства в период после татарского разгрома и до деления митрополии на две части в 1462 г. — "до отпадения Юго-Западной митрополии", как формулирует Карташев.

Украинские историки — сепаратисты, конечно, не согласятся с такой формулировкой вопроса. Например, сравнительно умеренный историк Украинской Церкви, Иван Власовский, в своих очерках по истории Украинской Православной Церкви¹⁹ дает подзаголовок при описании этого периода: "Борьба между княжествами за православный митрополичий стол в славянской восточной Европе, 13-15 веков", избегая упоминания слова Русь, хотя в других местах и пользуется достаточно широко нелепым термином Русь — Украина. Разница тут в том, что исторические судьбы постепенного деления двух противоположных окраин Киевского государства оцениваются с двух противоположных точек зрения. Северная Русь претендовала на преемство объединительной идеи Киевского государства и рассматривала деление, как нечто отрицательное и временное. В Южной Руси постепенно появились круги, которые стали рассматривать такое деление как нечто положительное, а обратный про-

19. Ivan Vlasovskiy. Outline of the Ukrainian Orthodox Church (New York: Ukrainian Orthodox Church of USA, 1956).

цесс — задачу восстановления потерянного единства — как явление отрицательное, попытку подавления своей национальной индивидуальности. Не будем поднимать сложный спор о преимуществе одной или другой точки зрения. Признаем их фактическое наличие и обратимся к историческим фактам, впрочем не скрывая того, что наше сочувствие остается на стороне идеи единства. Вот как эту точку зрения формулировал последний из крупных предреволюционных историков, академик С. Ф. Платонов, арестованный и загубленный коммунистической властью в 1933 г. Так как учебник Платонова для средней школы достать в настоящее время трудно и в России, и в эмиграции, приведем из него две большие цитаты:

В развитии гражданского порядка на Руси в XII веке надобно отметить и еще одну важную сторону. В то самое время, когда нарушалось государственное единство на Руси и начался хозяйственный упадок южных волостей, — в обществе народилось национальное чувство и сознание народного единства. Князья разных ветвей княжеской династии, ссорясь между собою, помнили, однако, единство своего рода и говорили себе, что они "одного деда внуки" и владеют одною землею. Жители различных волостей знали, что эти волости составляют части единой "Русской земли", и они готовы были в минуты опасности лечь костями за всю землю Русскую. Летописец, составляя в Киеве свою летопись, желал рассказать в ней, откуда пошла "Русская земля", откуда "Русская земля стала": он понимал, что его родной город Киев есть сосредоточие не одной волости Киевской, а всей земли, единой и великой Русской земли. Певец "Слова о полку Игореве" рассказывает о походе и поражении окраинных северских князей; но он постоянно зовет их самих и их дружины "русичами" и "русскими полками", даже "Русскою землею".²⁰

20. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы (Прага: Пламя, 1925). Часть первая, стр. 56.

И далее:

Государственное единство пало от междоусобий княжеского рода; но культурные связи оказались крепкими и создали из русских племен один, сознающий свое единство, народ. В этом заключается главное историческое значение Киевского периода русской истории.²¹

В следующей, второй главе об образовании новых государственных центров Платонов так характеризует три главных центра:

1. Господин Великий Новгород, ставший самостоятельным обособленным государством, в котором образовалось вечевое управление, приведшее Новгород к республиканскому устройству; 2. Галич, в котором очень сильное влияние на дела получили бояре, и 3. Владимир, в котором выросла единодержавная власть князя.²²

Таким образом, по Платонову, три главные силы — вече, князя и бояре, находившиеся в Киевской Руси в состоянии неустойчивого равновесия, нашли себе воплощение и стали преобладать каждая в одном из трех центров политического притяжения, пришедших на смену Киеву.

Лично для автора этой статьи всегда оставалось вопросом, почему Новгород, единственная русская область, не опустошенная татарами, даже и не пытался объединить вокруг себя остатки Киевской Руси. Неужели это было как-то связано с развитием в нем демократии? Зато несомненно, что фактически Новгород прикрыв Владимир-Суздальскую, а потом и Московскую Русь от немецкого "Дранг нах Остен", и этим, конечно, весьма содействовал укреплению северного центра

21. Там же, стр. 57.

22. Там же, стр. 58.

объединения. Именно этот Север, ставший постепенно главной силой воссоздания единого центра, хотя и в иных политических формах, с самого начала поставил перед собой общенародные задачи. Почти то же, сразу после татарского погрома, попытался сделать и самый значительный из южно-русских князей, Даниил Галицкий. Но, может быть, он слишком поторопился и потому татары сразу заставили предприимчивого князя скрыть укрепления южных городов, может быть, юг, находившийся и под давлением татар, и под давлением католической Европы, вообще не был подходящим местом для нового центра объединения. Так или иначе, но на юге освобождение от татарского ига обернулось постепенным подчинением Литовско-Польскому государству и постепенным же переходом всего правящего слоя в католичество. Понятно, что обо всех этих процессах легко говорить пост фактум, а сразу после татарского погрома сообразить, что к чему и на что можно надеяться в будущем было много труднее. Несмотря на это, возглавители Русской Православной Церкви, по нашему глубокому убеждению, совершенно правильно оценили обстановку и сделали из этого надлежащие выводы.

Возвратимся снова к профессору Карташеву, к его описанию обстоятельств выдвижения Митрополита Кирилла.²³

В 1240-1241 гг. князь Даниил спасался от татар в Венгрии. Митрополит Киевский был неизвестно где. В создавшемся хаосе один из южных епископов, Иосиф Угорский, "самочинно присвоил себе права митрополита"²⁴. Возвратившись из Венгрии, разгневан-

23. А. В. Карташев. Примечание к стр. 290.

24. Там же, стр. 290.

ный таким самочинством, Даниил лишил епископа Иосифа даже собственной кафедры, но, во избежание дальнейших замешательств, стал думать о замещении митрополичьей кафедры. Греки колебались в силу сложных политических обстоятельств и не назначали нового митрополита. Тогда князь Даниил избрал своего кандидата — игумена или архимандрита Кирилла. Кирилл начал править Киевской митрополией сначала (с 1242 по 1248 г.) в качестве кандидата в митрополиты. Позднее, в 1249 г., он был утвержден Патриархом Мануилом Вторым (находившимся в Никее, потому что Константинополь в это время был занят крестоносцами), после чего благополучно управлял Русской Церковью до 1281 г. Таким образом, третьим по счету, русским по крови митрополитом стал южно-русский монах, украинец, по нынешней терминологии, Кирилл, выдвинутый крупнейшим южно-русским князем Даниилом, то же, если хотите, украинцем, по современной терминологии.

Время правления Митрополита Кирилла замечательно не только тем, что он был третьим русским митрополитом, не продолжительностью управления Русской Церковью (39 лет, если считать с 1242 г.), но и фактическим перемещением центра деятельности Митрополита в северную окраину Руси. Карташев предполагает, что до утверждения греческим патриархом, т. е. до 1249 г., Митрополит Кирилл, возможно, даже не мог посещать северные епархии. Зато в дальнейшем, по утверждению Карташева, летописи совсем не упоминают о посещениях Митрополитом Кириллом его родной Галичины, но постоянно упоминают о посещении Митрополитом Руси Северной, главным образом Владимира.²⁵ Митрополит Макарий

25. Там же, стр. 292.

вполне согласен с Карташевым и дает целый перечень посещений Митрополитом Северной Руси, интересный сам по себе: в 1250-ом году, только что утвержденный патриархом Митрополит Кирилл "отправился из Киева в Чернигов, потом в Рязань и в землю Суздальскую".²⁶ В 1251 г. Митрополит из Владимира ездил иногда в Новгород, в Киев и другие города, но, большей частью, пребывал в самом Владимире, где в 1250 г. венчал брата Св. Александра Невского, в 1252 г. встречал у Золотых Ворот самого кн. Александра, возвращавшегося из Орды, в 1255 г. погребал другого брата Св. Александра, Константина, а в 1263 г. встретил и похоронил тело самого Невского героя и благоверного князя. На два года раньше, в 1261-1262 гг., Митрополит благословлял "избрать и рукоположил" епископа для Ростова.²⁷ Но наиболее важным было то, что только в 1274 г. Митрополит поставил епископа для Владимира — Серапиона, на место убитого татарами еще в 1238 г. Епископа Митрофана. Такое длительное незамещение Владимирской кафедры (36 лет), очевидно, объяснялось тем, что Митрополит фактически сам управлял этой епархией. Предпочтение Владимира Киеву выразилось и в том, что для поставления Серапиона Митрополит Кирилл созвал, согласно Н. Тальбергу, "известных тогда архипастырей: Далмата Новгородского, Св. Игнатия Ростовского, Феогноста Переяславского и Симеона Полоцкого".²⁸

26. Митрополит Макарий. История русской церкви (Санкт-петербург: Тип. Р. Голике, 1886). Том 4, стр. 9. Цитируется по авторизованной перепечатке (Ann Arbor, Mich.: University Microfilms, 1965).

27. Там же, стр. 10.

28. Н. Тальберг. История Русской Церкви (Jordanville, N.Y.: Holy Trinity Monastery, 1959), стр. 116.

Благодаря этому, епископский собор стал значительным церковным событием в России после татарского нашествия. Собор так оценил последствия нашествия: "Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные наши от острия меча? Не отведены ли в плен дети наши? Не запустели ли святые церкви? Не томят ли нас каждый день безбожные и нечестивые люди? И все это постигло нас за то, что не храним мы правил св. отец наших".²⁹ Практические мероприятия собора сводились к упорядочению церковной жизни, сильно расшатанной вследствие татарского нашествия. На этих практических мероприятиях мы останавливаться не будем. Для нашей темы важен факт созыва собора во Владимире, тогдашнем центре Северной Руси, а не в Киеве и не в Галиче, хотя вновь посвященный Епископ Серапион, в связи с посвящением которого и собрался собор, до посвящения был архимандритом Киево-Печерской Лавры.

Собор русских епископов совпал по времени с известным католическим собором в г. Лионе, на котором восстановитель Византийской империи со столицей в Константинополе (а не в Никее) император Михаил Палеолог в 1274 же году пошел на унию с Католической Церковью. По мнению таких солидных историков, как, например, А. А. Васильев (наш соотечественник, русский эмигрант, работавший в США), Лионская уния была чисто политическим актом не слишком принципиального императора, встретила оппозицию подавляющего большинства греческого народа и духовенства и просуществовала всего 8 лет — до 1282 г., когда сын и наследник Михаила, Андроник

29. Там же, стр. 116.

Второй, формально с ней покончил.

Вообще ослабление России в связи с татарским нашествием и Византии в связи с наступлением турок было использовано католицизмом для ряда попыток, где это только было возможно, подчинить себе православие. Широко известна борьба св. Александра Невского с католиками в лице шведов (руководимых Биргером) и немецкого рыцарского ордена. Менее успешно было сопротивление греков, изгнанных крестоносцами из Константинополя на целых 57 лет и периодически возобновлявших переговоры об унии, преимущественно по политическим соображениям, как это имело место в 1274 г. в Лионе. В очень похожем на Византию положении оказалась и Южная Русь, точнее Галицко-Волынское княжество. Напомним вкратце о главных событиях в этом княжестве, нужных нам для лучшего понимания общей обстановки.

Волынь и Галиция были объединены в 1199 г. волынским князем Романом Мстиславичем, получившим титул великого князя после захвата Киева в 1203 г. и убитого в войне с Польшей в 1205 г. Затем княжество распалось и галицкие земли были временно захвачены венграми, насаждавшими там католицизм. В 1221 г. князь Мстислав Удалой выгнал венгров. В том же году на Волыни пришел к власти знаменитый князь Даниил Романович, в 1238 г. обосновавшийся и в Галиче, а позднее захвативший Киев и объединивший было юго-западную Русь, но тут появились татары, уже в 1240 г. разгромившие Киев. Нашествие татар заставило князя Даниила искать убежища в Венгрии, т. е. в католическом королевстве, где он пробыл часть 1240-1241 годов. Возвратившись на родину, Даниил должен был поехать на поклон в Орду, после чего долго не мог забыть "злой чести татарской" и стал мечтать о помощи католического Запада для свержения татар-

ского ига. Вспомним, что в аналогичных условиях св. Александр Невский, успешно отразив наступление католиков шведов и немцев, учитывая невозможность немедленного свержения татарского ига, решительно сделал ставку на покорность татарам, проявлявшим терпимость в отношении православия, чтобы спасти Северную Русь от окончательной гибели. Логика событий привела было Даниила к выбору обратной политики, к политической игре в унию с католиками для получения помощи против татар. Карташев отмечает, что уже в 1245 г. на генеральный церковный собор в Лионе (не путать с Лионской унией греков в 1274 г.) прибыл "Петр, архиепископ Руси", владевший только русским языком, и что целью его миссии были поиски поддержки для спасения от татарской власти земель Галицкой, Волынской и Киевской. По данным Карташева, Архиепископ Петр (Акеревич) в 1230-1231 гг. был игуменом киевского монастыря Спаса на Бересте, потом, в какой то момент перед падением Киева, уже после отъезда или гибели Митрополита Иосифа, стал епископом, и в хаосе после татарского погрома стал именовать себя даже митрополитом (на манер Иосифа Угорского, о котором упоминалось выше). В 1245 г. "Митрополит Петр" оказался в Венгрии и оттуда попал в Лион, где его заставили служить с латинянами, знавшими восточный обряд.³⁰

Легко себе представить как просто факт появления на юге России двух самозванных митрополитов, один из которых пошел по линии унии, мог повлиять на Митрополита Кирилла, а это было только началом. В 1249 г., когда утвержденный греками митрополит вернулся из Никеи, дело дошло уже до того, что князь

30. А. В. Карташев. Стр. 293.

Даниил дал согласие приступить к союзу с Римской Церковью и прусский епископ в качестве папского легата привез ему королевский венец.³¹ На этот раз Даниил, по мнению Карташева, все же отклонил предложение папы, возможно не без влияния Митрополита Кирилла, но в 1252-1253 г.г. Даниил все же корону принял и стал королем по милости папы римского. К 1254 г. Даниил, не получив от католиков реальной помощи против татар, возвратился к православию. Вряд ли подобные маневры могли нравиться, по видимому, очень принципиальному, Митрополиту, всю жизнь боровшемуся за строгое православие.

Насколько известно автору настоящей статьи, Митрополит Кирилл нигде прямо не сформулировал причину своего предпочтения Руси Северной Руси Южной и князя Александра князю Даниилу, но все становится ясным из реакции Митрополита на смерть Александра Невского, причисленного впоследствии к лику святых. Вот как описывает это событие историк Тальберг:

Он был во Владимире (Митрополит Кирилл — В. А.), когда в Городце на Волге умирал благоверный князь. Совершая в соборном храме литургию и молясь о благополучном возвращении Александра из Орды, Святитель внезапно поднял свой взор вверх и увидел, что перед ним, как живой, стоит Александр, но озаренный неземным сиянием, а затем тихо, как бы вознесясь на крыльях, скрылось из глаз митрополита "подобие образа блаженного великого князя Александра". Владыка понял, что не стало защитника и печальника за Родину. "Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце Земли Русской" — проговорил он сквозь слезы с амвона и, когда народ недоумевал, объявил о кончине государя.³²

31. Там же, стр. 292.

32. Н. Тальберг. Стр. 117.

Знаменательно, что сам Митрополит Кирилл скончался в 1281 г. именно на севере, в Переяславе Залесском, хотя погребен был в Киеве в своем кафедральном соборе Святой Софии.

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Основана в 1921 г. в г. Сан-Франциско

Русская национальная газета

Отделы: религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник - суббота)

Подписная плата: 1 год — 50.00 ам. долл.,
6 мес. — 30.00 ам. долл.,

Адрес:

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

О ХРИСТИАНСКОЙ СЕМЬЕ

"Павель, узникъ Иисуса Христа, Филимону возлюбленному..., и Анфіи сестрѣ возлюбленной..., и домашней твоей церкви: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего, и Господа Иисуса Христа".

(Къ Филимону, I, 1)

I. Религиозные основания христианской семьи

Для христианского воспитания детей недостаточно одного теоретического - изучения Закона Божия в продолжение двух часов в неделю. Это — слишком слабое средство для того, чтобы наполнить детскую душу религиозным и христианским содержанием. Христианское воспитание может быть достигнуто только всей совокупностью соответствующих жизненных влияний окружающей среды (если, конечно, в этой среде имеются эти влияния), и прежде всего влиянием семьи, в которой при благоприятных условиях закладываются семена всего последующего развития человека. Бывают, правда, и такие случаи, когда отдельное влияние того или другого духовно-сильного человека превосходит или заменяет влияние семьи, но такие случаи исключительны.

В наше время замечается стремление заменить семейное воспитание — воспитанием общественным, в детских садах, в школах, в детских лагерях, в спортивных организациях и т. д. Ребенка, иногда с двухлетнего возраста, уже извлекают из семьи и вводят в общественную среду с тем, чтобы ребенок в этой среде

проводил большую часть своего времени. Такое направление воспитания нельзя признать правильным. Никакая общественная среда, никакой товарищеский круг не может заменить родной семьи, ее тихого, любовного, интимного влияния на детскую душу. Конечно, товарищеская среда имеет свои достоинства — она может развить в ребенке общительность, смелость, находчивость, интерес к общей жизни, к общей работе, товарищеское чувство, но вместе с тем, она налаживает всех детей на один образец, стирает в них наиболее ценные индивидуальные особенности, лишает их оригинальности, не дает развиваться своеобразному направлению внутренней жизни. Конечно, в тех печальных случаях, а их теперь так много, когда родной семьи или совсем не существует, или она не может дать ребенку ничего хорошего, общественное воспитание является неизбежной необходимостью, но все же нельзя не видеть, что при всем старании руководителей придать общественному воспитанию характер семейности, оно продолжает носить характер казенщины.

Только христианская семья и Церковь могут обеспечить ребенку возможность сохранения индивидуальных духовных особенностей, не разрывая в то же время его связи со всей окружающей средой, не замыкая его в себе самом. Общественное же воспитание должно иметь значение только дополнительного к семейному.

Предметом настоящей книги является выяснение того значения, какое имеет христианская семья в деле духовного воспитания ребенка.

В настоящее время в нашем сознании и в нашем жизненном опыте до такой степени ослабело понимание всех христианских ценностей, что прежде чем говорить о воспитательной работе христианской семьи, необходимо выяснить самое понятие христианской

семьи и христианского брака, указать те их основные особенности, которыми обуславливается их благотворное воспитательное значение.

Не отдельную человеческую личность, а именно семью надо считать основной, начальной единицей человеческого общества. От духовного здоровья и нравственной крепости этой начальной единицы зависит духовное здоровье и нравственная крепость общества. Там, где семья разрушена или разлагается, не может быть здорового, нормального молодого поколения, не может быть и здорового общества. В Советской России уже начинают сознавать разлагающее влияние случайной семьи, и русские женщины уже начинают все более и более решительно и смело выступать на защиту поруганного достоинства семьи и брака. Семья и брак должны быть не случайным продуктом случайного влечения, а неприкосновенной и священной основой человеческой жизни и общественного благополучия. Семья только тогда и выполнит свое воспитательное и общественное значение, когда она будет глубоко проникнута и одушевлена ясно сознаваемым идеалом христианственности. Семья и брак должны иметь в основании своем религиозное начало. Семья не может дать своим детям той жизни, тех чувств, тех мыслей, которых она сама не имеет. Не прописными наставлениями и не механическими правилами создается христианская жизнь в семье, воспитываются христианские идеалы. Они свободно и естественно вырастают из полноты внутреннего христианского содержания семейной жизни. К сожалению, у нас, у русских, до сих пор нет ясно определившейся и ставшей общим убеждением христианской идеологии семьи. У нас почти всегда бывает так, что когда возникает новая семья, молодые супруги очень далеки бывают от сознания идеала христианской семьи. И только потом, уже

много лет спустя, начинают понимать, что не так они устраивали и не так вели свою семейную жизнь, как было бы нужно.

Но эту поздно осознанную ошибку уже не легко бывает исправить. Благоприятный для воспитания момент оказывается упущенным. Не имея ясного христианского мирозерцания, живя обрывками всевозможных мыслей, мы строим свою семейную жизнь, как придется, от чего она и оказывается полной противоречий. Перед нами стоит неотложная задача — выяснение идеала и создание сознательной христианской русской семьи, как здоровой ячейки будущей России. Начало христианской семье полагается христианским браком. С христианской точки зрения брак есть великая святыня, великая тайна, Божие установление. В идеале он должен быть единым и неразрывным, и, только снисходя к человеческой немощи, Церковь допускает второй и третий браки, или расторжение брака, но второй и третий браки она совершает уже не с такой торжественностью, как первый.

В христианском браке заключена двоякая идея.

Прежде всего брак есть взаимное восполнение мужем и женою друг друга. "И будета два въ плоть едину". Здесь разумеется не одно только плотское восполнение, но и духовное, нравственное. Мужская и женская натуры различны. Каждая из них в отдельности является неполною, недостаточною. В своем соединении они восполняют друг друга и составляют цельного, полного человека. Мы можем подтвердить это и свидетельством Библии. В I-й главе Бытия сказано: "И сотворилъ Богъ человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ" (Быт., I, 27). В этих словах одно общее название человека усваивается двум лицам в их совокупности — мужчине и женщине. Еще яснее это выражено в

5 главе Бытия: "Когда Богъ сотворилъ человека, по подобію Божию создалъ его. Мужчину и женщину сотворил ихъ, и благословилъ ихъ, и нарекъ имъ имя; человекъ, в день сотворенія ихъ" (Быт., V, 1-2). Из этих слов видно, что мужчина и женщина были сотворены в один день, и что им обоим в совокупности Бог нарек имя: человек. Чем значительнее различие между мужской и женской натурами, тем более они нуждаются одна в другой, тем более одна другую восполняют и тем прекраснее их сочетание. Приведем еще библейский рассказ о сотворении жены первого человека. Когда Бог создал первого человека и поселил его в раю, и дал ему заповедь не вкушать от дерева познания добра и зла, Он вслед за этим сказал: "не хорошо быть человеку одному, сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему" (Быт., II, 18). Вслед за этим Господь навел на человека, глубокий сон; и когда он уснул, взял одно из ребер его... "И создалъ Господь изъ ребра, взятаго у челоуѣка, жену и привель ее къ челоуѣку" (Быт., II, 21-22). Если бы человеку нужен был помощник для возделывания и хранения рая, помощник в труде, то таковым мог бы быть и мужчина. Но Бог сотворил не мужчину, а женщину, именно потому, что человек нуждался не в физическом помощнике, не в работнике, а в таком существе, которое могло бы восполнить не труд его, а жизнь его, дало бы полноту его бытию духовными особенностями своей природы. И когда человек увидел сотворенную Богом жену, он воскликнул: "вот это кость отъ костей моихъ и плоть от плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа" (Быт., II, 23). Этими словами человек отметил не то, что жена будет ему помощницей в труде, и не то, что она будет матерью его детей; он отметил прежде всего свое с нею единство. В своей жене первоначальный человек как бы раздвоился: в каждом из них

сосредоточились особенности и свойства человеческой природы, которыми они стали дополнять друг друга.

И замечательно, что в этом месте Библии, где Бог приводит к человеку созданную для него помощницу, Господь совершенно не упоминает о второй цели брака, о рождении детей, о создании семьи, не потому, конечно, что этой цели не должно быть в браке, но потому, что первой целью брака нужно считать взаимное духовное восполнение супругов. И уже одна эта цель брака показывает, что истинный христианский брак не может ни повторяться, ни расторгаться. Нельзя свое сердце отдавать дважды. Нельзя отбирать его назад и передавать кому-либо другому. Если это и бывает, это уже ненормально, это уже извращение должного порядка вещей. Идеалом христианского брака является — взаимное восполнение супругов, слияние их в единое существо, взаимная помощь и поддержка на всю жизнь, взаимная, как говорили в старину, верность до гроба. Тайна и счастье брака в том именно и состоит, чтобы в многообразии людей угадать родственное тебе существо. А если это не удалось, нужно суметь терпеливо совместно нести крест супружества, предавшись воле Божией. Взаимная преданность и неизменная верность в христианском браке освящаются и укрепляются благословением Божиим. Брак является святыней, и таковою он остается навсегда для супругов, сознающих серьезность и ответственность принятых на себя обязательств. И Новый Завет не только не ослабляет важности, неповторяемости и неразрывности брака, но еще утверждает их новыми основаниями. Так в 19-й главе Евангелия от Матфея мы читаем: "И приступили къ Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причинѣ позволительно человѣку разводиться со своею женою? Онъ сказалъ имъ въ ответъ: "Не читали

ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ". И сказалъ: "по сему оставитъ человекъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью. Такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ". Они говорятъ Ему: "какъ же Моисей заповѣдалъ давать разводное письмо и разводиться съ нею?" Онъ говоритъ имъ: "Моисей по жестокосердію вашему*, позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими; а сначала не было такъ" (Мф., XIX, 3-8). Указанная Иисусом Христом неразрывность брачной связи испугала Его учеников, и они сказали: "если такова обязанность человекъ къ женѣ, то лучше не жениться". Иисус Христос ответил на это, что безбрачие не все могут вместить, но кто может вместить, да вместит (Мф., XIX, 12).

Православная Церковь, в чине обручения и венчания, также говорит о том, что целью брака является взаимное единение супругов. Она молится "о еже ниспослаться имъ любви совершеннѣй, мирнѣй и помощи"..., "о еже сохранится имъ въ единомыслии и твердой вѣрѣ"..., "Боже вѣчный, — говоритъ она въ одной изъ своихъ молитвъ, — разстоящаяся собравый въ соединеніе, и союзъ любви положивый имъ неразрушимый, — Самъ благослови и рабы Твоя сія, наставляя я на всякое дѣло благое!" "Господи, Боже нашъ, отъ языкъ предобручивый Церковь, дѣву чистую, благослови обрученіе сіе, и соедини, и сохрани рабы твоя сія въ

*Жестокосердием называется неспособность подняться до истинного смысла брака и взаимной снисходительностью и любовью покрывать немощи друг друга. По тому же соображенію, из снисхожденія к немощи человеческой, и церковь допускает расторженіе брака, что, однако, нисколько не ослабляет его идеального смысла и значенія, указанного Христом.

мирѣ и единомыслии"... "Призри на раба Твоего и на рабу Твою, и утверди обрученіе ихъ въ вѣрѣ и единомыслии, и истинѣ, и любви"... То же самое говорит Церковь и в чине венчания. Она требует от вступающих в брак искреннего желанія навсегда соединить свою жизнь. Она спрашивает — не обещался ли еси иной невесте? Не обещалася ли еси иному мужу? И напоминает ветхозаветные примеры супружеской любви и верности, Авраама и Сарру, Исаака и Ревекку, Иакова и Рахиль, Иосифа и Асенефу, Моисея и Сепфору, Захарию и Елизавету, Иоакима и Анну. Под покровом телесного брака она видит иной брак, духовный, таинственный и целомудренный союз, и молит Бога ниспослать благодать небесную на рабов своих, "яко да поживуть по воли Твоей". Она видит все трудности и искушения брачной жизни и просит Бога сохранить новобрачных, как Он сохранил Иону и трех отроков. Она предвидит скорби и крест супружества и молится: "Помяни я, Господи Боже нашъ, яко же помянулъ еси святыя твоя Четырехдесять мученики, ниспославъ имъ съ небесе вѣнцы" (победы). Чтобы нагляднее представить общность предстоящей брачующимся жизни, общность радостей и общность скорбей, она предлагает им общую чашу в память брака в Кане Галилейской. И, наконец, троекратным обхождением вокруг аналоя со св. Крестом и Евангелием, она напоминает им о неразрывности их союза.

Такова первая идея христианского брака. Но в браке есть и вторая идея — осуществление христианской семьи. Без семьи в браке нет всей полноты жизни, хотя бы супруги и были исполнены единомыслия и взаимной любви. Для полноты смысла и счастья брака необходимы дети, на которых супруги могли бы сосредоточить свою любовь и свои заботы. И не напрасно некоторые отцы Церкви в словах Иисуса Христа "Гдѣ

двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди ихъ” (Мф., XVIII, 20) видать благословение семьи. Христианам не должно избегать иметь детей. В рождении детей нельзя видеть лишь физиологическую и житейскую тяготу. Ребенок — дар Божий, великая тайна Божия, начало новой жизни, — великая радость, почему и сказано в Евангелии: ”Жена, когда раждаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришла чась ея; но когда родить младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, ибо родился человекъ въ мирѣ” (Иоан., XVI, 21). Нет более отвратительного, более гнусного преступления, как убийство собственного младенца до его рождения. За такое убийство Церковь определяет 20-летнее отлучение от Св. Причастия. В наше время подобные преступления стали обычным явлением и оправдываются трудностями существования, но в этих словах заключается клевета на бедняков: не бедняки преимущественно совершают эти преступления, а люди обеспеченные.

Бедняки обычно безропотно несут тяготы многочадия, но вместе с тем переживают и его радости. Богачи же, избегая трудностей многочадия, не видят и радостей семейных. Чадорождение есть воля Божия, закон природы, ясно установленный и в Ветхом и в Новом Завете. Еще до грехопадения первых людей Бог благословил деторождение. Книга Бытия говорит: ”И сотворилъ Богъ человекъ по образу Своему, по образу Божию сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ. И благословилъ ихъ Богъ и сказалъ имъ Богъ: ”плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею” (Быт., I, 27-28). Ошибочно думают некоторые, что грех первых людей состоял в их физическом сближении. В этом греха не могло быть, ибо так они были созданы. Грех заключается не в физическом сближении, а в его извращенных проявлениях. Но первые люди не этим согрешили, а согрешили изменой

Богу. Если бы люди и не согрешили, они имели бы потомство, только имели бы потомство, свободное от греха. В действительности, дети стали рождаться у людей только уже после их грехопадения и потому рождались зараженные грехом (Быт., IV, 1), Несмотря на это, Бог после всемирного потопа снова благословил деторождение, через которое должно было прийти и спасение: "И благословилъ Богъ Ноя и сыновъ его, и сказалъ имъ: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю" (Быт., IX, 1). И это же благословение Бог повторил и Аврааму, и Исааку, и Иакову, и другим ветхозаветным праведникам. Давид, в Пс. 127 описывая блаженство боящихся Бога, так говорит о благословенности деторождения: "Блаженни вси бѣящїися Господа, ходящїи путемъ Его. Блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ. Жена твоя яко лоза плодovitа, во странахъ дому твоего; сынове твои, яко новосаженїя маслична, окрестъ трапезы твоя. Се тако благословится челоуѣкъ, бояйся Господа".

В Новом Завете Господь Иисус Христос гневался на учеников, запрещающих приносить к нему младенцев, и благословлял детей (Лк., XVIII, 15). Ап. Павел убеждает молодых жен "любить мужей, любить дѣтей, быть попечительными о домъ, добрыми, покорными своимъ мужьямъ" (Тим. II, 4-5). Он же пишет: "Я желаю, чтобы молодыя вдовы вступали въ бракъ, рождали дѣтей, управляли домоу" (I Тим., V, 14). Говоря о том, что жена, прельстившись, первая впала в преступление, ап. Павел продолжает: "Впрочемъ, спасется черезъ чадородїе, если пребудеть въ вѣрѣ и любви, и въ святости съ цѣломудриемъ" (I Тим., II, 15). В православном чине бракосочетания постоянно говорится о деторождении, как цели брака. Мы приведем некоторые места. В последовании венчания церковь молится о новобрачных: "о еже возвеселитися имъ

видѣнемъ сыновъ и дочерей"... , "о еже дароватися имъ благочадія воспріятію"... Указав на то, что деторождение было благословено Богом еще в раю, и перечислив примеры благословенного Богом брака, Церковь говорит, что и Сам Сын Божий, воплотившийся и родившийся от Приснодевы Марии во спасение рода человеческого, благословив брак в Кане Галилейской, показывал этим, да "Его воля есть законное супружество и еже изъ него надотвореніе". И вслед за тем Церковь обращается к Нему с молитвою: "Самъ Владыко Пресвятый, приими моленіе насъ, рабовъ твоихъ, якоже тамо, и зде пришедь невидимымъ твоимъ предстательствомъ, благослови бракъ сей, и подаждь рабомъ Твоимъ симъ... о чадѣхъ благодать"... "Сподоби я видѣти чада чадъ"...

Утвержденный на своей религиозной основе и верный своему христианскому назначению брак и связанная с ним христианская семья являются естественным, здоровым и прочным основанием счастливой и спокойной личной и общественной человеческой жизни. Прочность христианской семьи, верной своему христианскому идеалу, уже не зависит от произвола супругов, которые знают, что, образуя семью, они тем самым подчиняют свою волю высшей воле — Божией, и должны свято выполнить обязанность, налагаемую на них Богом. И достоинство жены и матери, и спокойное существование и воспитание детей в этой семье прочно обеспечены. Обратимся теперь к внутренней стороне жизни христианской семьи и рассмотрим те требования, какие предъявляет христианство к каждому члену семьи в отдельности.

II. Взаимоотношения членов христианской Семьи

Религиозная идея христианского брака и христиан-

ской семьи, как неразрывного союза во имя Божие, налагает свою печать на все проявления семейной жизни, на взаимоотношения супругов, родителей и детей, хозяев и слуг, на уклад внутренней жизни семьи, на отношения к окружающим, на выбор занятий и развлечений. Мы постараемся осветить с христианской точки зрения все эти стороны семейной жизни, и начнем со взаимоотношений членов христианской семьи.

Некоторые, ссылаясь на слова Ап. Павла в 5-й главе послания к Ефессянам и другие места Священного Писания, думают, будто христианство подавляет свободу и равенство членов семьи, ставит жену и детей в приниженное, рабское положение. Это неверно. Никакая религия, никакая философия, никакая мораль не возвышает так достоинства человека, и в частности жены и детей, как христианство. Христианство, правда, отвергает свободу, как произвол; оно признает, что истинная свобода приобретается лишь через послушание Христу. И послушание Христу составляет основание жизни христианской семьи. Но этим, конечно, не подавляется достоинство кого-либо из членов семьи, а наоборот, наиболее обеспечивается. Не подавляя личности, христианство лишь указывает членам семьи различные их обязанности в зависимости от их положения в семье и от обязанностей их духовной и физической природы. Этим создается стройное единство семейной жизни. Глубокое уважение христианства к жене видно, например, из следующих слов, обращенных Апостолом к мужьям: "обращайтесь благоразумно съ женами..., оказывая имъ честь, как сонаслѣдницамъ благодатной жизни" (I Петр., III, 7); "мужъ, оказывай женѣ должное благорасположеніе, какъ и жена мужу. Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена" (I, Кор., VII, 3-4). Высота и святость взаимоотношений мужа и жены с

особенной основой указаны Ап. Павлом в 5-й главе послания к Ефессянам, читаемой при бракосочетании. Здесь Апостол уподобляет союз между мужем и женой Союзу Христа с Церковью. Употребленное Апостолом сравнение ставит взаимные отношения мужа и жены на такую высоту, придает им такую ценность и святость, раскрывает перед супругами такой бесконечный идеал, который способен наполнять всю их жизнь неисчерпаемым содержанием. Апостол пишет: "Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, какъ Господу, потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ Глава Церкви" (Еф., V, 22). Главенство мужа, о котором говорит здесь Апостол, не означает рабской приниженности жены, как и Главенство Христа не обозначает рабского состояния Церкви. Главенство это естественно определяется различием природы мужа и жены и различием их обязанностей в семье. На муже преимущественно лежить забота о внешнем благополучии семьи, на жене попечение о ее внутренней жизни. Развивая дальше свое сравнение, Апостол говорит об обязанности мужей любить своих жен до самопожертвования: "Мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за Нее..., чтобы представить ее Себѣ Славною Церковью, не имѣющею пятна или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна". Таким образом, Апостол от обоих супругов требует взаимного самоотвержения: от жены повиновения, от мужа — безграничной заботливости и любви. Это требование, несомненно, есть главное условие семейного согласия и счастья. Все семейные неприятности происходят из взаимной неуступчивости, из мелкого эгоизма, который и запрещается Апостолом. Человеку свойственно больше всего любить себя самого. И Апостол пользуется этим свойством человеческой природы, чтобы указать мужу новое побуждение любить свою жену. Он требует, чтобы "мужья

любили своихъ женъ, как свои тѣла; любящій свою жену, любить себя самого”.

Только при взаимном самоотвержении может быть выполнена древняя заповедь, данная первым людям: ”оставить челоѡкъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ двое одна плоть”. В союзе мужа и жены Апостол видит великую тайну, великую святыню, подобие союзу Христа с Церковью. И, конечно, если бы христианские супруги это всегда помнили и сознавали, их жизнь и отношения были бы всегда полны глубокого смысла и радости.

В первом послании Ап. Петра мы находим подобные же наставления мужьям и женам, при чем Апостол особенно отмечает то внутреннее, духовное влияние, какое может оказать жена на мужа своего кротостью. ”Вы, жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова приобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе. Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внешнее плетеніе волосъ, не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ но сокровенный сердца челоѡкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ” (I, Петр., III, 1-4). Таким образом, жене, по Апостолу Петру, принадлежит в семье даже преимущественное перед мужем значение: ея, ее кроткой мудростью создается в семье христианская жизнь, и все подчиняются ее духовному влиянію.

Апостол приводит и примеры такого спасительного влияния жен на семейную жизнь: ”Такъ, нѣкогда и святыя жены, уповавшія на Бога, украшали себя, повинуюсь своимъ мужьямъ; такъ, Сарра повиновалась Аврааму, называя его господиномъ*”; ”вы — дѣти ея,

*Сарра называла Авраама своим господином, а, в действительности, она была настоящей хозяйкой своего дома (вспомним, напр.,

если дѣлаете добро и не смущаетесь ни от какого страха” (I, Петр., III, 5-6). История христианской Церкви богата примерами тихого, кроткого, но упорного и благотворного влияния христианских женщин на свои семьи (матери — Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Августина и др.; мать и бабка св. Ап. Тимофея и т. д.). Из этого видно, что положение женщины в христианской семье не является приниженным и жалким, и она часто оказывается духовной руководительницей, духовным центром семьи, хранительницей в семье христианской жизни.

К тесному союзу ”въ Господѣ” мужа и жены христианство привлекает и детей, требуя от них послушания родителям, но не бессознательного, не механического, а ”въ Господѣ”. ”Дѣти, повинуйтесь своимъ родителямъ въ Господѣ, ибо сего требуетъ справедливость” (Еф., VI, 1), пишет Ап. Павел. Послушание есть также проявление самоотвержения. Следовательно, и от детей Апостол требует той же самоотверженной любви, того же преодоления эгоизма, как и от супругов. Но и от родителей он также требует самоотвержения, бережного отношения к детской душе: ”Отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ” (Еф., VI, 4). В другом месте та же самая мысль выражена иначе: ”Отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, дабы они не унывали” (Колос., III, 21). Какое удивительное внимание обнаруживает в этих словах Апостол к детской душе. Дети, действительно, легко ”унываютъ” от холодного, грубого слова, а уныние есть самый страшный враг души, особенно детской, обрекающий ее на духовное

историю Агари). То же самое надо сказать и относительно Ревекки (передавшей благословение отца младшему, любимому сыну, Иакову) и т. д.

бесплодие, на духовную смерть. "Не раздражайте", не выводите детей из духовного равновесия, из состояния внутреннего мира, которое есть необходимое условие правильного духовного роста и счастливой жизни, не "озлобляйте" детей собственной раздражительностью. Все наставления Апостола, даваемые им супругам, родителям и детям, — направлены к одной цели, связать их всех между собою "внутреннимъ союзомъ любви" во имя Господне, и тем превратить их семейный союз в "домашнюю церковь" (Посл. к Филимону, I, 2 и др.). В этом любовном единении со Христом в Церкви и заключается основная идея христианской семьи.

Говоря о взаимных отношениях членов семьи, апостолы всегда присоединяют к составу семьи и домашних слуг, или, по тогдашнему, рабов, людей бесправных, покупаемых и продаваемых на рынке. Таким образом, они устанавливают между хозяевами и рабами отношения не формальные, не внешне-механические, а нравственные и близкие. Они не противопоставляют их друг другу, как два непримиримых классовых лагеря, способных только эксплуатировать или ненавидеть друг друга, но устанавливают между ними взаимную благожелательность и взаимопомощь. С христианской точки зрения, начало которой видим еще в Ветхом Завете, рабы являются не особого рода домашними животными, а живую часть семьи, принимающей участие в ее горестях и радостях, разделяющей ее заботы, нередко принимающей на себя ответственное попечение о ней, заступая для детей место родителей и воспитателей. Так, еще в Ветхом Завете, Авраам поручает своему рабу Елеазару такое ответственное дело, как найти жену своему сыну Исааку, берет с него клятву, что тот не выберет ему жену из язычниц, и мы видим, как раб со всею осмотритель-

ностью, любовью и добросовестностью выполнил это ответственное поручение. Раб Авраамов уже как бы перестает быть его рабом, он становится его другом и помощником, вместе с ним блюдет интересы семьи, как свои собственные. Здесь невольно вспоминаются слова Спасителя, сказанные Им в прощальной беседе своим ученикам: "Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его; но Я назвалъ васъ друзьями, потому что сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего" (Иоан., XV, 15). Так и апостолы требуют от слуг и господ искренних и близких отношений во имя Господне. Ап. Петр пишет: "Слуги, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо" (I Петр., II, 18-19). То же самое говорит и Ап. Павел: "Рабы, повинуйтесь господамъ своимъ по плоти со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, какъ Христу, не съ видимою только услужливостью, какъ челоуѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, исполняя волю Божию отъ души, служа с усердіемъ, какъ Господу, а не какъ челоуѣкамъ, зная, что каждый получить отъ Господа по мѣрѣ добра, которое онъ сдѣлалъ, рабъ ли, или свободный" (Еф., VI, 5-8). Господам же он пишет: "И вы, господа, поступайте съ рабами такъ же, умѣряя строгость, зная, что и надъ вами самими и надъ ними есть на небесахъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія" (Еф., VI, 9). В другом месте Ап. Павел высказывает те же наставления другими словами: "Рабы, во всемъ повинуйтесь господамъ вашимъ по плоти, не въ глазахъ только служа имъ, какъ челоуѣкоугодники, но въ простотѣ сердца, боясь Бога. И все, что дѣлаете, дѣлайте отъ души, какъ для Господа, а не для челоуѣковъ, зная, что въ воздаяніе отъ Господа получите наслѣдіе: ибо вы

служите Господу Христу. А кто неправо поступить, тотъ получить по своей неправдѣ: у Него нѣтъ лицепріятія” (Кол., III, 22-25). Господамъ же Апостолъ снова говоритъ: ”оказывайте рабамъ должное и справедливое, зная, что и вы имѣете Господа на небесахъ” (Кол., IV, 1). В 1-м посланіи к Тимофею Ап. Павелъ пишетъ о рабахъ такъ: ”Рабъ, подѣ игомъ находящійся, должны почитать господь своихъ достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божіе и ученіе. Тѣ, которые имѣютъ господами вѣрныхъ, не должны обращаться съ ними небрежно, потому что они братья; но тѣмъ болѣе должны служить имъ, что они вѣрные и возлюбленные и благодѣтельствуя имъ” (I, Тим., VI, 1-2). С особенной трогательной любовью Ап. Павелъ пишетъ о рабе Онисиме в посланіи к Филимону: ”Имѣя великое во Христвѣ дерзновеніе приказывать тебѣ, что должно, по любви лучше прошу, не иной кто, какъ я, Павелъ старецъ, а теперь и узникъ Іисуса Христа; прошу тебя о сынѣ моемъ, Онисимѣ, котораго родилъ я въ узахъ моихъ; онъ былъ нѣкогда негоденъ для тебя, а теперь годенъ тебѣ и мнѣ. Я возвращаю его. Ты же прими его, какъ мое сердце. Я хотѣлъ его при себѣ удержать, дабы онъ вмѣсто тебя послужилъ мнѣ въ узахъ моихъ за благовѣствованіе; но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе дѣло твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, можетъ быть, онъ для того на время отлучился, чтобы тебѣ принять его навсегда, не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ, и по плоти и въ Господѣ. И такъ, если ты имѣешь общеніе со мною, то прими его, какъ меня. Если же онъ чѣмъ обидѣлъ тебя, или долженъ, считай это на мнѣ. Я, Павелъ, написалъ моею рукою; я заплачу. Не говорю тебѣ о томъ, что ты и самимъ собою мнѣ долженъ. Такъ, братъ, дай мнѣ воспользоваться отъ тебя въ

Господѣ; успокой мое сердце въ Господѣ. Надѣясь на послушаніе твое, я написалъ къ тебѣ, зная, что ты сдѣлаешь и болѣе, нежели говорю” (К Филимону, I, 8-21).

Я знаю, мне могут сказать, теперь рабов уже нет, и все эти наставления уже потеряли свое значение. То правда, что формально рабов уже нет, и все же наставления Ап. Павла не потеряли своего значения. Значение их состоит в том, что они и теперь говорят нам о том, в чем состояла жизненная духовная энергия древних христиан, или, как говорят теперь, в чем состоял их пафос. Вопрос о свободе и рабстве, теперь являющийся основным вопросом жизни, для древних христиан имел второстепенное значение. Основным вопросом их жизни было то, как наилучше послужить в своей жизни Богу, чтобы быть Ему угодными. Поэтому и Апостол не имел в виду производить оценку рабства или свободы с общественной или политической точки зрения. У него была иная, более существенная цель: научить и раба, и свободного, во всяком его положении, быть верным служителем Божиим. Поэтому Ап. Павел и говорит в одном месте: ”Каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ; рабомъ ли ты призванъ, не смущайся; но если и можешь сдѣлаться свободнымъ, то лучшимъ воспользуйся. Ибо рабъ, призванный въ Господѣ, есть свободный Господа; равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ. Вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами чловѣковъ” (I Кор., VII, 20-23). Таким образом, над внешней, формальной свободой, не делающей человека свободным от греха, апостол ставит свободу внутреннюю, истинную, состоящую в преодолении греха и верности Богу, и эту последнюю только и считает достойной целью христианина, а эти слова Апостола никогда, ни в какие времена, не утратят своего значения.

Итак, по христианскому учению, в основе семьи лежит религиозная идея. Она составляет непоколебимый фундамент христианской семьи. Семья представляет собою малую церковь. Муж и жена неразрывно связаны между собой, по образу союза Христа с Церковью, узами взаимного послушания и любви. Дети и слуги дополняют этот союз во Христе, занимая в нем свое определенное место. Каждый выполняет свое служение, соответствующее его природе и его семейному положению, сохраняя свою индивидуальную свободу во Христе и свое христианское достоинство. Таков идеальный образ христианской семьи, как он начертан в Слове Божиим и осуществлен в лучших христианских семействах.

ЧАСОВОЙ

Орган связи

Российского Национального Движения

под редакцией В.В. Орехова.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Годовая подписка: страны Бенелюкса 500 б. фр., США и Канада 20 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

**В. Orekhoff, 26 avenue Everard,
B 1190 Bruxelles (Belgique)**

О ЧТЕНИИ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ БЕЗ СВЯЩЕННИКА.

Когда православные не имеют возможности посещать богослужений, то, ради поддержания их веры, Православная Церковь разрешает *чтение богослужбных книг на дому*, как отдельным лицам, так и группам православных. Такие чтения устраивались издавна в монастырских подворьях, в больницах, школах, на плавающих кораблях и т. д. В последнее время они происходили среди православных и в России, и в эмиграции.

Для подобного чтения надо иметь молитвенники или богослужбные книги, чтение которых может хотя бы несколько заменить церковные богослужения. Такое чтение, кроме поддержания нашей православной веры, имеет также следующие положительные стороны:

- 1) приучает помнить и чтить православные праздники и дни святых;
- 2) знакомит нас с порядком церковных богослужений и с глубоким содержанием богослужбных книг;
- 3) предохраняет нас от опасностей сектантского и инославного влияния;
- 4) помогает родителям и воспитателям воспитывать детей и подростков в духе Православия;
- 5) объединяет рассеянных православных людей на основах нашей веры и любви к Православной Церкви.

1. О ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛУЖЕНИИ

Ежедневное церковное богослужение состоит из ряда служб, охватывающих все сутки. Так как церков-

ные сутки начинаются с вечера, то суточный круг богослужений состоит из: 1) *Вечерни*, 2) *Малого Повечерия*, 3) *Полунощницы*, 4) *Утрени*, 5) *1-го часа*, 6) *3-го и 6-го часов*, 7) *Литургии* и 8) *9-го часа*.

Православные миряне могут читать или петь следующие службы: *Вечерню*, *Утреню*, *Повечерие (малое и великое)*, *Полунощницу*, *часы 1-й, 3, 6 и 9-й, и, вместо Литургии, так наз. "изобразительные" (обедницу)*.

Кроме того, разрешается читать *каноны* и *акафисты*, или отдельно, или во время некоторых богослужений.

Канон называется собрание песнопений в честь Спасителя или Божией Матери, или святых и праздников, состоящее из 9-ти частей или песен. Каждый канон посвящен одной теме — святым или праздникам.

Акафистом называется хвалебная песнь из 12 частей, посвященная прославлению или Спасителя, или Божией Матери, или Святого, или какого-нибудь события (праздника). Акафист может читаться или петься, или частично читаться с припевами хора.

II. КАК ЧИТАЮТСЯ БОГОСЛУЖЕБНЫЕ КНИГИ МИРЯНАМИ

Чтение богослужебных книг должно производиться с соблюдением следующих правил:

1) Все службы начинаются с возгласа: "Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас".

2) Пропускаются все молитвы и возгласы священника, а также все ектении.

3) Вместо ектений читаются "Господи помилуй", а именно: вместо ектений великой, сугубой и просительной оно читается 3 раза, а вместо малых ектений —

один раз.

4) Евангелие не читается.

ПРИМЕЧАНИЕ: Чтение Евангелия должно производиться каждым православным самостоятельно по церковному расписанию, помещаемому в календарях и в синодальных изданиях Нового Завета.

5) Все остальные песнопения, псалмы и молитвы, читаются и поются, как и при служении священника.

6) Изобразительные, ввиду их отсутствия в молитвенниках и часословах, могут читаться как указано в Прилож. III.

III. О ПОРЯДКЕ ЧТЕНИЙ В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ

Так как миряне не могут вести богослужения среди недели, то мы даем указания только для праздничных чтений. В будни можно ограничиться чтением утренних и вечерних молитв, а при желании их можно соединить с малым повечерием и полунощницей. (См. Правило молитвенное).

В праздничные дни необходимо посвятить Богу больше времени и отметить праздник соответствующими чтениями и песнопениями. Накануне вечером можно прочесть *Вечерню, Утреню и час 1-ый* (вместо Всенощного Бдения), а утром — *Полунощницу, часы 3 и 6-й* (не обязательно) и "изобразительные". Вечером в праздник желательно прочесть малое *Повечерие* с приличествующим празднику каноном или акафистом.

Порядок и содержание чтений зависит от наличия свободного времени и от имеющихся богослужебных книг. Ниже приводим более подробные указания для 3-х видов праздников: 1. Воскресных дней. 2. Дванадцатых и прочих Господских и Богородичных праздников. 3. Дней в честь святых (напр., Святого, чье

имя мы носим или особенно чтим).

1) В воскресные дни

В субботу вечером читается *Вечерня* (по Часослову) с включением стихир и трапарей по гласу (из Октоиха); гласы указаны в календаре. Утром (или с вечера) читается *Утренняя* и *1-й час*; на Утрени желательно прочитать воскресный канон соответствующего гласа. Если же его нет, то его можно заменить каноном Иисусу Сладчайшему (в Молитвенном Правиле). Стихиры на хвалитех, тропари и богородичные — воскресные по гласу.

Если Часослова нет, то можно в субботу прочитать *Малое Повечерие* с каноном и акафистом Иисусу Сладчайшему.

В воскресенье утром следует читать: Полунощницу *воскресную* с утренними молитвами и "изобразительные" (обедницу). Для тех, у кого нет Часослова, порядок их дан в Приложении № 1.

Наконец, в воскресенье вечером желательно прочитать Малое Повечерие с каноном Божией Матери (или одной из ее чудотворных икон, напр., Тихвинской или смотря какая имеется). Два канона Божией Матери имеются в Молитвенном Правиле и в более полных молитвословах.

2) В дни праздников Господских и Богородичных,

в том числе во все двенадцатые праздники полагается читать особые богослужения из Минеи Праздничной (Великий Сборник, ч. II): *Вечерня* и *Утренняя* по чину Всенощного Бдения читается по Часослову, а стихиры, тропари и пр. по Минеи Праздничной. Канон на Утрени — Спасителя или Божией Матери, смотря по празднику.

Если Минеи праздничной нет, то можно прочитать *Вечерню* (или же *Малое Повечерие*) с канонам или соответствующим акафистом, стихиры же взять из *Общей Минеи*, пользуясь "Службой Общей" — для Господских или Богородичных праздников.

Утром: Часы 3 и 6-й и изобразительные с чтением в надлежащих местах тропарей и кондаков праздника.

Вечером: *Мал. Повечерие* с канонам покаянным Иисусу Христу или молебным канонам Пресв. Богородице (см. Молитв. Правило).

3) В дни памяти святых,

если имеется ему служба в Минеи Праздничной, то читаются, как обычно, *Вечерня*, *Утренняя* и час 1-й, а стихиры, тропари и пр. из Минеи. Если же службы этому святому нет, то читают по Минеи общей, беря стихиры и пр. из службы общей для празднуемого святого, т. е. Святителю, или преподобному и т. д. На полиелее или же в конце службы поется величание Святому или Святой (см. Приложение 2). Везде в положенных местах вставляется имя празднуемого святого.

Если нет ни Часослова, ни Минеи, то читается *Малое Повечерие*, желательно с канонам или акафистом святому. Рекомендуются, если в книгах нет службы святому, имя которого мы носим, переписать в какой-либо церкви канон и акафист ему, чтобы читать их в день своего Ангела или в др. праздники.

Утром читаются полунощница, часы и изобразительные, с тропарями, и кондаками святому и дня недели.

Вечером читается канон Святому, а если его нет, то канон субботний и Всем Святым.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Последование "ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ" (обедницы)

Начало: Псалом 102 "Благослови, душе моя, Господа..." (См. Вел. Сб. Ч. I или "Молитвы и песноп.").

Слава... Псалом 145 (там же)

И ныне... Единородный Сыне... Аминь.

Блаженны. Слава... И ныне...

Верую (Символ Веры) и молитва: Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша, вольная и невольная, яже в слове и в деле, яже в ведении и неведении, яже во дни и в ночи, яже во уме и помышлении: вся нам прости, яко Благ и Человеколюбец.

Отче Наш.

Кондак дня седмицы или праздника.

Слава... и ныне... и молитва: Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Отцу непреложное, не презри грешных моления гласы: но предвари, яко Благая на помощь нас, верно зовущих Тя: Ускори на молитву и потщися на умоление, предстательствующи присно, Богородице, чтущих Тя.

Великим Постом вместо этой молитвы кончаем так:

Господи помилуй 40 раз. Слава... и ныне... Честнейшую херувим...

И молитва: "Господи, Владыко живота моего..." с 16 поклонами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Величания различным святым

АПОСТОЛАМ: Величаем Тя (вас) Святей Апостоле Христов (имя) и чтим болезни и труды Твоя (ваши), имиже трудился (трудилися) еси во благо-

вести Христове.

СВЯТИТЕЛЮ: Величаем Тя, Святителю отче (имя) и чтим святую память Твою, Ты бо молиши за нас Христа Бога нашего.

ПРЕПОДОБНОМУ: Ублажаем Тя (вас), преподобный отче наш (имя) и чтим святую память Твою (вашу), наставниче монахов и собеседниче ангелов.

МУЧЕНИКАМ: Величаем Тя (вас), святой (-ая, -ии) (велико) мучениче (имя) (или: велико/мученице; -ци), и чтим честныя страдания Твоя (ваша), яже за Христа претерпел (-ла, -ли) еси (есте).

Величания двенадесятых и великих праздников — в Минеи Праздничной.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

В каких изданиях имеется текст богослужений?

1. **ВЕЛИКИЙ СБОРНИК** - (Часть первая). Содержит: *Часослов* (часы, *Вечерня, Утреня, Вел. и Малое Повечерия*) *Воскресный Октоих* (воскресные песнопения 8-и гласов), *Общую Минею* (песнопения общие святым).

588 стр. 28 долл.¹

2. **ВЕЛИКИЙ СБОРНИК** (Часть вторая — книга первая). Содержит: *Минею Праздничную* (праздничные службы за месяцы: с сентября по февраль).

524 стр., 26 долл.

3. **ВЕЛИКИЙ СБОРНИК** — (Часть вторая — книга вторая). Содержит: *Минею Праздничную* (праздничные службы за месяцы: март по август).

346 стр., 24 долл.

4. **ВЕЛИКИЙ СБОРНИК** (Часть третья книга первая). Содержит: *Триодь Постную*

(службы всей первой недели Великого Поста, службы воскресных и праздничных дней периода Постной Триоди, и службы Страстной Седмицы).
608 стр., 30 долл.¹

5. **ВЕЛИКИЙ СБОРНИК** (Часть третья — книга вторая). Содержит: *Триодь Цветную* (службы Пасхальной Седмицы, службы всех воскресных и праздничных дней периода Цветной Триоди, и службу Всем Святым в земле Российской просиявшим).

375 стр., 26 долл.¹

6. **ЧАСОСЛОВ**. Содержит: Последование суточных богослужений; тропари и кондаки святым и праздникам.

Разные издания.²

7. **МОЛИТВОСЛОВ**. Содержит: молитвы — утренние, в продолжение дня, вечерние; молитвы — перед и после Св. Причащения; акафисты.

Разные издания.²

8. **ТРОИЦКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ** (выпускается ежегодно). Содержит: общие данные о праздниках, постах, гласах, днях светых, Апостол. и Евангельских чтениях и уставе воскресных служб.²

1. Издательство: Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y. 13361.

2. Можно заказать в книжном магазине Свято Троицкого Монастыря, Jordanville, N. Y. 13361.

Там же можно заказать каталог всех имеющихся в магазине книг.

Живя в стране, где свобода печати настолько реальна, что можно печатать даже вещи, идущие в разрез с господствующим мнением, мы печатаем статью, полученную из Советского Союза с подписью о. Дмитрия Дудко. Мы понимаем, что статья эта весьма многогранна. Если за правду и смелость некоторых высказанных мыслей автор заслуживает низкий поклон, то наряду с ними есть и то, что можно назвать и казуистикой. Да, священнику хорошо не заниматься политикой, но не все в борьбе со злом — политика. Война — грех, но преп. Сергей благословил Русь на освободительную битву. Есть разница между злом и злодеем. Если второй для христианина хоть и падаший, но брат, которого должно и жалеть, и прощать, то первое — зло — всегда есть зло и ни о каком примирении с ним не может быть и речи.

Статья написана слезами и кровью. Как таковую ее следует читать и перечитывать. От повторных чтений приходит уразумение и проникновение в суть тех сложностей, противоречий и бесчисленных сетей, среди которых мы все теперь живем.

В каждой борьбе, в том числе и духовной, бывают победители — мы перед ними преклоняемся, предатели — мы от них отворачиваемся, и раненые — мы их жалеем и молимся о их полном выздоровлении.

Печатается с некоторыми сокращениями ввиду крайней неразборчивости рукописи и имеющихся в ней пропусков.

Редакция

Дм. Дроздов
(Свящ. Дми. Дудко)

РУСЬ СВЯТАЯ

(Заметки к начинающим критикам)

Критиковать Россию легко и просто, тем более, что у нас такая обнаженная история: бери и нацеливайся, и сразу попадешь, куда надо. Но понять ее гораздо труднее, и тут одного ума, особенно когда со стороны смотришь, хотя ты и живешь в этой стране, недостаточно.

В самом деле — ну какой это царь Иван Грозный, убивший даже собственного сына, или хотя-бы Петр I-ый, которого, впрочем, есть за что и похвалить, ведь тоже не пощадил своего сына?

Особенно, если пойдешь дальше, то вот цепочка и потянется: понятно отчего все это происходит?

Так начиналось, так продолжалось и так кончается, другого и быть не может.

(Неразборчиво).

Понять Россию трудно. Помимо того, что надо в ней жить, надо еще болеть ее болями, всматриваться в нее любящим оком. Это не то, что критиковать.

Ну, взять хотя бы Грозного или Петра I-го, или особенно последних, казалось бы просто — палачи, о них и говорить только это нужно.

Но почему палач Грозный кается, почему играет в монаха — ведь это о чем-то говорит? Не говорит ли это о русской сущности, которая так далека от поверхности, что надо долго копать, чтобы ее достичь. Или почему Петр, забывая обо всем, бросается в ледяную воду и спасает погибающего? Или почему последний

палач вдруг стал заигрывать с Церковью? Неужели все случайно?

Не будем повторять может быть уже надоевшие слова: в Россию надо верить, но все-таки зададим себе вопрос: отчего, лишившиеся России, так о ней тоскуют, заболевают ностальгией и все лучшее вне России им немило, они идеализируют даже ее пороки, видят их в розовом свете, и забывают о своих палачах? Отчего, приезжая в Россию, даже иностранцы, так не хотят отсюда уезжать? Что их притягивает, что тянет? Хаос российский, палачи, пролитая кровь?

Я не буду распространяться дальше, на этом и остановлюсь. Я хотел бы, чтобы тот, у кого чешутся руки замахнуться на Россию, сначала бы ее полюбил. А ведь не полюбив, мы и критиковать ее не можем. Легко видеть, что на поверхности, трудно взглянуть вглубь. Мы все знаем, что есть двойное течение и внутреннее течение гораздо сильнее, но как-то об этом не думаем. Мы знаем, что есть не только железная логика, не только упрямые факты — они-то очень о малом говорят! — есть подсознательная жизнь, есть сердце, для которого логика не нужна и излишня, есть интуиция, предчувствия: ну мало ли чего есть, человек не такое простое существо, как нам кажется, он очень сложен и в своей простоте ни только умом его не понять.

Ну вот опять пришли к тому, чтобы верить, но и не об этом говорю. Прежде чем критиковать, надо полюбить, тогда, пожалуй, можно и критиковать, и критика эта уже будет болью.

(В рукописи пропущены две страницы)

Русь святая — таинственная страна, она вмещается в русской святости, может быть в культуре, вмещается в душе человеческой. О России можно сказать, что она богоносная, и поскольку она богоносная ей выпадает

миссия мирная. Россия должна положить новое начало, русские должны сказать новое слово миру...

Но вот дойдя до этого места, наверно от многих послышится: СТОП!

Это, мол, оголтелый русский шовинизм, который, конечно, не сейчас только начался, а давно. Давно уже повторяют: Русь — третий Рим, а четвертому не бывать.

Иногда по иностранным радиостанциям можно услышать: православный русский шовинизм еще страшнее, чем просто такой шовинизм. Вообще религиозный фанатизм более страшный, чем не религиозный, говорят.

И тут ненависть начинает литься, как воды в половодье. Ненависть, нетерпимость. Еще можно о советской России говорить, как-то даже сговориться. Но чтобы говорить о православной России — это мало кто может вынести. И что же, тут снова приходится поставить точку? И пусть говорят. Даже не просто русские, а иностранцы, хотя таковых еще мало, но уже есть, которые не живя на территории России, любят Россию и говорят о Руси святой.

А мне хочется сказать вот что.

Поскольку Россию не могут терпеть, то ненависть не показатель ли того, что Россия в самом деле Русь святая?

Так и о Христе говорили с зубовным скрежетом и даже до сего дня говорят, а Он святее всякого святого, Христос-Господь и Бог наш. Грешный мир не может любить то, что не вмещается в территорию его грешного сердца. Христос говорит: горе вам, когда о вас будут говорить все хорошо. И хорошо, когда ненавидят и гонят вас и всячески несправедливо злословят Меня ради.

Но ради ли Христа злословят Россию и русских?

Посмотрите, что эта хваленая Россия и эти хваленые русские принесли всему миру?

И тут хочется сказать: вы готовы все проклясть и растерзать, а ведь вас еще не коснулось то, что коснулось России.

Скажите, пожалуйста, с какой страной это произошло, что с Россией, кто с таким глумлением и озлоблением возведен на крест?

Да и откуда все это произошло, что сейчас в России?

Пожалуй, этим вопросом и нужно закончить эти заметки. Если не могут полюбить и понять возводимого на крест, то тут приличествует больше молчание.

4.

Однако и сквозь молчание хочется что-то сказать.

На кресте со Христом было два разбойника: один по левую, другой по правую сторону. По левую Его хулил, по правую благословлял.

Так и в России сейчас: все на кресте, но кто-то благословляет, а кто-то и проклинает. И вот новое слово России: отныне двое в доме, и делятся. Такое деление сейчас во всем мире. — Ты принимаешь Россию и русских? — о как этот вопрос больно режет по сердцу, кривится лицо. Ну, что скажете? — действительно нужно иметь большое сердце и большое сознание, чтоб о России и русских сказать благожелательно.

Скоро, наверно, будет так: если о России можешь сказать хорошо, то ты по настоящему веришь в Бога, веришь в Христа.

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...

Земля родная — Россия многострадальная, Русь святая, будь же ты благословенна от ныне и до века. Границы России сольются с границами Царства Небесного, она не вмещается в этот мир, потому-то ее так и разгромили, осквернили, распяли.

Воскресни, Господи, суди земли, яко Ты царствуешь во веки.

Ни в одной стране так не празднуют Пасху, как в России. Во многих странах празднуют Рождество Христово, а в России — Пасху, воскресение из мертвых. Да, это единственное торжество в России — воскреснуть из мертвых, ибо, если не будет воскресения, то Россия несчастнее всех стран. Россия и русские. Да и христианин, надеющийся на Христа только в этом мире, несчастнее всех человек, — говорит Апостол. Вот оттого-то Россия — Русь святая, вот оттого-то русский человек — всечеловек, а не человек только по крови. Вот и в этом и есть новое слово России — оно не новое, только пережито Россией, повторено ею, выстрадано ею по новому. Не только уста говорят, говорит сердце от всей своей полноты. Аминь.

5.

И на этом еще не конец. Говоря о святой Руси и совсем игнорируя Русь грешную, ту, которая вмещается в территориальные границы, можно оказаться и праздномечтателем. И поэтому посмотрим на Русь предреволюционную и послереволюционную. Теперь многие вздыхают о допетровской Руси, но ведь, находясь в этом мире, мы так жить не могли, видя окружения, и Петр нужен был России. И Господь попустил нам Петра.

Трехсотлетнее царствование дома Романовых

создало Русь могучую, великую Русь. Россия была житницей Европы, а сейчас мы хлеб себе везем отовсюду. Много теперь появилось монархистов, несмотря ни на окрики, ни на иронию. Для России сейчас очень нужна монархия, монархическое правление, демократическое не для нас.

И однако, существует советская власть — и ни монархия, и ни демократия. И ни с места. Сколько было мятежей, восстаний, сколько протестов, вот за последнее время стали прибегать к помощи Запада, хотя бы гласностью нам помочь, но ничего не получается, значит — советская власть и все ее последствия не случайны для нас.

Да, старая Русь тянулась к Богу, но была ли идеалом для нее святая Русь? Вероятно, не совсем. И вот потому и послереволюционная Русь, для которой святая ненавистна. Чем поправить дело? Много погибло людей и в восстаниях, не говоря уже о войнах, и в провокациях, провоцируют у нас часто на истребление, а ничто не поправляется. Да и поправиться не может. Ну вот, представьте себе — переворот. Что, все сразу и станет прекрасным? К старым недостаткам прибавятся новые и только. Нас Бог призвал строить святую Русь в тех условиях, в которых мы находимся. Строить не только на радость нас самих, а на радость всего мира. Россия теперь закваска всего мира, как поднимется тесто? Естественно, и средства должны быть другими. Вот какими же?

6.

Вцепиться в горло, дать по морде, расквасить в юшку — все было. Были восстания, сражались героически, но все подавили, расстреляли, а жизнь не изменилась — стоит советская власть!

Была стихия, вдруг возникли бунты, даже дети

протестовали. Никого не пощадили. Посыпались, как незрелые плоды с дерева от сильного ветра и града. Замыли следы и снова, как ни в чем не бывало...

Вы думаете, никто не переживал, очень переживали, даже те, о ком вы не думаете.

Вот хотя бы возьмите стукачей, доносчиков, а может быть и предателей, вы думаете у них так и отсутствует сердце? Плачут в ночной тишине, не находят покоя, а на утро за прежнее дело. С ненавистью!.. О, как они ненавидят своих господ вы даже представить не можете! А помогают им, исполняют не только их приказ, а даже незначительную просьбу. На все ваши увещевания они плюют и злобно говорят: а как же быть, мне жить хочется, не только тебе. Они неудачники в жизни, не способные на подвиги, а жить все-таки хочется. Что прикажете? Разглагольствовать о смерти, самоотверженно умирать, а за что? В Бога и в загробную жизнь они не верят, все вырвали... Так неужели так, ни с того, ни с сего, и умирать? Бывает, что кончают с собой, но о них никто и не вздохнет, может быть даже скажут, как некогда: собаке собачья смерть.

А жизнь идет своим чередом.

Была война, вдруг понадеялись на немцев, создали Русскую армию. Говорят, власовцы сражались лучше немцев, немцы их мужеству удивлялись. А что получилось? Очередной обман. Приехали по зову, а их пересажали, погноили в лагерях, а те, кто оставались — тех нещадно выдавали — с демократическим настроем еще бывает беспощаднее.

Русская нация убывает...

Кому от этого холодно или жарко? Вон все говорят о русском шовинизме, когда русские еле дышат. Надеяться на Запад, просить их помощи? Ну, поговорят о нас по радио, пощечочат самолюбие, какие герои! А эти герои, отбухав немало лет в лагерях, потом, не

устраиваясь, скитаются да начинают пить. Много таких героев валяется на мостовой, их обходят, ими гнушаются...

Все стало обходить нас, самые лучшие методы оказываются провокационными. Так бывает. Все испытано и ни от чего нет пользы. Советская власть как стояла, так и стоит. И есть все то, что было. Правда, кое-что и изменяется, но не совсем. Вот безбожная доктрина нас, кажется, доконает? Не то, что на Руси одни безбожники. На Руси даже безбожники веруют, а доктрина, как гильотина, поднята над нами, на кого она опустит свой нож?

Говорят иногда так: по одиночке уже всё все понимают, готовы делать иначе, а сойдутся вместе — всё по-прежнему. Наверно, боятся друг друга? Нет, кажется и не боятся, а что-то все-таки пугает и трудно решиться.

И всё по-прежнему, как было, так и есть.

Многие вздыхают о прежней России, а она стала несбыточной мечтой. Нужно приспособливаться к Советскому Союзу и жить, если хочешь жить. Умирать никому не хочется. Впрочем, это только так говорится, а умирают самым бесшабашным образом. Так бездумно, как умирают русские, никто не умирает. Значит, нечего о чем-то задумываться, живи, как живется?

А все-таки русский не может успокоиться, все продолжает мечтать и бороться... ну вроде размахивать руками — вы смеетесь? И размахивает руками и думает, что он всечеловек, когда его и за человека не считают, и улыбается, грезя о святой Руси?

Вы всё смеетесь?

Да, пожалуй, пора нам отрезвиться.

Всё испытано, проверено и ни на что не годится. Пора нам друг в друге узнавать брата. Ты брат мой, раз живешь на этой земле. Кто бы ты ни был, запоем: Христос Воскресе и обнимемся. Ты брат мой, потому

что вместе страдаем, а в страданиях братство — самое крепкое.

Как, с кем побрататься? С безбожником, чекистом, с тем, кто опозорил твою сестру или дочь, с тем, кто расстрелял твоего отца, сгноил брата и сына, — с ним побрататься? Это может высказать только о. Дмитрий, потому его и нарядили, как чучело и выставили на осмеяние. И теперь его обходят стороной. Все к нему относятся плохо, и неверующие, и верующие. А то, что он служит, лучше бы не служил. С чекистами задумал брататься. Нет, мало его гноили по тюрьмам и лагерям, ему руку нельзя подавать.

И слушать его не надо.

Любите враги ваши, это не о чекистах сказано. Любить чекиста — любить духа злобы поднебесной. Ненависть на ненависть, что дает? Клин клином вышибает? Как Христос смерть смертью победил?

(Неразборчиво)

Но кому это понятно? О чем это я заговорил? А заговорил я о том, что нам нужно искать языка между собою, самим договориться, а время сделает и другое.

Как отзывчива стала русская душа к христианским истинам, на русской земле теперь основное поле деятельности, но вот вопрос: многие пытаются уехать отсюда, зачем? Трудно жить, хотят лучшего, устроиться лучше на земле? А устроиться, наверно, не придется, все приходит к концу во всем мире, даже там, где все приблизительно благополучно. Вот оттуда прибежать сюда, массовое переселение чтоб было...

Для чего?

А может быть, для того, чтоб посидеть в лагерях и кое-что понять. Можете вы представить, чтоб оттуда массовый приезд сюда?

На крестные муки, пострадать со Христом, узнать, захлебываясь кровью, что такое святая Русь. Может

это быть?

Нет, не можете, тогда о чем же говорить, зачем критиковать со стороны Россию, русских, делать схемы, не зная жизни.

Мир, слушай, есть святая Русь и она скажет новое слово и этим будет спасен мир. А если этого не будет, мир погиб.

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Христос благословил святую Русь, об этом и речь и ни о чем-либо другом.

А нам что делать? — вопрос остается вопросом. Каждый решает по-своему, осуждать никто не имеет права. Стоит или падает? — каждый перед Богом.

7.

В будущем возрождении России есть две опасности и если сейчас их не учесть и не исправить, то может быть тогда будет поздно — не святая Русь будет перед нами, а Россия, не могущая забыть своих обид, с помраченными глазами злобой, жаждущая только мести, и это вполне в природе России, как просто в человеческой, много обид накопилось. Так и в том, что она была и языческой — жажда человеческой крови, человеческих жертв. Жертвоприношение — это жертва богам, которые уже тысяча лет постом и молитвой изгоняются из нашей природы.

Опасность эта как человеческая, так и религиозная. Вслушайтесь, как в минуты откровенности воинственно настроенные люди говорят: ну, когда мы получим власть, мы вам покажем.

В лагере я слышал один человек и так выражался: мы не будем давать по 10-25 лет. Не больше двух лет...

Ну уж за эти годы ты всё вспомнишь. И проклянешь день, когда тебя мать родила на свет.

Страшнее нет самосуда. Будут убивать, кто посильней. Кто может — отомстит. А не может — так все равно будет сжигать злоба.

— Папа, — говорил мальчик отцу, управляющему лагерей, — эти злые люди убьют нас?

Отец молчал.

Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный, — говорил Пушкин, провидец. Как избежать этого?

Только христианским всепрощением. Забыть обиды, и пожалеть, полюбить своего врага.

Но возможно ли это?

Да, к сожалению, нам христианам стоит ставить и такой вопрос. Это я испытал на себе. Такой страшной ненависти, пожалуй, я и от неверующих не знал. Те просто говорили: ну что ж, человеческая слабость. Когда я заикнулся сказать, что чекисты-безбожники со мной разговаривают благожелательнее, — этим я никого не хотел упрекнуть, только выразить факт, так на меня еще с большей яростью обрушились: он нас считает хуже чекистов.

— Я с тобой не хочу разговаривать, — говорил один.

— Ему руку нельзя подавать, — кричал другой.

— Он духовный труп, — и уже ничего не хотели видеть, как я страдаю, что делаю. Более того, старались распространить такие слухи, которые подтверждали бы их мнения и порочили меня.

— Пушкин хотел прославиться тем, что милость к падшим призывал, — пытался что-то сказать я.

— Кто без греха, — еще старался открыть я рот.

— То блудница, а ты священник.

— Значит, можно побить камнями?

Конечно, на все это нужно сказать: прости им, Господи, не ведают, что творят.

Но это же верующие, неужели они не знают, что надо простить врагам, немощи другого человека положить на свои плечи?

Впоследствии некоторые одумались, а некоторые и до сих пор ожесточены.

Одно отобьешь, другое придумают.

Вот такая опасность нам грозит, как этого избежать?

8.

Как этого избежать?

Конечно, ничего другого не остается, кроме Христианства. И нужно христианизировать Россию. Теперь все средства должны быть брошены на то, как бы понести свет христианства, но как это сделать?

Трудно заранее писать указания.

Все, кто имеет христианскую веру, должен активно действовать: если кого-то научишь молитвам, дашь соответствующую литературу — это уже сделал много. Особенно священники должны быть деятельны.

Но вот тут сразу столкнемся.

Появилось много сект и более активных, чем православные люди. Для них Россия, да, наверно, и святая Русь, православная, мало что значат. И они составляют большую армию, вот что тут делать? Миссионерские беседы? — но об этом и мечтать нельзя, да и дают ли они что. Основное — мы должны быть на высоте. Они сами по себе отпадут, эти секты, если мы будем настоящими православными христианами.

Это и говорю не без основания. Появилось уже несколько молодых людей, которые от баптизма переходят в православие. Правда, не все эти люди сами по себе православны, тут есть опасность, как бы они не

создали новую секту на православной почве. Но все-таки... Как важно тут дорожить православной традицией, главный удар должен быть здесь. Русская православная традиция! Она особая, особое и богословие русское. Тут нам есть чем и погордиться даже. Всякий деятель должен выходить с намерением не таким, что я вот, мол, просвещу этих темных, а с состраданием к людям, их грехи взять на свои плечи и научиться даже чему-то от них. Становиться в позу праведника, а все остальные грешники и, мол, слушайте меня — это только раздражает и ожесточает. Люди измучены жизнью, все нуждаются в утешении. МИЛОСЕРДИЕ! — так крупными буквами и нужно записать себе. Конечно, не от наших сил зависит возрождение святой Руси, но не без нашего участия будет. Сам Бог да устроит всё. Ему слава во веки веков. Аминь.

9.

А можете вы представить, как следует, что такое святая Русь?

Помните сказание о граде Китеже — вода светлая, светлая и колокола там звонят, заливаются. А кругом ночь, страшная, темная, но от этого еще лучше звонят колокола.

Обезглавили наши церкви, снимали колокола, всю испоганили Русь. Пьянство, разврат, всё кругом в колючей проволоке, с вышками, собаками. Шаг вправо, шаг влево — стреляю без предупреждения... А Россия живет. Так вот ляжешь усталый, измученный и приснится она. Проснешься, прислушаешься, а колокола звонят. Русь стоит.

А от чего стоит Русь?

Да от того, что в ней много мучеников. От Царя и до простого крестьянина — все мученики. Разве мучения ничего не значат? Вы протестуете, что Зарубежная

Церковь канонизовала их прежде времени? Да они уже давно канонизованы, она опоздала уже.

Звонят колокола, молятся святые и мы просвещаемся. Грешники, ни на что негодные, но еще говорим и другим: слушайте нас!

Нет, не неистового крика, не брани, слушайте то, что не слышно. В тайне почивает Русь, — сказал же Блок, не ахти какой христианин. Вот — в Россию надо верить, — сказал верующий поэт.

Да святится Имя Твое, да придет Царствие Твое!..

Да будет на земле святая Русь!

Она тревожит, будоражит, но она и смиряет, о многом говорит, отрывая от житейских привязанностей и дрызг.

10.

А какое же новое слово должна сказать Россия?

Раз есть святая Русь, то она должна сказать и новое слово?

Вот какое новое слово будет? — и сразу удивленно воскликнешь: неужели да?

Это новое слово должно выразиться не на бумаге, оно уже сейчас есть... Ну, вот хотя бы: всё на земле непрочное, прах и тлен. Не придумывайте, что только мы, русские, не умеем жить на земле. Это показывают уже все те мировые катаклизмы, которые мы переживаем. Новое слово и то, что только святость, стояние за Христа нас спасет.

И еще новое слово в том, что кроме христианства ничто другое нас спасти не может, пусть не увлекаются народы "ветром всяких направлений".

Ну, и еще будет новое слово, нужно прислушиваться. Имеющий слух да слышит.

Раз есть святая Русь, на какое-то время затормозится мировая катастрофа. И если это поймут, а не

будут от ненависти скрежетать зубами — значит в самом деле ради избранных Господь отведет дни мировой гибели.

1982

НАША СТРАНА

Еженедельная газета

Основана в 1948 г. И. Солоневичем

Орган русской монархической мысли

Цена номера газеты воздушной почтой:

Австралия — 0.80 австр. долл.,

Германия — 1.80 нем. марок,

Италия — 900 лир,

США — 0.80 ам. долл.,

Франция — 4.40 фр.,

Парагвай — 100 гварани,

Чили — 30 пэсо.

Остальные страны — 0.80 америк. долл.

Чеки посылать по адресу:

Monroe 4219, Dep. 10
1430 Buenos Aires, Argentina

Вячеслав Завалишин

АНДРЕЙ РУБЛЕВ И ВСЕЛЕНСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Английская критика называет 1984 год годом Андрея Тарковского. Его признают крупнейшим представителем русского киноискусства. Это в глазах иностранных критиков тем более ценно, что Тарковский принадлежит к интеллектуальному направлению в искусстве кино.

Против этого трудно что либо возразить. Андрей Арсеньевич Тарковский — любимый мой кинорежиссер. Поставленный им фильм "Иваново детство" я смотрел дважды, "Солярис" — трижды, "Сталкер" — два раза, "Зеркало" и "Ностальгия" — по одному разу. Я не профессиональный кинокритик, но вполне согласен с высокой оценкой названных мною картин знаменитого кинорежиссера.

К большому сожалению, не могу этого сказать о фильме "Андрей Рублев". Смотрел я этот фильм два раза и пришел к неутешительному выводу, что это великая неудача большого режиссера.

Я не оспариваю тех, которые радуются тому, что в "Андрее Рублеве" нет глумления над верой и Церковью. Больше того, в картине есть даже откровенный вызов советской атеистической пропаганде. Если бы Андрей Тарковский назвал свой фильм — "Иконописец", ни прямо, ни косвенно не сделал Рублева главным героем своей постановки, все, возможно, было бы в порядке. Но вся беда в том, что этот фильм

принципиально антиисторичен. Мы до обидного мало знаем о жизни Рублева, но знаем достаточно, чтоб установить антиисторичность образа великого мастера религиозной живописи в этом фильме.

Почему? Когда я был еще студентом, я был в числе тех, кто сопровождал Александра Ивановича Анисимова, самого выдающегося из знатоков византийской и древнерусской живописи XX века, когда он вел экскурсию в две церкви Новгорода на Волхове. Это храм Федора Стратилата на Ручье и храм Спаса на улице Ильине. Обе церкви, как известно, были расписаны Феофаном Греком, учителем Андрея Рублева.

Давая детальные объяснения, профессор Анисимов (в ежовщину он был арестован и погиб), убедительно доказал всем нам, что Феофан Грек из эллина превратился в славянина, в то время, как Андрей Рублев из славянина стал эллином.

Такая точка зрения нуждается в пояснениях. Прибыв в древний Новгород, где ему была предоставлена творческая независимость, Феофан Грек стал искать в физическом облике новгородцев черты православной духовности. Именно эллин Феофан Грек обрел всечеловечность в характерно русском, в характерно национальном.

Андрей Рублев, ученик Феофана Грека, пошел иным путем, чем учитель: он как бы стер все различия между славянским и эллинским. Рублев душой и сердцем вошел во всечеловеческое в византийской иконописи.

Примерно так истолковывал нам, студентам, эти свои соображения проф. Анисимов. В постановке же Андрея Тарковского мы не видим ни славянина в Феофане Греке, ни эллина в Андрее Рублеве.

В этом и состоит самый существенный порок всей постановки Андея Тарковского. Тот, кто назван в фильме Андреем Рублевым, безусловно самородок, выдвинутый древнерусским искусством. Но это изограф, так сказать, от сохи, вышедший из низов и многого достигший.

Из какой среды вышел исторический Андрей Рублев, мы точно не знаем. Рублев — фамилия купеческая, но нигде нет и намек на то, что эта фамилия имела хоть какое-то отношение к иконописцу Андрею Рублеву. Были даже предположения, что это не фамилия, а прозвище. Есть поговорка "Взглянет — рублем одарит". Так и Рублев: напишет святой образ — рублем одарит. Но все это только гипотезы. Точных сведений о происхождении Рублева у нас нет и вряд-ли они станут когда либо известны.

Но, как ни скудны наши сведения об Андрее Рублеве, мы абсолютно точно знаем, что он был для своей эпохи философски образованным человеком и великим религиозным мыслителем. Вот почему мне, как искреннему почитателю Тарковского, неприятно признать, что зритель не увидел в главном герое ни высокообразованного человека, ни религиозного мыслителя. Андрей Тарковский наградил своего героя глубоким религиозным чувством, спору нет. Но мыслителя-то, да еще остро оригинального, мы на экране так и не увидели. Откуда можно заключить, что Андрей Рублев был высокообразованным человеком в России XV столетия?

В Советском Союзе в 1981 году в издательстве "Искусство" вышла замечательная книга "Троица Андрея Рублева". Это антология высказываний самых авторитетных специалистов. В ней упомянуто и мое имя.

Академик Виктор Никитич Лазарев так писал об

Андрее Рублеве:

”В рублевской ”Троице” хотели усматривать отголоски готического итальянского искусства. Ее сближали с произведениями Дуччо и Симоне Мартини, полагая, что грация рублевских ангелов навеяна образами сиенских живописцев. Такая точка зрения на икону русского мастера была довольно широко распространена как в нашей отечественной, так и в зарубежной литературе. В свете новейших исследований можно определенно утверждать, что Рублев не знал памятников итальянского искусства, а, следовательно, и ничего не смог из них позаимствовать. Его главным источником была византийская живопись...”

Такую точку зрения акад. Лазарев развивал еще тогда, когда я был в Советском Союзе и учился в Ленинградском университете. Я был на его докладе в ленинградском лектории, где В. Н. Лазарев высказывался о Рублеве в том же духе. Ему задавали много вопросов, оспаривая это его положение. Ученого спрашивали, как он может утверждать, был ли Рублев за пределами Руси его эпохи или не был, когда нет никаких материалов о его биографии.

Мыслимо ли, чтоб этот высоко образованный мастер никогда Руси не покидал?

Просвещая собравшихся, акад. Лазарев провел параллель между Рублевым и Пушкиным и сослался на знаменитую речь Федора Достоевского на собрании Общества любителей российской словесности (в связи с открытием памятника Пушкину). Как сейчас помню, ответы акад. Лазарева на вопросы помогли мне глубже, отчетливее, серьезнее понять, кто такой Рублев как мастер и что он дал русскому и мировому искусству. В самом деле, Пушкин из России никуда не выезжал, хоть и пытался выехать. Мы это знаем точно. Но перечитайте ”Маленькие трагедии” Пушкина, перечитайте

”Сцены из рыцарских времен” — и вы убедитесь, что самобытное в Пушкине было возвеличено высокой европейской культурой. Независимо от того, покидал Андрей Рублев или не покидал Русь начала XV века (а Лазарева, помнится, спрашивали: а может быть, Рублев все же посетил Афон или Крит?), он, как и Пушкин, был крупным философом и религиозным мыслителем своего времени. Это видно хотя бы из его подхода к ”Троице Ветхозаветной”. Когда Феофан Грек писал ”Троицу” на хорах Спасова храма на Ильинской улице, то он изображал Бога Отца в виде среднего Ангела, с большими крыльями, одесную от Него изображен Бог Сын, а ошую Бог Дух Святой. Рублев от такого подхода к Троице отказался. Он представил не явление Троицы, в виде ангелов, Аврааму и Саре под дубом Мамврийским, а воплотил в линиях и красках три Лица Святой Троицы — религиозную мысль о единстве и неразрывности трех ипостасей Св. Троицы. Иными словами, Андрей Рублев совместил воедино ветхозаветное и новозаветное в изображении Св. Троицы.

Исходя из традиционных, предшествовавших ему изображений Троицы ветхозаветной, Андрей Рублев так скомпоновал свою Троицу, что традиционное естественно и свободно соединились с некоторыми чертами ”Этимасии” или ”Престола Уготованного”*. Это, как мы знаем из истории, символическое изображение Троицы, которое сравнительно редко встречается и в

*Древнейшие образа ”Новозаветной Троицы” называются ”Этимасией”, что в переводе означает ”Престол Уготованный”. А. И. Анисимов находил, что исходя из ”Троицы Ветхозаветной” Андрей Рублев сообщил созданному им бессмертному образу ”Святой Троицы” некоторые черты, свойственные ”Этимасии”. Проблема эта сложная, требующая дополнительных исследований и богословских дискуссий.

византийской, и в древнерусской иконописи. Хотя "Этимасию" мы встречаем еще на мозаике VII века на своде церкви Успения Богородицы в Никее. (Как жаль, что эта церковь была разрушена в 1922 году во время беспорядков).

Именно благодаря этой особенности, таких Троиц до Рублева еще не встречалось. Многочисленные изводы, т. е. вольные копии появились позднее, но это именно изводы Рублевской Троицы.

Академик Лазарев был совершенно прав, когда находил, что самая суть творчества Андрея Рублева состоит во вселенском предназначении русской национальной идеи. Прекрасно, что в ленинградском лектории, поучая нас, акад. Лазарев провел аналогию между самым главным в духовности Андрея Рублева и знаменитой Пушкинской речью Достоевского. Опыт Андрея Рублева, так же, как и опыт Пушкина и самого Достоевского, учит нас тому, что национальное не должно быть провинциальным, что национализм или, правильнее, патриотизм не есть изоляционизм, не есть обособленность России от культур других народов.

В Послании апостола Иоанна сказано: "Совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение". Для нас Андрей Рублев и его творчество это символ совершенной Любви, преодолевающей страх. Вспомним, что Троица появилась после памятной для всех русских битвы на поле Куликовом, когда Русь вздохнула, наконец, с облегчением, полной свободной грудью.

Пусть и после небывалой русской победы на поле Куликовом татарские набеги на Русь еще какое-то время не прекращались, но это была уже последняя агония, последние конвульсии татарского владычества. И вот тут-то переживаешь еще одно разочарование, просматривая неудачный фильм Тарковского об Андрее

Рублеве. Развернутый фон, т.е. панорама Руси пятнадцатого века показана режиссером чрезмерно грозовой, слишком уж мрачной и хмурой. Вот вздоха облегчения после победы на поле Куликовом зритель в этом фильме и не ощущает.

Жаль также, что Андрей Тарковский, мастер конструктивистской выдумки, сделал банальный фильм именно в конструктивистском плане. Мы знаем, что если сюжет "Троицы" — результат переосмысления и преобразования Андреем Рублевым византийских предтеч, то цвета и краски для своих икон, в частности для "Троицы", великий иконописец взял у русской природы, в которой есть и лирическая нежность и усталая грусть. В этом смысле необыкновенно интересны наблюдения крупного художника Павла Николаевича Филонова над композицией Ветхозаветной Троицы. По мнению Филонова, "Троица" была написана Андреем Рублевым для каменного собора, который строился в Троице-Сергиевой Лавре в 1422-24 годах, при игумене Никоне Радонежском, последователе преподобного Сергия Радонежского. Рублев, как полагая Филонов, задумал образ Троицы, стоя на крыле строящегося или уже построенного собора. Тут-то Андрею Рублеву и раскрылось таинство преобразования квадрата в круг, что является большим достоинством образа рублевской Троицы. Если квадрат или прямоугольник вращать, то движение превращает квадрат в круг. Вероятнее всего, как думал Филонов, Андрей Рублев стоял на крыле собора при ветре, когда юг и север, запад и восток стали как бы кружиться.

"Троица" внешне статична, в ней трудно обнаружить какое-то внешнее движение. Филонов однако думал, что гениальность Рублева в том и состоит, что великий иконописец заколдовал ветер, заставил его остановиться, замереть на естественном бегу. Сходные

метаморфозы геометрических форм Филонов находил и у византийских мастеров, и у мастеров итальянского Возрождения, в частности, у Микель Анджело. Я тоже в свое время стоял на крыле Троицкого каменного собора, для которого Рублев написал образ Троицы. Осыпаящаяся позолота осенних листьев, синева ручья, еще кое-где сохранившаяся зелень трав — все это русское, и эта русскость в природе и была уловлена и запечатлена Андреем Рублевым в его чудесных неповторимых красках.

Интересно, что краски древнерусских иконописцев поэтичны уже по их названиям. Так, есть два *златоцвета* — вешний для золотистого воздуха (иногда его называют златоцветом златокрылатым), *излатоцвет* осенний для желтизны листвы и трав. *Голубень и просинец* — для изображения вод, *травень* пресветлый и *гравень* затемненный — для изображения зелени.

Фильм же Андрея Тарковского черно-белый, лиш в самом конце, и то как-то бегло и невыразительно показаны работы Рублева и его школы в цвете.

А ведь именно в цветописи, в большей мере, чем в чем-либо другом, сказалось русское нутро Рублева. А вот этого-то в постановке Тарковского и нет. Фильм "Андрей Рублев", повторяю, великая неудача большого кинорежиссера. Образ Андрея Рублева в этом фильме антиисторичен.

Письмо из России — реакция на полученное, чудом дошедшее туда, письмо с иконочкой Новомучеников Российских. Оригинал иконы написан отцом Киприаном для их прославления.

Редакция

28 апреля 1982 г.

Дорогая...

Ваше пасхальное поздравление превзошло всякие ожидания — фотография иконы "Всех святых...", в буквальном смысле слова потрясла и обрадовала наши души! Именно такой иконы нет в моем иконостасе, а теперь будет хотя бы её фотокопия. Все мои друзья поражаются прекрасным исполнением иконописного письма, композиционным решением, в духе традиционно сложившимся на Руси страдальческим видением жертвы Христовой. Сейчас иконы "Всех святых" пишут у нас по заданному шаблону, с приглушенным колоритом, бесцветно. Присланная Вами фотокопия иконы сразу же заставляет душу увидеть в ней святого мученика, Христова агнца, побуждает скорбно склонить голову перед теми, в чьих предсмертных устах застыло Иисусово: Прости им, Господи, ибо не ведают что творят! В этих святых словах выражено все: и христианское смирение, и кротость, и чувство собственного достоинства, и христианская любовь к тем, кто сознательно или бессознательно утратил в себе образ Божий, сделался "аки рыкающий зверь". Сильно впечатляет фотография Св. Троицкого Монастыря* (Главный Троицкий собор). Здесь восторгаешься всем:

*Свято-Троицкий Монастырь в Джорданвил, в штате Нью Йорк.

линией, пропорцией, цветом, оформлением. Здесь видишь, что созидала эту красоту не человеческая рука, а сама бессмертная душа! У нас, на Руси, в последнее время храмы подкрашивают как-будто набегу, второпях. Все потому, что в настоящее время здание церкви должно служить как можно большему денежному доходу, а не поражать жаждущую душу духовной красотой. Отсюда однотипные практичные массовые застройки жилых массивов, отсюда практичная побелка и покраска церковных зданий, а внутренняя реставрация также чаще всего носит халтурный характер. Это не значит, что у нас нет мастеров любящих свое дело, просто у нас слишком жесткие для них условия работы. У нас сложилось такое положение вещей, при котором все хотят жить, всем нужны деньги и время, а ни того, ни другого нет. В предыдущем письме я писал, что в праздничные дни попасть в церковь стало сложно. Требуется и ловкость, и изворотливость. С каждым годом стали все больше и больше мобилизовать учеников старших классов и внештатных работников милиции на дежурство в церкви в праздничные дни. Эти мобилизованные создают пробки у входа в храм, верующие не могут войти в двери, у которых плотной стеной толпится молодежь. Две трети помещения церкви также заполняется праздно шатающимися молодцами, а верующих милиционеры не пускают в церковь под тем предлогом, что помещение переполнено. Ну, и многое другое. Многие верующие ропщут и дрогнут на улице в тщетной попытке попасть в церковь хотя бы к концу службы. Я же, наоборот, радуюсь и говорю таким верующим: "Где же ваше христианское смирение?" Я за то, чтобы как можно больше мобилизовали в церковь безбожной молодежи. Ведь эта молодежь идет не в кинотеатр с безбожными фильмами, не на танцплощадку с циничными телодвиже-

ниями, не в пивной бар, где папиросный дым и мат. Эта молодежь идет в церковь, где красота, где духовная любовь, где единение в радости духовной. А придя в церковь, хочет он того, или не хочет, он вынесет из нее крупицу этой красоты, крупицу этой духовной любви, крупицу радости. А вынеся эту крупицу, он увидит все омерзение мира сего, всю его несправедливость и развратность. Ради этого, согласитесь, стоит мерзнуть во дворе, стоит потолпиться у дверей входа в церковь, стоит воскликнуть: "Товарищи безбожники! Мобилизуйте как можно больше молодежи в церковь в христианские праздники! Пусть радость этих праздников войдет в ваши молодые души и озарит их благодатным светом Христовой любви!". Честно признаюсь, правда, лично мне, все-таки хотелось бы быть в праздник в церкви, а не стоять на улице. Поэтому то и поехал я в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру за четыре часа до начала пасхальной службы, то есть в 20 часов. Служба кончилась в четыре часа утра, а первая электричка до нашего города идет только в шесть часов утра. Но мое девятичасовое терпение было вознаграждено пышностью богослужения, праздничностью настроения и... как хорошо, что в мире так много Христовой любви, так много красоты и доброты, так много людей!

Вы дополнили эту радость прекрасным пасхальным поздравлением и я, моя семья, мои друзья желаем Вам еще более обильной радости, долголетия, спасительной благодати и любви Иисусовой!

ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦЕ! СПАСИ ДУШУ ЭТОЙ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ! ЕЕ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ, ДРУЗЬЯМ И ПАСТЫРЯМ СТАДА ХРИСТОВА ПОШЛИ СВОЮ СПАСИТЕЛЬНУЮ БЛАГОДАТЬ, ЛЮБОВЬ И МИР! Аминь.

С земным поклоном...

Комитет спасения Игоря Огурцова
Komitee zur Rettung Igor Ogurtzovs

Committee for rescue of Igor Ogurtsov
Comité pour le salut d' Igor Ogourtzov

Victoria Semenova
Gumbinnenstrasse 8
8000 Munich 81
West Germany
Telefon (089) 93 42 29

ОБРАЩЕНИЕ К РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ОТ КОМИТЕТА СПАСЕНИЯ ИГОРЯ ОГУРЦОВА

16-го ноября 83 г. состоялся телефонный разговор между Игорем Вячеславовичем Огурцовым, находящимся в ссылке КОМИ АССР, Поселок Микунь, и членом нашего комитета В. Г. Семеновой. Из этого разговора, отрывки из которого мы приводим ниже, совершенно ясно, что пытка, начавшаяся 17 лет тому назад для Игоря Огурцова, все еще продолжается! Состояние его здоровья как было, так и остается КАТАСТРОФИЧЕСКИМ. На совести всех нас лежит судьба ИГОРЯ ОГУРЦОВА. Не проходит дня, чтобы правительства, парламенты, научные и культурные объединения и отдельные влиятельные лица не выступали в защиту репрессированных и преследуемых в СССР правозащитников: академика А.Д. Сахарова, А. Щаранского, И. Бегуна и многих других.

**РУССКИЕ ПАТРИОТЫ, ВОЗВЫСЬТЕ ВАШ ГОЛОС
ЗА ХРИСТИАНСКОГО ДЕМОКРАТА
ИГОРЯ ОГУРЦОВА!**

ПУСТЬ НИКТО ИЗ ВАС НЕ ОСТАНЕТСЯ В СТОРОНЕ. КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПОМОЧЬ: письмами и открытками ему и его семье, письмами с подписями на

имя вашего сенатора, конгрессмена, президента, главам правительств в странах в которых вы живете, в международных организации.. ПРОСИТЕ, ТРЕБУЙТЕ ИХ ОБРАЩЕНИЙ К СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ В ЗАЩИТУ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО, СВЕТОГО ЧЕЛОВЕКА, РУССКОГО ПАТРИОТА-МУЧЕНИКА ИГОРЯ ОГУРЦОВА! ОБРАЩАЙТЕСЬ К ХРИСТИАНСКИМ ЦЕРКВАМ, СОБИРАЙТЕ ПОДПИСИ В ВАШИХ ПРИХОДАХ.

ПОДНИМЕМ КОМПАНИЮ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
ИГОРЯ ВЯЧЕСЛАВОВИЧА ОГУРЦОВА!

КОМИТЕТ СПАСЕНИЯ ИГОРЯ ОГУРЦОВА
Архиепископ Женевский и Западноевропейский Антоний
Архиепископ Сиднейский и Австралийский Павел
Е.А. Вагин, В.Г. Семенова, Ю.А. Колюжная

Адрес И.В. Огурцова: КОМИ АССР,
Усть-Вымский район, поселок МИКУНЬ 169060,
Огурцову В. И. (До востребования)

Адрес его родителей: СССР, 198035 г. Ленинград,
Улица Двинская 11, кв. 28
Евгения Михайловна Деревенскова

Просим также оказать и материальную поддержку в
ФОНД ИГОРЯ ОГУРЦОВА:

Kommittee zur Rettung Igor Ogurcovs
Bayerische Hypotheken-und Wechsel-Bank AG
ZWGST. M-Hohenzollernpl. Konto Nr. 18 90 145 759

Чеки можна также посылать на адрес Комитета:
Kommittee zur Rettung Igor Ogurcove
Victoria Semenova, Gumbinnen str. 8
8000 Munchen 81, BRD

С обязательным указанием на чеке:

Фонд Игоря Огурцова.

20 Ноября, 1983
Мюнхен

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР СОСТОЯВШИЙСЯ ПО
ИНИЦИАТИВЕ И.В. ОГУРЦОВА 16-го НОЯБРЯ,
1983-го года.

ИО: Говорит Игорь Огурцов. Я очень рад сегодняшней счастливой возможности передать привет всем друзьям в Германии. Каждое слово, которое исходило от вас и с которым я мог познакомиться, глубоко трогало меня. Мне хотелось бы многое сказать Вам, но к сожалению, телефонный разговор этого не позволяет. Но вместе с тем, и главным образом, я хотел также поблагодарить Вас и всех друзей за их усилия, которые хотя и не принесли пока ощутимых результатов, но видимо, это не вина друзей, а причина в том, что они обладают ограниченными возможностями.

ВС: А мы благодарим Вас. Любим Вас, думаем о Вас, помним Вас и молимся о Вас..

ИО: Испанцы говорят, что больше делает тот кто хочет, чем тот кто может.

ВС: Дай Бог, чтобы это было так. Но может наступят времена, когда мы сможем сделать больше того, что до сих пор, мы на это очень надеемся.

ИО: Вы наверное в курсе дела, что в восьмидесятых, в восемьдесят первых годах я был на полшага от то-

го, чтобы увидеться со всеми друзьями? Вы ничего не могли бы мне сказать, как Вам представляется, в ЧЕМ ПРИЧИНА такого изменения решения в этом отношении?

ВС: Мне очень трудно Вам об этом говорить.. Обстановка и обстоятельства, которые здесь сложились трудно осознать..

ИО: Это очень обидно, потому что у меня уже не раз были такие ситуации и кончались они вот таким образом. У меня такое впечатление, что НЕДРУЖЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ, НЕ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ, НО И ТАМ, К РОССИЙСКИМ ПАТРИОТАМ?

ВС: ЭТО ВЫ ПРАВЫ! ЭТО ВЫ ПРАВЫ! Это, к сожалению так. Ваше ощущение совершенно верное..

ИО: Как это странно...

ВС: Да, это очень странно..

ИО: Это даже ЧУДОВИЩНО!

ВС: Именно чудовищно! Но, к сожалению, к русским патриотам здесь такое отношение. К нам русским христианским демократам, такими мы себя считаем и такими мы чувствуем.. отношение недоброжелательное.. Игорь Вячеславович, к сожалению, в мире все более и более действуют и побеждают левые силы..

ИО: Вообще-то сегодня деление на левое и правое очень устарело, это относительно..

ВС: Да, это все правда, но, тем не менее, борьба у нас здесь очень большая. Но есть еще силы и в свободном мире и в русской эмиграции.. и мы делаем все от нас зависящее, все то, на что считаем себя

запрограммированными от Бога.. Вот так.
СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАК ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ?

ИО: Должен Вам сказать, что.. ТО КАК ВАМ ИЗВЕСТНО, ТАК ОНО, ПРИМЕРНО И ЕСТЬ..

ВС: Это очень печально..

ИО: Да, это очень печально, но другой возможности у меня нет.

ВС: Нам бы очень хотелось Вам чем-нибудь помочь.. медикаментами.. чтобы поправить Ваше здоровье..

ИО: К сожалению, это капля в море..

ВС: Да, я понимаю, это все не то..

ИО: Не то. Понимаете, ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ЭТО ОЧЕНЬ МНОГО, ЭТО ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ, ЦЕЛАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА.. ОСОБЕННО ДЛЯ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА..

ВС: Ваша судьба — это и наша скорбь.. Игорь Вячеславович, скажите, какие у Вас желания есть, чем мы могли бы Вам, в пределах дозволенного, помочь?

ИО: Пожалуй, что ничем, КРОМЕ ТОГО, ЧТО ТАК ТЯЖЕЛО ПОДДАЕТСЯ. Но будем надеяться.. Ну, что ж, я еще раз передаю мой сердечный привет всем искренним друзьям и надеюсь, что придет день когда мы увидимся.

ВС: Дай Господи, дай Господи!

ИО: Храни Вас Господь

ВС: И Вас также. Я все передам нашим общим друзьям

ИО: Благодарю. До свиданья.

ВОСПОМИНАНИЯ*

Наши поездки в Дугино и обратно нам казались целым событием. Правда, ехало множество народа, так что стоило взглянуть на громоздкие дормезы, с пристройкой сзади вроде коляски с фореитором впереди, а на широких козлах ящик и повар Дмитрий, наш баловник. Чтобы влезть в дормез откидывалась складная лестница в 6 ступеней. Вероятно высота экипажа рассчитывалась для тех случаев, когда он вязнул в грязи. Мы очень любили играть в большом каретном сарае и прятаться в допотопных экипажах, в которых наши родители и деды ездили по всей России. Смешно вспомнить, что когда, бывало, шел дождь, запрягался дормез, чтобы нас довезти до церкви, буквально 5 минут ходьбы. Нам жилось так, что едва ли оставалось место желанию. В наши именины приглашали крестьянских детей наших лет и устраивались скачки.

Продолжение. — Начало см. "Р. В." № 22.

Возобновляя печатание воспоминаний покойной графини Марии Николаевны Толстой, мы рады, что можем представить читателям возможность соприкоснуться с обликом человека, личная жизнь которого растворилась в семье и церкви. Образ жизни, в котором интересы общие ставились над личными, был широко распространен в те давно прошедшие времена и был характерен для большинства людей всех сословий.

Мы любовно сохраняем все особенности стиля автора воспоминаний, написанных живым разговорным языком того времени.

Редакция

Призы были: мальчикам — ситцу на рубашки, девочкам — бусы, серьги. Затем начиналось угощение для всей собравшейся толпы крестьян. Мы с балкона бросали охапки пряников разных сортов, бубликов, конфет, которые привозились ящиками из уездного города Сычевки. Они их подхватывали и делалась давка, и это прекратили по просьбе старшины. Это были еще остатки крепостных времен, которое, впрочем, никогда не тяготело над именем Паниных. Еще при Ник. Ив. три дня в неделю давалось крестьянам на их работы, и они добром вспоминали крепостное право (только нашего лесничего, немца Вас. Вас. Маркграфа, некоторые вспоминали как жестокого в наказании). Во время угощения появлялись из соседней деревни за 3-4 версты группы ряженных крестьян, песенников и во главе их на картонной лошадке с короной, обклеенной золотой бумагой, их регент — старик Григорий. Он делал вид, что давит горячей лошадью толпу к их неудержимому хохоту и веселию. Они пели солдатские песни, и их угощали водкой. Праздник кончился иллюминацией главной аллеи и фейерверком над рекой, что было чрезвычайно красиво.

Все было прекрасно: собственный садик, качели, гигантские шаги, избушка для нас, детей, поездки за ягодами и грибами (вероятно, я была слабым ребенком, т. к. всегда с боязнью думала, как они утомительны и не смела никому сказать). Но еще лучше мне казалось ездить к бабушке Паниной в ее миленький домик подмосковный. Как мы любили Васильевское, где все казалось особенно уютно, кончая нашими кроватками с кисейными занавесками от комаров. Как весело мы играли с маленьким дворовым Кирюшей и двумя большими собаками на лугу перед домом, и как жаль было уезжать от бабушки, которая нас постоянно баловала деревенскими лакомствами и часто прини-

мала участие в наших играх. Я очень ее любила до того рокового времени, когда она задумала давать мне уроки. Она была очень горячая, я терялась от страха и ничего не понимала, книги и тетради летели по комнате. Раз она привязала меня к стулу, в виде наказания, что мне казалось очень позорным, но не прояснило мои мысли. Я начала учиться читать и писать 5-ти лет, когда мы жили в Феодосии летом. Я занималась с большой любовью с милейшей институткой Эк. Еф. Остромыслен.

Особенных событий в раннем детстве не помню. Из Феодосии мы поехали в Ниццу, где провели зиму. Из Генуи до Ниццы мы ехали еще в дилижансе. Первое событие была кончина бабушки, когда мне было 7 лет, и я в первый раз увидела смерть. Она умерла от воспаления легких, проболев недолго. Мы все были потрясены переменой в ней, когда моя мать привела нас к умирающей. Она как будто нас узнала, но уже не говорила. Ее отпевали в нашей домово́й церкви, при множестве молящихся. Не знаю отчего, после этого, кажется, у нас детей почти на всю жизнь остался панический страх перед покойниками. Моя мать стала болеть после кончины горячо любимой матери и поехала со всеми нами лечиться в Дрезден на всю зиму. Мы часто играли там в публичном саду и раз, играя в прятки, потеряли маленькую 5-тилетнюю тетю Соню. В слезах наша дорогая Мими и мы искали ее, и наконец, со страхом вернулись в гостиницу. Тем временем Соня, не видя нас, одна побежала в гостиницу, где мы раньше жили и сказала швейцару, что нас потеряла и просит ее домой послать. Он нанял извозчика, она указала куда ехать и благополучно вернулась домой. В Дрездене я в первый раз говела — тогда еще в домово́й церкви. Вскоре после нашего возвращения в Москву родилась сестра Вера. Я очень любила ее нянчить и Мими часто

поручала мне убаюкивать ее и возиться с ней.

Еще при жизни бабушки старший брат Саша тяжело заболел брюшным тифом, к которому добавился менингит. Родители денно и ночью, по очереди, не отходили от него. Лечили его лучшие московские врачи. Один домашний врач поселился у нас, а также и монахиня — сестра милосердия. Когда начался менингит, доктора объявили, что надежды спасти его нет. Это было под Крещение. Моя мать сообщила о том преосвященному Леониду, который часто у нас бывал. Он приехал в Крещенский Сочельник, отслужил заздравный молебен в нашей церкви и пошел окропить Сашу Св. Водой. Он лежал без памяти и недвижим. Как только Владыка его окропил, он вскопчил с криком. С той поры он стал, к изумлению докторов, поправляться, хотя очень медленно. Когда он смог встать, нас позвали к нему обедать. Он еще с трудом передвигался с палочкой, совсем маленький старичок. Вероятно, вследствие этой болезни у него несколько лет спустя стали появляться припадки падучей болезни. Несмотря на это, он прекрасно учился, кончил одним из первых Московский лицей и с медалью — университет, но всю жизнь был слабый и со многими оригинальностями. Мы часто смеялись над ним, не отдавая себе тогда отчета, какой он чудной был души — честный, прямой, детски чистый и глубоко, по-детски верующий. Он умер за 60 лет, пережив революцию и, когда мы встретились незадолго до его смерти, в нем так живы были все заветы наших дорогих родителей, все, в чем мы выросли, что он был для меня, того не подозревая, укором, т. е. увы, я во многом отошла от их прямого пути. Революция застала его и тетю Мару, его жену, в Дугине. Их арестовали и посадили в тюрьму в Сычевках, куда им наши бывшие служащие приносили постоянно еду, хотя они там и просидели несколько

месяцев. Дядю Сашу отправили на суд в Смоленск, обвиняя его в том, что он среди крестьян распространял свои монархические взгляды. Крестьяне были вызваны в качестве обвинителей. Ему поставили вопрос правда ли, что он был монархистом. "И был, и есть, и до смерти буду монархистом". Крестьян спросили правда ли, что он вам говорил о своих убеждениях. "Он и вообще с нами не говорил". Он был молчалив и в разговоры не пускался, кроме как с близкими. На этом кончился суд. Он умер внезапно, от флебита, читая свои утренние молитвы, с молитвенником в руке.

1877-78 годы мы провели осень в Канне и тут в нас развился патриотизм, и горячая любовь к Родине точно проснулась вдали от нея. Какая была радость переехать на нашу границу. Маленький дядя Петя, удав первого носильщика, закричал: "Ты русский или француз" и на ответ "русский", бросился его обнимать. Мы возвращались незадолго до объявления войны с турками. Тут, я думаю, было невозможно не воспламениться любовью к Родине. И какое участие все принимали в славянах! У нас часто бывал генерал Черняев, о котором родители говорили, что он герой, и мы так радовались видеть настоящего героя, а он так смущенно сидел на кончике стула и так застенчиво молчал. Войска проезжали через Москву, никогда еще не виданные нами гвардейские полки, и мы сходили с ума от восторга при виде этих красивых мундиров и при мысли, что все это герои. Самое большое удовольствие было ездить с дорогим Евг. Евг. Бачинским (воспитатель братьев) в лагерь на Ходынское поле и наделять там солдат крестиками и табаком. А вечером, после обеда, в гостиной, раскладывалась карта и шли бесконечные разговоры над ней между моим отцом и Евг. Евг. о движении наших войск. Какой восторг вызывали переход через Дунай, подвиги моряков. Имена Дуба-

сова и Шестакова особенно прогремели по всей России. Их портреты были всюду и даже в кондитерских на коробках конфет. Скобелев был всеобщий герой. Как мы мечтали только увидеть его (впоследствии эта мечта осуществилась и на выходе во Дворце мы имели эту радость). Переход через Балканы, взятие Кавказских крепостей, приближение наших войск к Константинополю, каждая победа, а их было много, — как все переживалось!

Это лето в Москве за нами не было такого постоянного присмотра. В детской Мими была занята трехлетней Верой и новорожденной Наташей, гувернантки у нас часто сменялись. Невольно останавлиюсь вспоминая тех, которые столько любви нам дали с самого нашего рождения. Наша няня мисс Смит, или Мими, как мы ее звали, была при нас еще до рождения сестры моей Лильки и скончалась, когда Наташе было 5 лет, следовательно вынянчила шестерых. Я никого в детстве так не любила, как ее, и добрее существа не знала. Она была протестантка и аккуратно посещала свою церковь, и она же выучила нас нашим молитвам Отче наш и Богородице, которые мы повторяли с уморительным английским акцентом. С каким благоговением она нас приводила в нашу церковь. Она жила нашей жизнью и всеми нашими интересами. Уже мы вышли из детской, а что могло быть уютнее, чем нам собираться у нея вечером после обеда. Она редко нас наказывала, хотя мы были своевольны, т. е. Лилька и я. Младшие ей доставляли меньше забот. Как она нянчилась с нами денно и ночью, когда кто заболел, и сколько ласки мы видели от нее. Мы были для нее точно родные дети. У нея была помощница Прасковка, которая мало нам оставила впечатлений, хотя много лет у нас прожила.

Из раннего детства приведу один памятный случай.

Когда Соне было несколько месяцев, однажды Мими ее пеленала, положив, как всегда, для этого на высокий пеленальный столик и на минуту отошла. Маленькая Соня быстро дотянулась к краю стола и упала. Мими подняла ее с полу без сознания и бросилась было к моей матери, говоря: "Я скажу княгине, что я убила ее ребенка". К счастью ее удержала Сонины кормилица, уговаривая подождать, может быть дитя не умерло. Она все рассказала моей матери. Слава Богу, никаких последствий не было. Моя мать считала это чудом, по молитве Св. Мученика Уара, в день памяти которого родилась Соня 19-го октября. Он покровитель младенцев и в Кремле была часовня его имени, куда стекалось множество матерей со своими младенцами. Моя мать меня научила, когда у меня стали рождаться дети, ему о них молиться и ни у нея ни у нас никто в младенчестве не умер.

Как только моя мать поправилась, приехала новая гувернантка и усердно нами занялась, заставив говорить и учиться по-французски, сидеть чинно и прямо и надевать перчатки. Нас возмущали такие требования, но мы только Мими поведали свое горе и должны были подчиниться и серьезно заняться учением. Впрочем, перемены гувернанток продолжались еще года четыре, пока не приехала из Англии дорогая мисс Хилл, сестра издателя известной газеты "Дэйли Ньюс". Мы все нежно ее полюбили и для меня было большим горем ее кончина семь лет спустя.

Какими были счастливыми наши детство и юность. Помню, как, бывало, весной, глядя на заходящее солнце, казалось захлебываешься от восторга жить, до того все прекрасно. Нам часто напоминали о том, сколько бедных и несчастных на свете, но это оставалось только рассказом.

Мы учились добросовестно и усердно готовили

уроки задаваемые учителями и учительницами, лучшими в Москве, которых отец, как попечитель учебного округа, легко мог выбирать. Арифметика мне долго не давалась, а Лилька, моя сестра, с которой я вместе училась, никогда не помогала, говоря, что это будет нечестно, сама должна знать. Я очень уважала ее честность и прямоту, сознавая, что из-за страха хитрю и напрямик не иду.

Уроки были с 9-ти часов утра до 12-ти, потом завтракали и отправлялись, из года в год, на скучную прогулку по Тверскому бульвару. С 3-ех до 6-ти, т. е. до обеда, уроки и с 8-ми до 9-ти последний час приготовления, а затем веселое чаепитие за самоваром с родителями и братьями, где мы делились своими переживаниями истекшего дня. Какие это были уютные, веселые вечера. Родители столько имели юмора, и моя мать была очень веселая. Гости вечером редко бывали (изредка приходил издатель Русского Архива П. Ив. Бартенев. Бывал друг моего отца Мих. Никиф. Катков). Как вчера, помнится убийство Государя Александра II 1-го марта. Казалось, вся Россия была потрясена этим злодейством и геройской смертью Царя. Какие он переживал мучения, когда по его приказанию его довозили до Зимнего Дворца — "там умереть", как он сказал, и его просьба казаку покрыть ему платком лицо, верно не желая, чтобы видели его страдания. Мы все чувствовали какое это горе.

В ту зиму в гостях у нашей милой Ек. Алекс. Хомяковой, дочери поэта, я упала и порвала сухожилие на ноге. Тогда на это как-то мало обратили внимания, а после я годами хромала и много пришлось ее лечить. Однако мы все поехали в Ялту для морских купаний, что нам доставило огромное удовольствие. Какая красота была Ялта при закате солнца и при громком оркестре цикад, впервые слышанном нами. Мы посели-

лись на Ливадийском шоссе на даче Мейера и прожили там до начала ноября, когда погода резко изменилась. Мы все купались в море, но видно для нашей старшей сестры Кати это купание было очень вредно. У нас не принято было говорить о своем здоровье и она не жаловалась, но стала точно таять с тех пор. Она очень отличалась от нас, трех сорванцов (тети Лили Голицыной, тети Сони и меня). Она была на три года старше меня, но я ее не помню иной, как тихой, молчаливой, серьезной и очень застенчивой. Для нас она была настоящей старшей сестрой, с мнением которой мы очень считались и рассказывали ей свои проделки, и она была нашей заступницей пред начальством. Я часто любовалась ее стройной высокой фигурой и ярко голубыми глазами и точно сиянием золотистых волос. Она прекрасно ездила верхом и еще в Ялте делала с нами большие прогулки верхом. Мы же скакали, сломя голову, не признавая учения в этом деле. Между прочими прогулками мы поехали верхом из Ялты в Бахчисарай и переночевали в ханском дворце, где во дворе был знаменитый Бахчисарайский фонтан, показавшийся мне большим разочарованием: мраморная плита по которой льется по каплям вода, как бы капли слез. О Фонтане думаешь иначе. Верхом мы объездили почти все окрестности.

Катя прекрасно училась и готовилась держать экзамены при университете, и эту, последнюю в своей жизни зиму, усиленно к тому готовилась. Ей, к 18-ти ее годам моя мать отделала комнату в стиле Жакоб, и все было заново обито и переклеено. Такая красивая была комната. Она там жила вроде затворницы, предпочитая одиночество. Мы не замечали в ней перемену, но моя мать не раз призывала лучших профессоров. Только один сказал, что это чахотка и весной моя мать повезла ее, нас троих и мисс Хилл в Вену к знаме-

нито му профессору по легочным болезням. Это было в мае. С этого времени кроткая наша Катя точно от всех, кроме Софи, отошла и никого кроме нея не пускала к себе. Она выходила к нам, пока мы были в Меране несколько недель, во время завтрака, но сидела в глубоком молчании. Только, когда принесешь ей цветов, ее грустное лицо точно просияет.

По пути в Меран поезд долго стоял в Боцене и мы пошли погулять по городу. Все дома были покрыты белыми и желтыми розочками и мы попросили жителей несколько веток для больной и принесли ей целый сноп цветов. Из Мерана нас переслали в ..., где постоянно лил дождь, но место считалось полезным для легочных больных. Туда родители выписали из Ниццы о. Левитского, с которым они были очень дружны, и мы все говели и приобщались. Я не замечала ухудшения в Кате, так как очень редко ее видела. Соня, по ее желанию, почти весь день проводила с ней. Удивительно, что она 15-ти лет не заразилась. Тогда как то не говорили о заразе. Конечно родители видели ухудшение здоровья Кати, и около 15-го июля мы поехали в Мюнхен, к какому-то знаменитому профессору. Он сказал, что ей остается недолго жить и советовал ехать куда ей хочется. Катя давно мечтала об Остенде, где мы были в детстве и все с восторгом вспоминали чудный пляж на океане. Мой отец поехал с ней, с нашей дорогой горничной Варей и французским курьером Ноэль, очень преданным Кате. Моя мать, озабоченная нашим здоровьем, боясь, что и мы заболеем, повезла нас на воды в Швальбах. (Лилька в то время очень неудачно стала голодать, чтобы похудеть, ничего мучного не ела, только мясо и фрукты, неутомимо бегала и достигла желаемого результата, значительно похудела, но испортила навсегда цвет лица от дурного кровообращения. Это тревожило родителей.) Я после узнала

от Вари, что, когда они приехали в Остенде, Катя была в восторге и так оживилась, что стала заботиться о том, чтобы купить себе башмаки, для прогулок по пляжу. На 2-ой день, ложась спать, она вдруг стала жаловаться на сильную боль в боку и покрылась сильным потом. Варя поспешила сменить рубашку и позвать моего отца. Через пол-часа Катя тихо скончалась. Хозяин гостиницы сообщил моему отцу, что тело надо скорее убрать, и так, чтобы никто в гостинице не знал, что она умерла. Ноэль пошел по городу искать приюта ей, но всюду отказ. Наконец в одной семье рыбака Блум ему сказали, что сочтут за честь ее принять. Тогда мой отец ее на руках, как бы сидящую снес и в карете привез к Блумам, где ее положили и выписали из Брюсселя нашего священника, который приехал ее отпевать. Затем мой отец повез тело её в Москву, где её похоронили в Ново-Девичьем монастыре. Моя мать с Лилькой тоже поехали на похороны и там остались до осени, а мы с отцом поехали в Остенде. С нами была наша дорогая мисс Хилл, которая переживала с нами наше первое горе. Мы все нежно любили Катю, которая была идеалом старшей сестры, так нас понимала, несмотря на свою серьезность, и направляла к хорошему. Как часто бывало летом бежим узнать у нее можем ли мы надеяться все поехать верхом (какие были веселые кавалькады!), или Батюшка зазвонит ко Всенощной, и пожалуй Акафист будет читать и тогда мы знали, что непременно надо идти в церковь. Катя всегда знала и даже часто про Акафисты, которых мы боялись. А я, бывало, смотрю в церкви на солнечный закат и стараюсь угадать позволит ли погода завтра поехать верхом. Мы говели во все посты, кроме Петрова поста и Катя нам читала ежедневно по Акафисту, так терпеливо относясь к тому, что мы всё приставали, чтобы сократить чтение. С каким благо-

говением она всегда молилась. Наши однолетки знакомые все хранили память о ней, как о девице не от мира сего, какой она и была. Я не понимала тогда отчего мой отец был такой молчаливый и все старался быть один. Мы скоро, как бывает в молодости, опять стали веселыми и видно ему это было тяжело. В молитве и одиночестве он искал утешения.

Рассказывая о Кате, я пропустила наше знакомство с великим Японским просветителем Преосвященным Николаем. Горячей мечтой моей молодости была надежда встретиться в жизни с великим человеком. О встрече со святым я и не смела мечтать. И вот Господь нам послал эту величайшую радость, в лице Преосвященного Николая видеть и великого человека и святого. Это духовный богатырь. Вижу его пред собою: очень высокого роста, худого, лицом сильно напоминающего японца (это сходство всех поразило), очень подвижного, быстрого в походке и движениях. Его вдохновенное Богослужение незабвенно, торжественно вдохновенное. "Господи Боже наш призри и виждь и посети виноград сей его же насади десница Твоя". Сила этой молитвы обратила в Православие более тысячи японцев. Я в первый раз создала эту молитву, видя и слыша как он говорил ее здесь присутствующему Христу. Бывало, когда он приезжал к моей матери, чаще всего в весенние вечера, только узнаешь, что приехал Преосвященный Николай, мы летели стремглав посидеть с ним, послушать его разговоры с моей матерью (тогда дети не вмешивались в разговоры старших и только отвечали, если к ним обращалась речь). Он много говорил о Японии, о жизни там и мечтал устроить сношения между детьми русскими и японскими, устроить детское миссионерское общество и хотел, чтобы тетя Лилька этим занялась. Кажется из этого ничего не вышло, но у них завязалась переписка,

окончившаяся только с кончиной Владыки. Большой радости не было, как слушать его у нас дома или съездить к нему в Саввинское Подворье, где он гостил у Преосвященного Алексия Лаврова, впоследствии Архиепископа Виленского, которого мы тоже любили, но Преосвященный Николай стоит в моей памяти как великое Светило. Помню однажды его разговор с моей матерью о смерти. Она говорила, что все же смерть ей страшна. Он отвечал: "Как же может она быть страшна? Скидываешь это земное тело, как изношенное платье и стремишься к Богу". Надо было видеть горячую уверенность этих слов. Теперь оба давно прошли врата смерти и у Христа, Которому так верно служили.

Сколько лет прошло, а всё с удивлением вспоминаю то впечатление, которое произвел на нас, беспечных, бурно веселых, этот Божий Слуга. Мы знали от родителей об его миссионерской деятельности в Японии: как он приехал туда молодым монахом (кажется ему было 40 лет, когда он был рукоположен в епископы), конечно еще не зная языка, за который он тотчас же принялся и кажется в два года вполне им овладел. Как он сблизился с японцами и они стали очень охотно принимать Православие. Он с таким увлечением и горячей любовью говорил о японцах и о Японии. В то время, кажется, еще строили Собор и моя мать ему вышила чудесный темно-алый бархатный омофор и орлецы. Тогда был нашим посланником в Японии Струве, которого Преосвященный Николай перевел в Православие и часто нам с любовью рассказывал о его маленьких детях, которые все родились в Японии, им крещены, и из коих его крестница Вера стала моей драгоценной невесткой, а родной сестрой. При ней неразлучно с тех пор икона Божией Матери с Младенцем, его благословение. Кажется больше Преосвященный Николай не приезжал в Россию. Когда началась японская война,

поднимался вопрос, вернется ли он. Но он решил не оставлять свое великое дело в Японии. Себе можно представить, что он переживал в это время, горячо любя и Родину и Японию.

В воспоминаниях о нём Преосвященного Сергия сказано, что Владыка Николай особенно любил псалом "На реках Вавилонских". Для меня это точно дополняет его великий светлый образ. Он же описывает кончину Владыки, что он около двух суток был без сознания, очень тяжело дыша. Эти воспоминания оставили мне впечатление, что Преосвященный Сергей был совсем иной по характеру нежели Преосвященный Николай. Все наши моряки возвращались из Японии и с восторгом его вспоминали. Говорили, что он Петр Великий Японии. Это доказывало невероятную работу проделанную им за годы его миссионерской деятельности.

После кончины Кати, моя мать так боялась, что мы тоже заболеем от непосильного учения (этого бояться было нечего, тетя Лилька и я учились добросовестно, но не более), что наши уроки отошли на дальний план и только было чтение, изучение языков, музыка и вышивание. На зиму поехали все во Флоренцию, где жили вне города на вилле Орор, по дороге в Фьезоле. Мы были очень равнодушны к чудным памятникам старины на фоне прекрасной природы Италии, с ее неподражаемым небом и освещением. Я спешила жить и только интересовалась почти исключительно этим вопросом, извлекая веселие отовсюду. Все сокровища Флоренции были нами посещены и казалось (говорю о себе) напрасно, как говорил наш милый Ноэль: Княгиня старается их развить, а им неинтересно. Да, тогда мне надоедали эти обходы церквей, дворцов, галлерей и окрестностей. А между тем, они точно отпечатались в голове, и навсегда. Особенно ярко

они проснулись, когда я по ночам не спала в чека. Не знаю как понять, но там, где жизнь была обращена в нищету и конечно лишена всякой красоты, как живо вставали в памяти картины неподражаемой красоты.

Дорогие родители ничего не жалели для нашего развития. Я просила учиться скульптуре. Моя мать устроила мне эти уроки. Училась музыке у известного профессора, увы, молодого (какие шутки не проделывала я вместо учения и как веселилась). Учились пению. Как стыдно мне вспомнить, как злоупотребляли мы добротой и доверием моей матери. Ух, как бы мне досталось, если бы она встретила когда-нибудь нашу бешенную скачку по саду с профессором музыки, вместо изучения фортепиано. Такое состояние вечного возбуждения кончилось тем, что однажды, когда я старалась выучиться играть на гитаре, меня нашли лежащую без сознания. Услыша шум падения наша Мими вошла и увидела меня, по ее словам с пеной у рта. Это было явное начало той болезни, которая уже некоторое время незаметно развивалась. Вернее я не понимала, что со мной, но родители меня возили к знаменитостям, в том числе к Шарко. Они не говорили их диагноза, только лекарства давали и сказали, что Шарко прописывал мне "животную жизнь", что заставляло меня на стену лезть от негодования. "Животную жизнь" — когда я кипела жизнью и веселием. Я его лекарства презирала, но для вида не смела не принимать и торжествовала, сознавая, что мне хуже. Оказывается, что он предупредил родителей, что болезнь должна идти своим течением и ее прервать нельзя.

Мы были воспитаны родителями в строгой дисциплине. Возражать им, в голову не приходило, но

иногда окольными путями, (прежде через Катю, потом через мисс Хилл) мы добивались смягчения какого —нибудь решения, бывшего нам не по духу. Я была очень истерична, с необузданными рыданиями (столь же необузданными, как веселость) и моя мать требовала и настаивала, чтобы я держала себя в руках, и как глубоко я ей благодарна за ту, казавшуюся мне тогда несправедливою, жестокость. Я ее очень стала бояться в то время, как моя болезнь ухудшалась. С моим отцом мне было гораздо легче и я его не боялась. В последнюю зиму до Катиной смерти, так как моя больная нога заметно стала сохнуть, моя мать обратилась к какому-то известному Шведскому массажисту и поручила ему массировать не только ногу, но и спину, на боль в которой я часто жаловалась. Он приезжал очень часто и до того массировал, что подушка была мокрая от слез, которых я тщательно скрывала (мы с тетей Лилькой считали позором плакать от боли. Нашим идеалом были спартанцы и Остап в *Тарасе Бульбе*). Я уверена, что он мне на всю жизнь повредил спину, где остались следы навсегда, а хромать я стала так, что мой отец пригласил милого профессора Новац осмотреть ногу, и оказалось он довел до воспаления. Пришлось пиявки ставить и опять долго лежать.

В зиму, проведенную во Флоренции, у нас случилось горе, в котором мало тогда себе отдала отчета. У нашей драгоценной Мими сделался удар и она уже не встала. Она осталась у нас и мы за ней ходили, но я, во всяком случае, как то несознательно: забегу, посижу, когда вздумается. Она не была в полном сознании и мы, по глупости, забавлялись, замечая, что она не то говорит. Когда мы весной уехали, моя мать устроила ее к бывшей своей горничной англичанке, которая с мужем держала очень хороший пансион. Там она летом и

скончалась. Я никого так горячо не любила в детстве как Мими.

В 11-ть лет я перешла из детской в ведение моей матери и как то отошла от Мими. Такой любви к людям и животным, как была у нее, я почти не встречала. А как она была терпелива и добра ко всем нам.

Во Флоренции я не помню других у нас посетителей, кроме о. Владимира Левитского и его семьи, которые довольно часто нас навещали. Когда моя мать поехала на богомолье в Бари, то нас поручила ему.

Весной мы все вернулись в Москву к коронации Императора Александра III. Лилька и я должны были быть представлены ко Двору и мы очень интересовались красивыми платьями, которые моя моть нам заказала во Флоренции для выездов. Придворные шлейфы и большая часть бальных нарядов были заказаны в Москве у хорошо нам известной Mme Louise, когда-то обучавшей кройке и шитью нашу милую горничную Варю. Шлейфы нас приводили в восторг: белый атласный сарафан, а шлейф бледно розовый атлас с гирляндами шиповника вдоль всего. Кокошник белый с жемчугом. Я думаю, и некрасивая стала бы красавицей, к тому же белая фата так к лицу каждой.

К этому времени выяснилось, что недосыпанье очень ухудшало мою болезнь и меня отправили с дорогой мисс Хилл и нашим курьером Ноэль отдельно, с ночевками в городах по пути, чтобы не уставать на ночевках в поездах и пересадках.

Наш дом в Москве был сдан в наймы Австрийскому посольству и мы с моей матерью жили во флигеле, выходящем на Шереметевский переулок, а отец и братья в другой постройке дома, окнами во двор. Маленькие Вера и Наташа гостили у тети Щербатовой, сестры моей матери. Царь и Царица перед торжественным своим въездом в Москву, говели в имении Гр. Ше-

реметева, насколько помню. Тогда было очень напряженное состояние, боялись, что где нибудь готовится подкоп. Говорили, будто из цветочного магазина на углу Моховой готовился подкоп к Храму Христа Спасителя и что в Успенском Соборе тоже нашли что-то подобное. Не знаю, были ли это только слухи. Торжественный въезд состоялся из Петровского дворца по Тверской в Кремль, конечно, с остановкой у Иверской Часовни. Мы смотрели из окон Английского Клуба, где все было видно прекрасно. Царь с маленьким Наследником и всеми Великими Князьями-верхом. Царица, Великия Княжны и Княгини — в золотых каретах. Москва гудела от восторженных криков. У меня впечатление, что до конца празднеств (около недели) этот гул восторга не смолкал. На другой коронации я не была, а этот подъем мне не забыть. Все с благоговением встречали Царя и Царицу, и как то всех соединило общее к ним чувство. Дворянство стало во главе охраны, а другие сословия в нее записывались, между ними Саша и Евгений Евгеньевич. В день коронации Саша стоял на Дворцовой Площади и в карманах его были бутерброды. Он был неприятно удивлен, когда его соседи крестьяне без разговора вынули и развернули бытерброды, а потом впихнули обратно, объяснив, что приняли за бомбометателя. Толпы стояли всюду, где ожидался Высочайший проезд, а в Кремле в день коронации яблоку негде было упасть. Царь и Царица, каждый под отдельным балдахином, которые несли I-ые чины Двора в раззолоченных мундирах. Мой отец был один из несших балдахин Царицы. Она сама была прелестна, а Царь Богатырь точно воплощал в себе могучую Россию. После коронации они со ступеней Краснаго Крыльца в коронах и порфирах кланялись народу. Какой был восторг неописуемый.

По возвращении домой мне вручили приказ Госу-

даря о назначении меня фрейлиной Императрицы Марии Феодоровны и, красовавшийся в красном сафьянном футляре, блестящий алмазный вензаль с приложенной Андреевской лентой на бант. Что это был за безумный восторг! Тогда мне некогда было заметить все великодушие моей дорогой Лильки. Она была старше, а по ошибке предводителя дворянства фрейлиной оказалась я. Как только о том узнал Государь, он велел ей дать шифр при первом случае, что оказалось в именины Царицы 22-го Июля. А тем временем я могла пользоваться фрейлинскими преимуществами, быть причисленной к свите на выходах и пр. В вечер коронации был в Грановитой Палате кортеж, насколько помню, в русских платьях. Весь Императорский дом проходил в Polonaise по парно. Это продолжалось с час, я думаю. Кстати, на другой день был *baise main* или поздравление. Все дамы свиты и городские, имевшие проезд ко Двору — в русских платьях по очереди подходили, приседали Государю, целовали руку Царице, приседали Великим Княгиням и Великим Князьям, стоявшим около Царей, и уходили, давая место другим. Мне казалось очень некрасиво это прохождение гуськом держа шлейф друг другу. Он опускался подходя к Царям, а уходя каждая дама сама его подбирала и несла на руке. Шитые бархатные шлейфы фрейлин были порядочно тяжелы. Они стоили в то время около 1000 рублей. Мне очень повезло. Тетя Панина, узнав о моем фрейлинстве, прислала мне в подарок шлейф ее покойной дочери и я его надела без переделок.

Мимо проходят воспоминания моего первого бала во Дворце на коронации. Правда, мы с Лилькой никого не знаем, но все же мне представляется и танцует со мной настоящий кавалер, а не дитя, настоящий гвардейский офицер-кирасир в красной бальной форме, Панаев-Карцев — только имя осталось в памяти. Я не

ярко все это переживала, как и бал у французского Посланника. Спокойно, без ярких переживаний это прошло. Несколько яснее-спектакль gala. Моя мать пустила Соню с отцом и со мною в ложу. Ей было 15 лет и ростом она была много выше меня, но моя мать приказала ей надеть мое бальное платье (ея первое в жизни), сказав, что в ложе незаметно, что спереди оно немного ниже колен, а сзади со шлейфом. Оно бы сошло, но в антракте это ее не удержало от того, чтобы гулять в фойэ и это было очень оригинально.

Хорошо помню еще два случая. Однажды днем вдруг приехала придворная карета, "чтобы везти княжну дежурить во Дворец". Моя мать говорит, что пошлет меня с гувернанткой. "Нет, велено одну княжну привезти". Как я была горда. Поскорей парикмахера и бальное платье с шифром. По пути во дворец мне становятся во фронт, а я отдаю честь, этим доказывая, что становиться во фронт не кстати. Я дрожала с головы до ног в ожидании "дежурства". Подвезли к небольшому подъезду, где жила обер-гофмейстерина Кн. Кочубей, и провели в гостиную, где нас собралось четыре дежурные фрейлины, Одна, постарше, нам объяснила, что мы будем сопровождать Императрицу. Давался обед для всех чинов Двора. Вышла, наконец, dokonчив свой туалет, Кн. Кочубей, еле поздоровалась с нами (она не отличалась приветливостью) и на вопрос М.Н. Ерм, что мы должны будто сопровождать Императрицу, холодно ответила: вы должны меня сопровождать, больше ничего. Мы все направились в столовую, где уже все ожидали прихода Царей. Нас четырех усадили вместе в конце одного из многих длинных столов. За одним из них, издали, видала моего отца, весело мне кивавшаго. Я так болтала с соседками, что осталась голодна, не привыкшая к тому, как спешно убирали тарелки. Подали кофе, во время которого Царица и Высочайшие Осо-

бы обходили нас. Первая подошла ко мне герц. М.А. Эдинбургская или Кобургская и очень громко по русски спросила два-три вопроса, потом Вел. Кн. Мария Павлова и, наконец, сама Царица. Обе они говорили по французски. Конечно, каждая давала руку, которую целовали приседая. Как прелестна была Царица с ее цветом лица, как заря (те, кто были далеки от Двора уверяли, что она красилась, что, конечно, была клевета; в то время красились почти исключительно дамы так называемого полуобщества), чудными большими темными глазами и такая она была грациозная и чарующе приветлива. Я ошалела от счастья, когда она ко мне подошла, дала руку и со мной заговорила по французски. Не помню, что она у меня спрашивала, возможно, что от радости я не поняла и отвечала наобум.

На народном гулянии, на празднике в Преображенском, на великолепной иллюминации Москвы в течение трех дней я не была, и слышала по рассказам своих. Но помню гул восторга, державшагося в воздухе целыми днями. Последнее, что я видела, это было освящение Храма Христа Спасителя. Мне очень стыдно сознаваться, что я как то мало восприняла это великолепное торжество. (Освящение храма я видела за несколько лет перед тем в домово́й церкви Лицея в память Цесаревича Николая. Тогда нас, детей, поразило великолепие неизвестного для нас Богослужения при пении чудного хора и очень благолепном служении Митрополита Макария Московского). Можно себе представить, какой тут был сонм митрополитов, архиереев и всего духовенства. Мы, фрейлины, стояли все вместе, недалеко от всего Царственного Дома и, конечно, все видели прекрасно. Я была очень счастлива, что в первый (оказалось и последний) раз надела свой прекрасный фрейлинский мундир.

(Продолжение следует)

ПИСЬМА*

24 апреля 1970 г.

Вчера разговаривали два с половиной часа с о. Х. Пришли мы в церковь в 10 ч. к шапочному разбору. Церковь, как и в прошлый раз, была полна, причем было около пятидесяти человек молодежи двадцати пяти лет и ниже, из, примерно, тысячи человек. Началось причастие и продолжалось около часа и десяти минут. Причащали из трех чаш. Учтите, что это был рабочий день. В прошлый раз было около трехсот участников, а в этот раз в два раза больше.

О. Х. очень благообразный крепкий старик. Поражает то, что он понижает или повышает уровень разговора в зависимости от вопросов и культурного уровня собеседника. Надо сказать, что о. Х. прочел нам лекцию о положении Церкви в Советском Союзе. По мнению о. Х., Духовная Академия в Троице-Сергиевой Лавре это просто богословские курсы не очень высокого уровня. Особенно его возмущало то, что академия присваивала почетные докторские степени иерархам всего мира, тогда как уровень ее был настолько низок. В академии по сей день нет ни одного курса по философии, кроме курса марксистской политэкономии. Но патриарх требовал, чтобы академия называлась именно академией, и он был прав. Прав он был потому, что, когда в 1961 г. начались серьезные гонения на Церковь, академию не закрыли именно из-за ее громкого названия и из-за докторских степеней, розданных

*Начало см. "Р. В." № 19, 22, 23, 24.

ею иностранцам. О. Х. считает академию и семинарию все же полезными, потому что они иногда пропускают хороших и способных людей. О. Х. далее сказал, что в сталинские годы, с начала сороковых годов, установилась какая-то нормализация отношений Церкви с государством. Что ни говорить о культе личности, но Сталин был отрицательной, но личностью. О. Х. согласен с вашим тезисом, что некоторые уступки советской власти в отношении Церкви связаны с немецкой оккупацией и религиозным подъемом на оккупированной территории, но он тоже считает фактором то, что тогдашний Митрополит Алексей (Симанский) просидел в Ленинграде всю блокаду. Интересно, что он говорит о периоде нормализации: по его мнению, сделано было что-то, но далеко недостаточно из-за отсутствия напора со стороны Патриарха Алексея. Что не было сделано в этот период? Не был улучшен епископат и состав священников. Также позиции церкви не были закреплены, как это можно было сделать. Интересны замечания насчет главы комитета по делам Церкви до 1962 г. — Карпова и его заместителя Белова. Они были, что случается редко, идейными коммунистами, которые громили Церковь в двадцатых годах "честно борясь против контрреволюции", но они также "честно" пробовали нормализовать отношения с Церковью, когда это стало политикой государства. Дело в том, что тогда можно было как-то договариваться, а теперь этого делать нельзя. Помимо простых гонений в начале 60-х годов, произошло некое важное изменение в юридическом положении приходов. Двадцатки до 1961 г. выбирались на общем собрании прихода. Сейчас кандидаты в члены двадцатки должны подавать индивидуальные заявления в райком, который выбирает кого хочет путем отказа тем, которых находит плохими гарантами церковного

имущества. Часто райком предлагает кандидатуры взамен. Такая двадцатка выбирает исполнительный комитет из старосты, помощника старосты и казначея, опять с одобрения и под руководством райкома. Священник подписывает контракт как вольнонаемный служащий (классификация уборщиц и т. д.) с исполнительным комитетом. Кроме того, он должен подписывать контракт с комитетом по религиозным делам. Когда священник берет летний отпуск, он должен получить разрешение от старосты. Одним из легальных способов борьбы с составленными таким образом двадцатками является право священника отлучить старосту и всю двадцатку от причастия. Легально это значит, что в таком случае эти люди находятся вне прихода и не могут входить в число должностных лиц, но борьба на этом, конечно, не кончается. Без поддержки Патриархии на этом может погореть священник, и так случается часто. Епископы, подобные Пимену, не поддерживают своих священников. Самому О. Х. удалось провести в двадцатку людей, сочувствующих церкви, хотя пришлось принять в качестве старосты женщину из отдела внешних сношений Патриархии, но и она ведет себя смиренно, т. к. ей сказали чтобы она не подавала повода к запрету в причастии. Вот так и живут приходы, где сильный священник. Он может преодолеть трудности или погореть. Где священник слаб, он приравнен в правах с уборщицей. Что отсутствует в Православной Церкви здесь, это какое-либо понятие о ее легальном положении. Не было возможности приобрести этого понятия. До революции Церковь не имела юридического лица. После революции, в катакомбах, трудно было приобрести эти навыки. Есть ли Катакомбная Церковь в России? Есть, она начинается на низах и завершается наверху патриаршей митрой. Все мы, продолжает о. Х.

(стараюсь как можно меньше изменять его формулировки), находимся на разных степенях катакомб. Церковь существует в Советском Союзе де-факто, но не существует де-юре, и ее иерархи не имеют понятия, что она может существовать каким-либо другим образом. Патриарх Алексей достиг своей смертью того, чего и не мечтал достичь в своей жизни. Похороны его, пришедшиеся на праздники, дали возможность верующим, собравшимся на них бесконечными толпами, продемонстрировать свою веру. Кто был Патриарх Алексей? Он был, безусловно, честным человеком, который всю свою жизнь отказывался от роли исповедника. Это началось еще в его отношениях с Саблером (снова стараюсь точно повторять слова о. Х.) и кончилось его отношениями с "Комитетом". Он человек прошлого, который считал, что позиция Церкви зависит от личных, а не юридических отношений между Церковью и государством. Окружал он себя такими же людьми и не заступался за таких гигантов исповедников, как Епископ Ермоген Ташкентский, сейчас проживающий в монастыре "на покое". Патриарх Алексей один раз сказал отцу Х.: — "Любите Епископа Пимена". На вопрос, что это значит, Патриарх повторил: "Надо его любить". О. Х. делает из этого вывод, что Местоблюститель будет назван Патриархом Алексеем как его преемник, когда будет прочитано духовное завещание Патриарха. Епископ Пимен, по словам о. Х., является человеком традиции: он хорошо служит и "одевает и снимает калоши точно так, как покойный Патриарх Тихон", но одевание и снятие калош не является единственной меркой для оценки патриархов. У Епископа Пимена совершенно отсутствует чувство юридического и канонического положения Церкви. Он был защитником и поборником изменения церковного устава в 1961 г. — выбора двадцатки на новый лад.

О. Х. лично выступил против него в открытом письме. Епископ Пимен хороший человек. Лично к о. Х. он не питает неприязни за эту атаку. Когда один священник пришел к Еп. Пимену в связи с борьбой со своей двадцаткой, он заплакал и со вздохом сказал: "Да, все мы мученики, но что же я могу сделать?", на что священник ответил, что он не знает ничего насчет своего мученичества, но что "мученический венец как то не помещается в "Чайку", несмотря на то, что "Чайка" прекрасный автомобиль". (В "Чайках" возят епископов в "Комитет"). Еп. Пимен и на это согласился, но ничего конкретно не сделал. В Ленинграде, во время его управления, 30 священников были выкинуты из приходов по настоянию старост. Однако, когда Митрополит Никодим заменил Еп. Пимена, он восстановил всех этих священников. Однако, Митрополит Никодим является загадкой до сих пор. Еп. Пимен же является лучшим кандидатом в патриархи: он приемлем "Комитету".

О. Х. хорошо относится к Епископу Павлу Новосибирскому, у которого в приходе много молодых ученых. Он один из немногих исповедников¹.

О. Х. очень доволен получением автокефалии Американской Церковью. Он доволен тем, что часть Православной Церкви получила независимость и каноничность. О. Х. очень забеспокоился, когда Патриарх однажды заговорился и сказал "автономия" вместо "автокефалия". Однако, подпись свою Патриарх

1. Епископ Павел Голышев был эмигрантским священником во Франции. После окончания Второй мировой войны возвратился на Родину, где в 1957 г. стал епископом. В 1972 г. "за нарушение канонических норм, недостойное поведение и неспособность управлять церковной жизнью" уволен на покой. Позднее он вернулся во Францию, где и умер.

поставил на документе об автокефалии. Сделал он это за два дня до смерти.

О каноничности Синода Русской Зарубежной Церкви о. Х. не беспокоится. По-видимому, он разбирается в этом вопросе. Он симпатизирует Синоду в его твердой позиции и очень хвалит епископат, но говорит, что не все так просто и "со староверческой каноничностью" трудно понять жизнь Церкви в СССР. О. Х. просил передать, что тут приходится делать скидку на реальную жизнь здесь: причащать умирающего друга католика, исповедывать балерину Большого театра в мини-юбке, идущую на выступление в Кремлевском дворце непосредственно после исповеди, с исповеди отпускать еврейку на еврейскую свадьбу (она единственная христианка в семье), допускать к участию ядерного физика, не христианина по жизни, который заявил: "Батюшка, не отвергайте меня от того, что я считаю самым важным. Я занимаюсь метафизикой, ибо мы в науке столкнулись с такими проблемами, которые может разрешить только Бог".

На мой вопрос: "Значит, Вы считаете, что возвращение к Церкви и духовные интересы молодежи оправдывают компромисс?", о. Х. ответил: "Не оправдывают, но являются смягчающим обстоятельством". Очень большое впечатление произвел на меня о. Х.

3 мая 1970 г.

Пишу на этот раз из Академ-Городка Новосибирска. В третий раз уже в этом году встречаем весну, но пока стоит зима и время от времени идет снег.

Выставка почти готова, но еще осталось много работы, чтобы окончательно ее оформить. Академ-Городок, пожалуй, самое приятное место в Советском Союзе. Состоит он из сравнительно новых корпусов,

расположенных на берегу Новосибирского моря. Окружен он лесом из берез и сосен. Как придет весна, тут будет очень красиво.

Атмосфера, однако, тут очень неприятная. Рабочих нам дали из студентов, видно, отъявленных комсомольцев. Они хорошо работали, но видно, и хорошо понимали по-английски. Дежурные на выставке, вместо обычных старух, молодые парни с очень неприятными лицами, причем к одному из них все время приходит милиция и он подписывает им какие-то бумаги. Встреч пока еще у меня не было, да я их и не ищу — больно я устал за последнюю поездку. Однако, одна из наших гидов встретила с человеком, который сообщил ей, что тут было собрание, на котором какой-то военный сообщил им, что приезжает выставка, в составе которой много агентов ЦРУ (Си Ай Э). Двое из них наверняка агенты: она и гид дворянского происхождения, хорошо говорящий по-русски. Особенно эффективен он в пропаганде религии. Мне сейчас же вспомнился мой "приятель" из Ташкента: совпадение насчет идеологических лидеров не может быть только совпадением. В местной прессе и по радио поливают помоями американское образование. Видно, боятся они нас всерьез, но мне от этого не легче. Ожидаю очень тяжелые четыре недели, потому что на "агентов ЦРУ" они, конечно, бросят своих лучших агитаторов, а приятного в этом мало.

На Заутреню мы пошли в Николо-Кузнецкую церковь. Попасть в церковь на Пасху почти невозможно. Многие церкви забиты полностью уже с 6-ти часов вечера. Некоторые даже закрываются с 8-ми часов вечера (Лавра) во избежание появления хулиганов. Служба была прекрасная, и в этой обстановке, когда народ запел "Христос Воскресе", слова приобрели особенное значение. У меня на глазах навернулись слезы, но молитвенное настроение вскоре было

рассеяно. В середину церкви пробралась молодежь с озверелыми, неменяемыми лицами. Толпа была такая, что перекреститься было невозможно. Расталкивая старушек и молодых верующих (примерно 20%), эти неменяемые меняли все время места, а потом, собравшись кучей, начали раскачивать толпу. Верующие стояли так тесно, что переступить было нельзя, и получилось, что вся церковь начала раскачиваться. Я был рад, что не стоял рядом с этими извергами. Боюсь, что не выдержал бы и на Пасху кого-нибудь из них задушил.

Разговлялись вместе с В. и Т., а утром поехали с В. в Коломенское. Была прекрасная погода. Было пасхальное настроение. Шли старушки с куличами и яичками на могилы, но было и гуляние молодежи с транзисторами в руках и пошатыванием от излишков алкоголя.

10 мая 1970 г.

Уже две недели мы пробыли в Новосибирске и умираем от скуки. Пока что никого не встретили. Единственное, что спасает нас, это природа. Тут в Академгородке очень приятно. Когда строили новые дома, лесок не уничтожили и вокруг гостиницы и всех жилых домов остался березовый и сосновый лес. Вчера мы пошли к озеру с другими ребятами и пробовали ловить рыбу. Конечно, ничего не поймали, хотя нам рассказывали, что в этом озере есть судаки. Такие прогулки очень успокаивают, а у нас ситуация нервная. Видно, нас тут очень боятся, т. к. кампания против выставки началась, примерно, через три-четыре дня после нашего приезда. По радио была передана программа об американском образовании и его "трубодурах и апологетах". После этого, 1-го мая была демонстрация и некоторые из гидов пошли на нее ради

интереса. Это было вечером. Пришла толпа с чучелом женщины и надписью — Голда Мейр. Она была обернута в американский флаг, несла бомбу в руке и курила сигарету. Потом читали стихи и иностранные студенты — северо-вьетнамец, кубинец и поляк — говорили речи об американизме и агрессии. Затем показывали фильмы об империалистических войнах. Кончили воспоминаниями одного полковника о "священной войне". После этого сожгли чучело Голды Мейр. Все это было так примитивно и ужасно, что трудно себе представить. Единственно положительным было то, что все участники не принимали происходившее всерьез. Многие смеялись, бузили и выкрикивали лозунги не впопад. Многие знали, что мы американцы и все время на нас смотрели.

Следующим событием была лекция, которую читал профессор экономики. Когда-то он жил в Америке, но вернулся в Советский Союз. Лекция была об американской экономике, но лектор часто отклонялся в сторону. Вообще же лекция была очень странной. Целью ее была соответствующая подготовка к выставке, но она, наоборот, помогла нам. Мы еще не можем решить, был ли он очень наивен или, может быть, он нарочно так говорил. Почти к каждому негативному факту он добавлял что-то положительное. Он прямо сказал, что американское образование очень хорошее, а экономическая система в 100 раз лучше советской. Он даже сказал, что негритянская проблема улучшилась. Насчет медицинского обеспечения он сказал, что, хотя оно дорогое, но зато очень хорошее, и даже бедные им могут пользоваться, т.к. есть дешевые городские и церковные госпитали. Кроме этого он сказал, что американцы хотят мира с Советским Союзом. Лектор все время цитировал "Ю. С. Ньюз и Ворлд Репорт", который очень хвалил. Мы сидели и только смотрели

друг на друга с удивлением. Лектор наверняка не знал, что американцы сидели у него на лекции, хотя вокруг нас все на нас смотрели, следя за нашей реакцией. Конечно, лектор повторил обычные стандартные фразы насчет Вьетнама и проч., но то положительное, что он сказал об Америке, мы впервые слышали публично от советского человека.

Кроме лекции, появились две статьи в газете. Одна более примитивная, а другая очень хорошо написанная про американское образование. Последнее, что случилось, было самым неприятным. В пятницу к вечеру наш директор получил уведомление о том, что якобы вдруг случилось несчастье с электричеством, а потому выставку нельзя открыть. Наш директор сказал на это, что для выставки требуется 25 киловатт и довольно странно, что самая мощная электростанция в мире (она как раз тут!) не может доставить такое ничтожное количество энергии. Но, конечно, это не помогло. Положение создалось довольно серьезное, потому что к открытию выставки должны были приехать известный журналист Вильям Бакли, глава СиБиС, глава "Голоса Америки" и сам американский посол. Поскольку в этом замешан посол, то тут имеет место прямое оскорбление Америки. Наши думают, что все связано с Камбоджей. Вообще неизвестно, откроется ли выставка или нет, а если откроется, то, может быть, она на неделю дольше будет открыта, так как по контракту она должна длиться 28 дней. Пока же никто ничего не знает. Говоря правду, мы бы были рады сразу уехать домой, так как оба мы от всего очень устали.

31 мая 1970 г.

Ради Бога простите меня за мое молчание, но тут все идет у нас как-то ненормально, а это значит, что мы сидим как бы в невесомом состоянии и ждем событий.

Началось все с задержки открытия выставки на неделю из-за "неполадок с канализацией и электричеством". Это-то в Академ-Городке, где находятся электронно-вычислительный центр и атомный реактор! Наша же выставка берет электричества может быть всего на двадцать утюгов. В добавок к этому вранью наши хозяева даже не пожелали хотя бы как-то прикрыть свое вранье (скажем, отключив сеть выставки). Мы в течение недели ходили на выставку и каждый второй день включали всю аппаратуру — все работало!

Однако, этого мало. Вся здешняя пресса только и делала, что разоблачала классовые различия в американском образовании, в американской жизни, а также американских "оборотней" из ЮСИА (USIA — агентство, устроившее выставку). Параллельно с этим устраивались лекции и митинги, на которых предупреждали об агентах ЦРУ (CIA) с упоминанием "агента Сергея Шаховского" (об этом рассказал одной из наших гидов местный житель). До сих пор мы не знаем, когда закроем выставку.

Выставка все же работает уже две недели и, очевидно, производит здесь впечатление. В день через нее проходит по девяти тысяч человек. От публики же впечатление создается какое-то странное: во-первых, более свободно чем в других местах задают вопросы, а, во-вторых, они на более высоком уровне, но поражает то, что лично они тебя боятся, как нигде. Вообще надо разделить публику на новосибирцев и жителей Академ-Городка. Академ-Городок вроде заповедника для некоего инкубатора, где допускается доля свободы, которой нет во всем Союзе. Один из посетителей сказал мне, что тут опередили во всем весь Союз на десять лет, хотя надо заметить, что мяса и здесь нет в гастрономе. Один раз была колбаса из конины, а другой раз кровяная колбаса; даже вонючей полугнилой моро-

женой рыбы мало.

Одеты, однако, тут лучше и квартиры есть, хотя и не для всех; даже есть около сорока коттеджей для академиков (двухэтажный домик с маленьким участком). С эстетической стороны архитектура очень утилитарная, но сглаживает все дёс, подходящий к самым домам.

Вопросы в основном те же, но они интереснее. Очень большой интерес к Солженицыну, и у местных, кроме похвалы, никаких замечаний нет. Один молодой студент сказал мне во всеуслышание: "Понимаете ли вы как это грустно, что нам приходится от вас узнавать о деятельности русского писателя?". Часто задают вопросы о науке и религии, о марксизме, и внимательно выслушивают резкую критику всего строя.

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Двухнедельный Церковно-Общественный журнал.

Основан Братством преп. Иова Почаевского в 1928
году

Подписная плата на год 20.

Отдельный номер 1. -

Russian Orthodox Holy Trinity Monastery
Jordanville, N.Y. 13361

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ*

Вновь и вновь напоминая всем нам об убийстве Татьяны Зеленской, редакция нашего журнала прежде всего хочет призвать всех к скорби и молитве о невинно убиенной рабе Божией Татьяне.

Это убийство касается не только людей русского происхождения, но всех жителей Америки. Если выражение американского "горячего патриотизма" примет подобные формы, то это откроет двери резне всех против всех и повергнет страну в хаос. Нужно молиться о спасении Америки, страны, которая начала свое историческое бытие с любви к Богу и свободе. Убийство Татьяны Зеленской не одно из убийств, о которых мы во множестве слышим ежедневно и к которым притупляются наши реакции. Этот выстрел в Татьяну Зеленскую был выстрелом в сердце самой Америки — страны свободы. Выстрел в отдаленной деревне штата Вермонт стал той точкой, с которой начинается развилка американской жизни. Или американский народ услышит его и поймет его значение, или отмахнется и пройдет мимо...

Боже, спаси Америку!

Редакция

*24 октября 1983 г. в штате Вермонт была убита русская молодая женщина. Убийца считал, что убивая русскую, он таким образом мстит за убитых в Бейруте американских солдат.

Леонид Ржевский

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА ХОМЯКОВА

Седьмого февраля мы похоронили на Лейквудском кладбище под Нью-Йорком Геннадия Андреевича Хомякова, писавшего обычно под псевдонимом Геннадий Андреев. Это был один из заметнейших деятелей печатного слова второй послевоенной эмиграции, писатель и журналист, редактор и издатель. Был он родом волжанин, из-под Царицына, Волгограда — по-теперешнему, видный собой и крепко сложенный, но подкосил его на восьмом десятке недуг, с которым пока не может справиться и самая искусная медицина: рак!

В сборнике "Литературное зарубежье", составленном мною в 1958 году, я поместил повесть Геннадия Андреева "Соловецкие острова". В биографической справке к повести он пишет о себе:

"После окончания средней школы, в 1926 году, начал работать в губернской газете. Тогда же напечатал несколько рассказов. Через год был арестован и осужден ОГПУ, по 58 статье, на 10 лет концлагеря".

Следующую автобиографическую цитатку беру из первой большой книги Геннадия Андреева "Горькие воды", вышедшей в 1954 году в Западной Германии. Книгу открывает очерк "Выход из преисподней" — о сладостном дне освобождения из-за проволоки:

"Всему приходит конец, и судьба иногда меняет гнев на милость. Два раза погрозив расстрелом и восемь лет протаскав по всем кругам концлагерного ада, в 1935 году судьба вызвала меня к столу освобождения Учетно-

распределительного Отдела одного из больших лагерей... Мне можно было ехать в любое место Советского Союза, за исключением сорока одного города”.

Дальше в очерке рассказывается о безнадежных попытках устроиться на работу с единственным документом — справкой из лагеря, и потом — о мыканье по разным временным службам. Мыканье это обрывает война, а в 1942 году, на Крымском фронте, Геннадий Андреев попадает в плен. Повесть об этих днях, “Минометчики”, позже печаталась в ньюйоркском “Новом Журнале”. “После плена, — читаем дальше, — я остался на Западе и в 1946 году, после почти двадцатилетнего перерыва, вновь занялся литературной работой”.

Примерно в конце сороковых годов мы с ним и познакомились. Человек волевой, бескомпромиссно отвергающий коммунизм, он поражал меня огромной работоспособностью и разнообразием творческих и организаторских начинаний. Всё это — сверх основных служебных занятий — работы сначала в “Голосе Америки”, а затем, вплоть до выхода в отставку, — на радио “Свобода”, где его редакторская работа всегда была тщательна и ценима.

В Мюнхене мы с ним организовали “Товарищество Зарубежных Писателей”, руководил которым он один, выпустив около двадцати книг, в том числе — несколько томов альманаха “Мосты”; в этом альманахе, который он редактировал и считал любимым своим детищем, участвовали выдающиеся авторы того времени: Г. Адамович, Н. Берберова, А. Бахрах, В. Вейдле, Г. Газданов, М. Джилас, Б. Зайцев, А. Ремизов, Ф. Степун, Г. Струве, В. Франк, Д. Шуб и др.

Печатался Геннадий Андреевич и как публицист под псевдонимом Н. Отрадин. После его переезда в Нью-Йорк, в газете “Новое Русское Слово” появляются еженедельные его статьи “серийного” характера общественно-

политической и злободневной тематики.

Редакторскую работу он продолжает и после выхода на пенсию: в 75-76 годах он соредактор "Нового Журнала"; а в 80 и 81-ом он редактирует журнал "Русское Возрождение".

Я ценил логическую крепость его статей и точность формулировок, но в творчестве его меня привлекала прежде всего его повествовательная проза — сдержанная и вместе чрезвычайно живая и выразительная. Его повесть "Трудные дороги", где рассказывается о попытке бежать из Соловецкого концлагеря, я считаю одним из самых ярких произведений лагерной темы. Хороша и повесть "Соловецкие острова", о которой я уже упоминал выше, — рассказ о пережитом, каторжно-бытовом увлекательно перемежается с лиризмом пейзажа.

Вот хотя-бы такие строчки:

"Хорошо в предвечернее время разыскать одно из бесчисленных соловецких озер, окаймленных большими валунами, покрытыми вековой темнозеленой плесенью. Вода в озере не шелохнется, она застыла, как черное зеркало, а в него смотрятся застывшие на берегу высокие сосны. Непроглядны воды озера, но я сажусь на камень и долго, долго смотрю в черную гладь: мне всё кажется, что в одном из этих, так похожих одно на другое озер, сквозь холодную воду непременно покажутся колокольни Китеж-града, спрятавшегося где-то тут, на дне... Тоска, тоска..."

Среди деятелей зарубежной русской литературы, так ожесточенно замалчиваемой на нашей родине, Геннадия Андрееву (Хомякову) принадлежит заметное и светлое место. Я уверен, что написанное им станет со временем предметом внимания и описаний грядущих литературоведов.

И это будет лучшим ему памятником.

Владимир Бутков

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЕВИЦКОГО

24 сентября 1983 года неумолимая смерть вырвала из наших рядов одного из последних представителей "Серебряного века" русской культуры, русского национального мыслителя и писателя-философа, профессора Сергея Александровича Левицкого, бывшего сотрудником и "Русского Возрождения".

Несмотря на его болезнь, кончина С. А. была для всех неожиданной. Ещё 5-го сентября этого года мы с ним сидели рядом на заседаниях 7-го Съезда Русской Православной общественности в имении "Отрада" под гор. Нью-Йорком. Оттуда мы вместе и возвращались в Вашингтон. За 6-ти часовую поездку о многом говорили. Он очень хвалил организаторов 7-го съезда и хорошо составленную программу с ценными и интересными докладами.

Вообще С. А. почти никогда не пропускал русских общественных собраний, считал необходимым поддерживать деятельность и Литературного Фонда, и Конгресса Русских Американцев, постоянно выступал с интересными докладами в культурно-просветительном отделе прихода святого Иоанна Предтечи в Вашингтоне и редко пропускал Богослужения. В честь 75-летия д-ра Левицкого было организовано в приходе торжественное его чествование с поднесением специального адреса.

Когда мы возвращались со съезда, мы были поражены необыкновенной памятью С. А., когда он легко

декламировал длинные и редкие стихотворения Гумилёва, Блока, реквием Ахматовой, приводил длинные цитаты из книг.

Среди элиты наших соотечественников в Зарубежье, покойный С. А. представлял неоспоримую величину, как национальный мыслитель и учёный с европейским именем. В Германии, Австрии, Франции и Испании печатались и переводились его статьи. Капитальным трудом покойного были его "Очерки по истории русской философской и общественной мысли", которые вышли в двух томах. Эти "Очерки" выйдут в немецком переводе в Германии в будущем году.

Некоторые критики проф. С. А. Левицкого не всегда правильно понимали его мысли, ибо эти критики исходили в своих рассуждениях из своего ума и своего, разного с ним, человеческого подхода, тогда как С. А. в своих рассуждениях исходил из высшего разума и из глубин духа человеческого.

Что, например, можно сказать в наш век о таком труде покойного, как его "Трагедия свободы", или как можно критиковать его замечательный труд "Основы органического мировоззрения"? Лебединой песней С. А. была замечательная статья верующего православного христианина под названием "Этюд о смерти". В этой статье покойный С. А. писал: "Отрицание смысла смерти приводит к отрицанию смысла жизни. И нежелание принять смерть тождественно с нежеланием принять жизнь...". Этой статьей проф. С. А. Левицкий закончил свой земной опыт и перешёл в мир, где "нет печали и вздыхания...".

Ушёл от нас мыслитель исключительной величины, необыкновенно цельный, поражающий своей спокойной, прекрасно аргументированной силой убеждения. Он никому не навязывал своих убеждений, в дискуссиях был всегда корректен и выдержан. Каза-

лось, что С. А. подошёл вплотную к познанию Истины.

Прекрасную статью о покойном написал редактор НРСлова, Андрей Седых, назвав скончавшегося русского зарубежного мыслителя "бессмертным в памяти друзей и читателей".

Трудным и тернистым был нелёгкий жизненный путь покойного С. А. Левицкого. Но на всём протяжении этого своего пути верный сын России — С. А. Левицкий, в любой обстановке и обстоятельствах звал нас к продолжению борьбы за освобождение России, звал к духовному возрождению русских людей там и здесь, и умело будил в нас веру и бодрость.

Вся научно-философская и академическая деятельность проф. С. А. Левицкого была примером достойно пройденного пути в напряжённом труде, результатом которого явились его ценные книги, 250 статей и публикаций в десятках журналов и газет, как русских, так и иностранных, его блестящие лекции и доклады, в которых ярко выявился талант мыслителя, ум и мастерство писателя, вдохновение, благородные порывы сердца и души, обращённые всегда к исторической России. Ученик Лосского и близкий к мировоззрению проф. Ивана Ильина, профессор Сергей Левицкий исповедывал и проповедывал прежде всего веру во Всемогущего Бога-Спасителя цельно, с разумом. Такая его вера добывалась любовью. Покойный мыслитель утверждал, что **"СМЫСЛ СВОБОДЫ** в том, чтобы **САМОМУ НАУЧИТЬСЯ ЛЮБИТЬ"**. И совесть, по Левицкому, движется силою веры и любви. И семья есть **ПЕРВОЕ ЛОНО** любви и веры. И родина постигается любовью и строится верою. И национализм, о котором он так хорошо писал, есть не что иное, как **"любовь к своеобразной ДУХОВНОСТИ СВОЕГО НАРОДА И ВЕРА В ЕГО ТВОРЧЕСКИЕ, БОГОМ ДАННЫЕ СИЛЫ!"**

Таков был путь, начертанный покойным для русского духовного **ОБНОВЛЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ!** Иного пути нет и **ТОЛЬКО ЭТИМ ПУТЁМ ОН УБЕЖДАЛ НАС ИДТИ!...**

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

12 нм

подписка на 4 номера

40 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

7 ам. долл.

подписка на 4 номера

25 ам. долл.

**Чек или почтовый перевод
просим направлять:**

**RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.**

**8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)**

С глубоким прискорбием сообщаем о кончине
бывшего главного редактора (1980 и 1981 гг.)
журнала "Русское Возрождение"

**ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА
ХОМЯКОВА**

Вечная ему память

Редакция

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Независимый русский православный
национальный журнал

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату, насколько кто может.

П. о. чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

В Европе, Канаде и Австралии — у наших представителей.

.....

Желаю подписаться на "Русское Возрождение"
на 198... г.

Фамилия:

Имя и отчество:

Адрес:

.....

С пересылкой обыкновенной почтой

воздушной почтой

добавляю поддержку

Подпись:

Дата:

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
<i>Иван Лукаш</i> — Москва царей	7
<i>Надежда Киценко</i> — Благодать Святого Огня	19
<i>Нина Шевцова</i> — Писанки	27
<i>Епископ Алипий</i> — Основы иконографии	31
<i>Прот. А. Киселев</i> — Национальный вопрос	51
<i>В. И. Алексеев</i> — Православная Церковь и русское государство в эпоху распада Киевской Руси	63
<i>Прот. С. Четвериков</i> — О христианской семье	88
<i>Отец Сергей Шукин</i> — О чтении богослужебных книг без священника	108
<i>Свящ. Дм. Дудко</i> — Русь Святая	116
<i>Вячеслав Завалишин</i> — Андрей Рублев и вселенское предназначение национальной идеи	132
Письмо из России	140
Обращение комитета спасения Игоря Огурцова	142
<i>Гр. М. Н. Толстая</i> — Воспоминания	148
<i>Сергей Шаховской</i> — Письма	169
Вечная память	181

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

<i>Леонид Ржевский</i> — Памяти Г. А. Хомякова	182
<i>Владимир Бутков</i> — Памяти проф. С. А. Левицкого	185

THE RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A. New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ"

АВСТРАЛИЯ:

Сидней — Mr. N. M. Serebriakov, P.O. Box A 310, Sydney South, 2000 N.S.W. Australia.

Мельбурн — Mr. A. Souprounovich, 11 Chel Street, Dakleigh, Australia 3166.

Аделаида — Miss G. N. Lobatchevsky, 58 Elizabeth St., Croydou, South Australia 5008

ГЕРМАНИЯ: Frau Ksenia N. von Schlippe, Wagenbauer Str. 5, München 80, West Germany.

КАНАДА: Mrs. N. Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescent, Toronto, Ont., Canada M6R 1Y6.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк — 1000th Anniversary Committee, 322 W. 108th Street, New York, N.Y. 10025.

Mr. A. O. Rodzianko, 272 Germonds Road, West Nyack, N.Y. 10994.

Вашингтон — Mrs. G. Tunik-Rosniansky, 4920 Weaver Terrace N. W., Washington, D.C. 20016.

Массачузетс — Mrs. E. Vorobey, 16 Custer Street, Jamaica Plain, MA. 02130

Сан Франциско —

Holy Virgin Community, 6254 Geary Blvd., San Francisco, Ca. 94121

Mr. & Mrs. Sergei Kotar, 1300 26 Ave. Apt. 504, San Francisco, Ca. 94122

Mrs. Ludmila I. Kram, 1125 Chautauquo Blvd., Pasific Palisades, Ca. 90272

ФРАНЦИЯ:

Париж — Melle N. Semenoff, 1 rue Delaporte, 94700 Maisons Alfort, France

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год с пересылкой простой почтой 24 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам.долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличивать подписную плату насколько кто может. Подписную плату следует посылать (чеками или почтовыми переводами):

«1000 Anniversary Committee», 322 W. 108 St. New York, N.Y., 10025.

В Европе и Австралии — у наших представителей.

